К 84(2Рос=Рус)6
Р 55

Олег Рихтер

Повесть о Сургуте

историческая

Олег Рихтер

Повесть о Сургуте

историческая

- 094893-2

Мандр и К^а
Тюмень
2006

Государственная библиотека Югры | КО
Государственная библиотека Югры | ОЭ

ББК 28.89
Р 34

Р 34 **РИХТЕР Олег Борисович**
Повесть о Сургуте, историческая / О.Б. Рихтер. — Тюмень: Мандр и К[а], 2006. — 224 с.

«Повесть о Сургуте» публикуется впервые. Все события, о которых идет речь в книге, реконструированы по архивным материалам, царским указам и грамотам, отпискам воевод. Для написания истории города автор использовал работы Н. Карамзина, Г. Миллера, И. Щеглова «Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири» и др.

Часть иллюстраций заимствована из архивов страны и литературы XIX в.

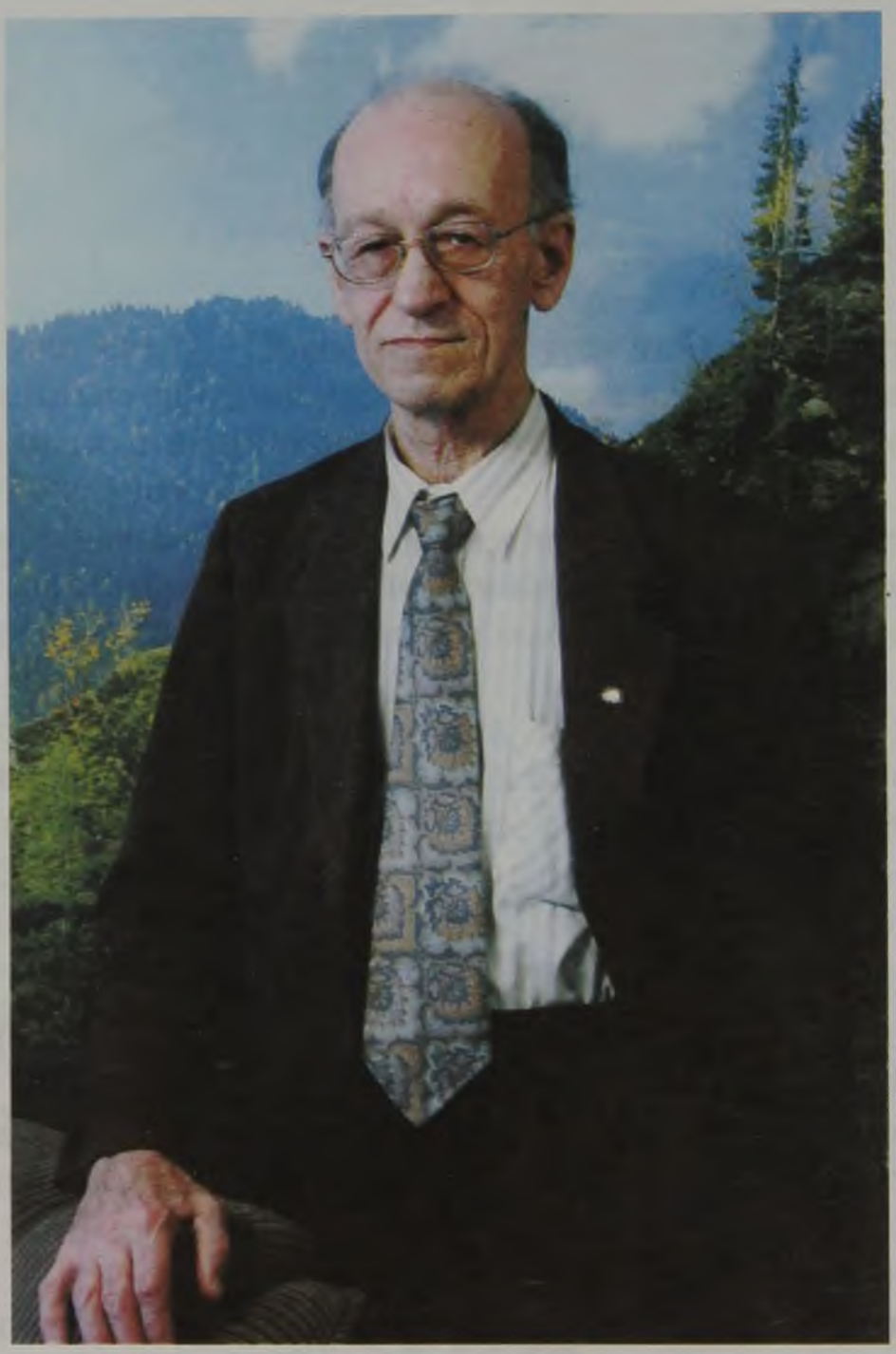
Книга адресована читателю, интересующемуся историей Сибири.

© **Рихтер О.Б.**, 2006.

© **Тугаев В.** (иллюстрации), 2006.

© **Мандр и К[а]** (оформление), 2006.

ISBN 5-93020-369-5



Рихтер Олег Борисович

Родился в 1933 году, в г. Ростове-на-Дону. Закончил Ростовский инженерно-строительный институт.

Работал в Оренбургской области, Краснодаре, на Сахалине, в Мурманске. Прибыл в Сургут в 1977 г. в качестве управляющего трестом «Запсибгидрострой» для строительства речных портов и причалов в Обь-Иртышском бассейне.

За последние восемь лет изданы его сборники поэзии и прозы «Россыпь», «Эхо времен», роман «Сказание о Ермаке», роман в стихах «Кучум».

О всех его публикациях до 1997 г. можно узнать из «Библиографического перечня», подготовленного Центральной библиотекой г. Сургута.

От автора

Настоящая книга «Повесть о Сургуте» является историческим художественным произведением, отражающим десятилетний период со дня подписания царского указа о строительстве города Сургута, 1594–1604 гг.

Все основные события в повести и время их свершения соответствуют фактам, а главные персонажи — их подлинным именам и званиям. Вымыслом, и то не без оснований, являются характеры героев и их внешность.

Я уверен, что такая книга нужна. Проведенные мною встречи с читателями выявили живой интерес к истории нашего города.

Пока писалась настоящая повесть, две ее начальные главы публиковались в литературно-художественном альманахе «Сургут».

По этим главам мне выдан диплом победителя открытого литературно-творческого конкурса «Сургут — судьба моя», посвященного 410-летию Сургута, в номинации «проза».

Это обнадеживает, что и в целом книга «Повесть о Сургуте» заинтересует читателей, любящих свой город.

Олег Рихтер

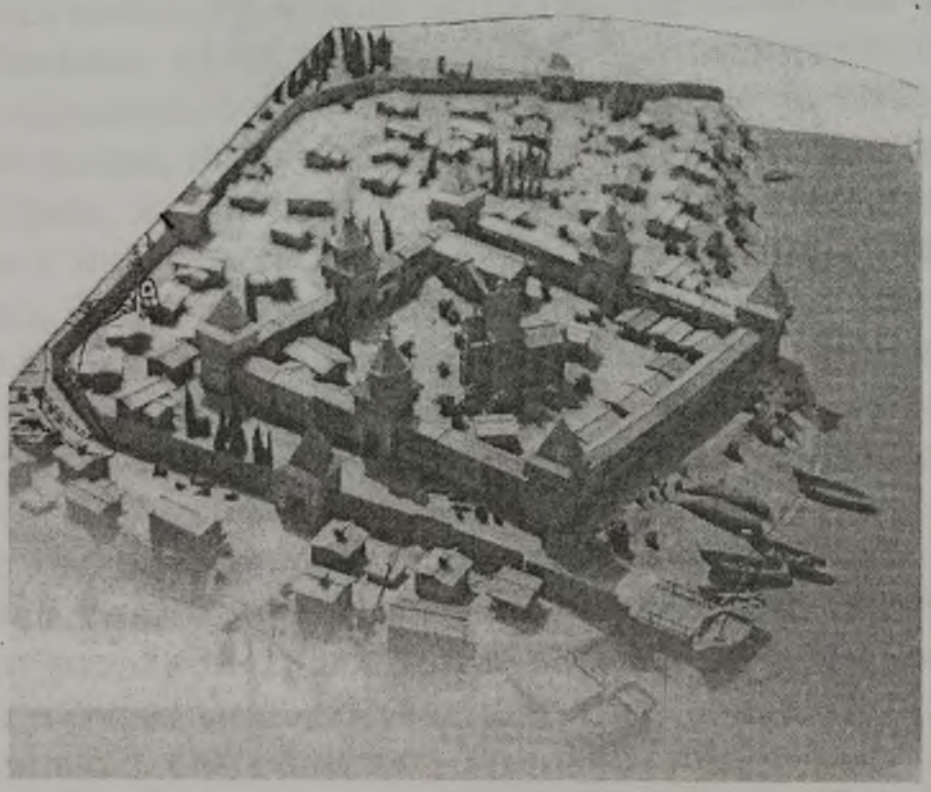
Благодарю генерального директора ЗАО «Компания МТА»
Александра Владимировича Макарова
и генерального директора ОАО «Мостострой-11»
Валентина Федоровича Солохина
за финансовую помощь в издании книги.

Автор

«А пришед князю Федору и Володимиру в Сургут, в котором месте пригоже, высмотря место крепкое под город <...> и город поставить...

Лета 7102-го февраля 19 день»

(Из указа царя Федора Иоанновича воеводе Ф.П. Борятинскому и голове В. Оничкову)



Царский указ, или Три тысячи трудных верст

1

Князь Володимир Оничков, выйдя из Посольского приказа от дьяка Ондрея Щелканова, испытывал удручающую растерянность. Февральская вьюга, гуляющая затейливыми змейками поземки по улицам Москвы, ретиво набросилась на именитого прохожего, проникая холодными струйками сквозь потертую шубу.

Широко шагая, втянув голову в воротник, Оничков направился в Китай-город, желая поразмыслить дома о неожиданном событии. Рядом с ним семенил щупленький, небольшого роста, подьячий Ерошка. У Оничкова была крытая повозка, но она сломалась, и поэтому товарищам по несчастью пришлось идти пешком.

— Влипли мы с тобою, князюшка! Ой, влипли! — сказал Ерошка.

— Влипли, — согласился Оничков. — Зайдем ко мне да помозгуем у печи.

В доме было натоплено, пахло свежеиспеченным хлебом, и оттого казалось уютно. Слуга принес и поставил на стол блюдо с ломтиками холодной индейки и кувшин с черемховым медом.

Как бы в оправдание, Оничков сказал:

— Обнищал я. Ой, обнищал! Угощайся тем, что есть. Оно, быть может, и к добру, что на государевом жалованье буду. Одного не могу понять — чести я удостоился или ссылки?

— Я тоже удивлен, — сказал Ерошка. — Когда царский указ переписывал, то не думал, что и меня он коснется. Старец Щелканов до последнего дня втайне держал свою задумку.

— Что-то у меня совсем в голове помутилось, — сказал Оничков. — Какой город, черт его задери, велено ставить?

Ерошка извлек из ларца грамоту царя, с государевой печатью на красном сургуче, привязанному шелковым шнурком к бумаге, и прочитал:

«Лета 7102-го* февраля в 19 день память князю Федору Петровичу Борятинскому да Володимиру Оничкову. По государеву и великого князя Федора Иоанновича всеа Руси указу велено им бытии на государеве службе: вверх по Оби город ставити в Сургуте или в Безекове волости в Лумпекех».

— Ох-хо-хо! Даль-то какая! Не сгинуть бы на зимнем пути. Куда лучше с турками воевать.

— Очень далекий путь, — подтвердил Ерошка.

— Почему все-таки Щелканов не позвал заранее, не предупредил? — спросил Оничков.

— Не знаю, не ведаю. Быть может, оттого, что князья, несогласные с повелениями Бориса Годунова, в Литву убегают. Щелкановы в дружбе с ним и все царские наказы пишут по его разумению. За то и произвел он старца в думные дьяки, поручил ему начальство в Посольском приказе, а его младшему брату — в Разрядном, по военным делам. Я два года в помощниках был, так что многое про них знаю.

— Наверное, поэтому тебя и удаляют, — сказал Оничков. — А меня — по какой причине? Да, ладно, Бог с ними! Почитай грамоту, а я послушаю.

Ерошка стал читать:

«...и Володимиру, взяв под себя подводы, по подорожной ехати ему в Пермь великую да на Лозву. А, приехав на Лозву, взять у воеводы князя Ондрея Елецкого в новый город на Обь Государевые хлебные запасы и деньги по росписи и покласть те запасы в суда, идти с Лозвы вместе с Ондреем Елецким по весне рано, как лед вскроется. А пришедши на Пелым, взять у воеводы князя Петра Горчакова казаков по росписи и идти в Тобольский город. А пришедши в Тобольск, вместе с князем Федором Борятинским взять

* Прежнее летосчисление от сотворения мира. От Рождества Христова — 1594 год.

у воеводы князя Федора Лобанова Ростовского с товарищами тобольских людей по росписи, а подлинно об их отпуске писано князю Федору Михайловичу...»

Прервав подьячего, Оничков сказал:

— Надо будет навестить Якова Петровича Борятинского, чтобы он узнал о моей службе с его братом. Сделаю это сегодня. А тебя попрошу съездить тем временем в мое поместье и сказать приказчику, чтобы занялся подготовкой к нашему путешествию. Пусть подберет стражников, коней, проверит пищали, отремонтирует и утеплит повозку, заготовит в дорогу еду, брагу и мед, получит из государевых амбаров хлеб да крупы, зелье * и свинец и пуд соли. Потом по подорожной возьмет подводы и все погрузит, укрыв пологами и не забыв положить мой походный шатер. А матушке и сестрице скажи, что я заеду попрощаться уже по пути в Сибирь.

— Исполню с удовольствием твое поручение, князь Володимир, и приказчику помогу в хлопотах, — пообещал Ерошка. — Читать далее?

— Сделай милость.

«...Идти вниз по Иртышу в Обский город и взять с устья Иртыша у Гневаша Лухотина ратных людей литву и казаков, которые годуют в Обском городе, и наряды в казне, зелье и свинец и всякие пушечные запасы по росписи, а хлебное бы жалованье и денежное послал князь Федор тем людям, чтобы они не разбежались и дождались людей из Березова города с головою Молчаном Норовым да с атаманом казаков Денисом Базаровым да князя Игичея с его людьми остяками».

Ерошка вдруг умолк, смахнул со лба пот и сказал:

— Во рту что-то пересохло.

Они выпили по кубку меда, закусили и продолжили чтение.

«А послал бы князь Федор Лобанов к Микифору Троханиотову с товарищи, чтобы ранее прислал людей и наряд не мешкая из Березова, чтобы им в Обский город на устье Иртыша прийти к Петрову дню. А Федору Борятинскому и Володимиру Оничкову с Березовскими людьми идти из Обского города вверх по Оби в

* Порох.

Сургут. А Обский город велеть разломать и сжечь, и впредь ему не быть. А Гневашева с детьми отпустить в Тобольский город с князем Федором Лобановым. А пришедши князю Федору и Володимиру в Сургут высмотреть пригожее место и поставить город всеми людьми тутошными...»

— Фу! Всего сразу и не запомнишь. Устал! — пожаловался Оничков. — Легче на ратном поле саблей махать. Дочитаем грамоту в дороге. А пока давай о себе подумаем, о путях-дорогах до Перми.

В этом вопросе Ерошка был осведомлен достаточно хорошо. Он стал излагать свои мысли:

— Если ехать югом через Володимир, Суздаль, Ярославль и Нижний Новгород, то можно попасть под набег кочевников или воровских казаков. Севером идти — это на тысячу верст далее, но зато безопасно. Щелканов советовал добираться до Чердынской крепости уже проверенным путем через Вологду, Соль — Вычегодскую и Печору — дорогой, наезженной купцами Строгановыми. По росписи от Москвы до Чердыни да через Камень* до Лозвы — три тысячи триста верст.

— Поспеем ли к Петрову дню в Обский город? — Оничков загнул пальцы и сказал: — времени у нас четыре месяца. В Перми надо быть в апреле, а в начале мая — на Лозве. Тогда поспеем.

2

Яков Петрович Борятинский был сухопар и очень подвижен. Он то садился за стол и предлагал выпить очередную чарку, то вскакивал и начинал ходить туда-сюда по комнате, и говорил:

— Ты прав, Володимир. Мы, родовитые князья, все обнищали. Теперь с полной сумою только купцы да правители. Пятьдесят лет из нас выжимают соки поборами, налогами и воинской повинностью за счет наших поместий. Мы обязаны жить вблизи царского двора в ожидании, что вдруг понадобимся для исполнения государевой службы. А из-за этого скудость и запустение в наших землях. Доходов нет, а налоги растут. Приходиться закладывать деревни, луга, дома, чтобы не попасть в тюрьму за неупла-

* Уральские горы.

ту. Ростовщики и монастыри богатеют, а мы приходим в полное разорение. Так что тебе еще повезло, что будешь получать жалованье.

— Была бы моя воля, то ради денег я не поехал бы в Сибирь, — сказал Оничков и спросил: — Как думаешь, Яков Петрович, — почему меня избрал Щелканов?

— Этот хитрый старец все делает в угоду Борису. Он оставляет в Москве только явных сторонников, которые в важную минуту будут его поддерживать. Знаешь, почему сейчас мой отец в Тюмени, а брат в Тобольске? Да потому, что дед Юрий Борятинский пострадал за правду от царя Грозного. Царь его выкупил из литовского плена и стал расспрашивать о короле. Дед сказал, что Баторий ослаб, не имеет прежнего войска и денег для продолжения войны. Грозный схватил посох и изломал его о деда, приговаривая, — «Вот тебе, бесстыдному, за грубую ложь!» А сказана была правда, и она подтвердилась. Баторий не смог взять Псков, защищаемый Иваном Петровичем Шуйским. С тех пор мы на подозрении у Бориса.

— Я был на той баталии и чту ратный подвиг Шуйского, — сказал Оничков.

Борятинский соскочил со стольца*, схватил себя за черную курчавую бородку, словно собираясь в возмущении вырвать из нее волосы, и воскликнул:

— Вот видишь?! Видишь — в чем дело до тебя Щелканову? Грозный на смертном одре завещал сыну Федору пожаловать Ивану Петровичу все доходы от города Пскова, чем возвысил его рядом с Годуновым. Как такое стерпеть? Это, несмотря на то, что Борис стал наместником двух царств, Казанского и Астраханского. Ему были отданы лучшие земли и поместья, доходы от волостей Двинской и Ваги, все луга на берегах Москвы-реки с лесами и пчельниками, разные казенные соборы московские, рязанские, тверские, северские и другие. Вместе с его родовыми вотчинами в Вязьме и Дорогобуже он получал доход около миллиона серебряных рублей. Такого богатства не имел ни один вельможа во все времена. Он мог бы содержать войско до ста тысяч воинов. Однако во вла-

* Табуретка.

сти у него появился соперник, в котором вся Русь чтила славу великого подвига. Поэтому Борис избавился от него с помощью наговора, обвинив в изготовлении зелья из трав для отравления царя Федора. Те же Шуйские, которые остались в живых, притихли и даже женили младшего брата Василия Ивановича, Димитрия, на своячнице Бориса. Но все равно Шуйские остаются под подозрением.

— Нелепо, если меня из-за них посылают в Сибирь, — сказал Оничков.

— Из-за них или из-за чего-нибудь другого — не имеет значения. Запомни, Володимир, чем дальше от Москвы, тем целее будешь. А брату моему передай поклон и скажи, что мне любо было бы поехать к нему.

— Не думаю я, что Сибирь может кого-то уберечь от опалы, — возразил Оничков. — Слышал я, что Данила Чулков и Тюмень, и Тобольск ставил, а Годунов упек его в тюрьму. Все под Богом ходим.

Борятинский вдруг расхохотался.

— Знаешь, Володимир, почему он Чулкова невзлюбил?

— Скажи на милость.

— А потому, что Данила, пленив знатного татарина Сейдяка, обошелся с ним без ласки. Борис же его обласкал и наградил богатой вотчиной. Мы, русские, бедствуем, а этот басурманин лебяжьи потроха жрет. Ворон ворону глаз не выклюет, а татарин татарину — тем более.

— Бог им судья!

3

В то утро, когда обоз выехал на дорогу, ведущую к Вологде, светило солнце, рассыпая искорки по снежному покрову, а в дуновении ветерка ощущались теплые намеки на близость весны, рождающие хорошее настроение и отгоняющие страхи.

Повозка была хорошо приспособлена к дальнему путешествию. Внутри ее обложили пуховыми подушками и одеялами, под ноги настелили сено, накрыв его ковром. Тут же стоял бочонок с крепкой брагой.

— Хороша ямщицкая царская дорожка, — сказал Оничков, откинувшись на подушки. — Говорят, что все прибранное в ливонской войне царь Грозный свозил в Вологодскую волость. Будто казна с золотом и драгоценными каменьями упрятана в дремучих лесах.

— Так уж и в лесах, — сказал Ерошка, усмехнувшись. — Мне ведомо, что есть гора, а на ней царские каменные хоромы с подземельем и тайниками. Но нам от этого какая забота?

— А никакой. Похвалил дорогу — и сказку вспомнил. Я к тому сказал, что до Вологды без тягот проедем. А вот далее как? У костров будем спать?

— Там ямы* далеко отстоят друг от друга, но дворы хорошие для ночлега, и кони добрые для подмены, овсом кормленные. Я об этом по росписи знаю.

— Повезло мне, Ерошка, что тебя дали в товарищи. Твоя служба в приказе только на пользу нам. Все-то ты знаешь, — сказал Оничков.

— А можно спросить, князь, о тебе самом?

— Спрашивай. У меня нет тайны.

— Как мне ведомо — ты не женат. Почему?

— Не пришлось как-то. С восемнадцати лет на войну пошел, а когда вернулся — моя невеста замуж вышла. Женюсь к тридцати годам, после службы в Сибири. Конечно, если найду девицу по душе.

Неурядицы начались, когда миновали Вологду и Тотьму, и поехали вдоль реки Суконы. Тут еще гуляли холодные северные ветры, резвились бураны, заваливая сугробами дорогу. Приходилось с большими потугами отвоевывать чуть ли не каждую пядь пути, утопая по пояс в снегах. Один из поместных слуг Оничкова застудился и умер. Его довезли до небольшой деревушки без церкви, и там похоронили без отпевания, но установили добротный крест и вырезали на нем имя погибшего. Этот случай встревожил Оничкова. При смене лошадей на яме, он взял дополнительную подводу и загрузил ее сухими дровами. Если на полпути заставала непогода, то объявлялся привал, натягивались между деревьями полога, и разжигался большой костер. Так, шаг за шагом, медленно, но упорно, обоз двигался на восток.

* Постоялые дворы.

Однажды, выехав к реке Вычегде, нагнали колонну пеших арестантов, сопровождаемую конными стражниками.

— Эй, служилый! — окликнул Оничков одного из них, высунувшись на ходу из повозки. — Что это за люди? Куда их ведете?

— Это, боярин, литва* пленная. Гоним их в Сибирь для службы в острогах.

— Поляки или литовцы?

— Поляки.

— Вот те оказия какая, — сказал Оничков Ерошке, — такие нам по росписи положены. Добрые вояки эта литва! Попрошу отдать нам человек десять. Думаю, что прокорма для них у нас хватит.

— Не отдадут полонян без приказа, — засомневался Ерошка.

— А я попробую, — загорелся Оничков. — Государь отсель далеко, а деньгами и соблазнить можно.

Оничков велел ямщику подогнать повозку к сотнику и на ходу стал вести переговоры:

— Послушай-ка, любезный! Я, царский воевода, еду в Сибирь ставить новый город, где для меня уже уготовлена такая же литва. А пока стража у нас слабая, в дороге любое лихо может случиться. Отдай десяток полонян.

Сотник отрицательно замотал головой.

— Никак не могу. Я всех по росписи должен сдать в крепость Чердынь. Иначе — голову потеряю.

— Да не потеряешь! Я раньше тебя буду в Чердыни и скажу, что ты стражей помог в важном государевом деле. Если хочешь, я расписку дам, печать приложу да деньгами помогу, чтобы ты в пути нужды не имел, — увещевал Оничков.

Упоминание о деньгах возымело действие. Сотник осадил коня, подал знак остановить колонну, и спросил:

— А сколько дашь?

— По полтине за человека, а всего пять серебряных рублей.

О таком неслыханном богатстве служилый, видимо, и не мечтал, так как за свою тяжкую службу сопровождающего арестантов, пленных и ссыльных, он получал жалованье только пять

* Литвою называли не только литовцев, но и немцев, и поляков.

рублей в год. Сотник соскочил с коня, подошел к повозке и сказал:

— Пиши, воевода, расписку. А о деньгах, если кому скажешь, то я и под пыткой не признаюсь. Семья у меня большая.

— Будь спокоен. Не выдам. Попрошу даже, чтобы тебя наградили.

Отобрав десяток молодцов, Оничков отвел их в сторону и дал напутствие:

— Считайте, братцы, что вам повезло. Не пеше будете сотни верст сугробы топтать, а поедете на подводах. Еда у нас добрая, будете со всеми равны, как товарищи, а не арестанты. Убегать не советую — места глухие, сгинете ни за что. А если послужите честно нашему делу, то и на родину вернетесь в благости.

Упорно преодолевая снежные заносы, обоз прибыл к середине марта в Соль Вычегодскую, в вотчину солепромышленников и купцов Строгановых.

По стечению обстоятельств туда накануне из поместья на реке Чусовой прибыл и сам хозяин соляных варниц, Максим Строганов.

4

После утомительного путешествия, от которого ломило все тело, Оничков и Ерошка чувствовали себя как в раю.

Максим, желая извлечь выгоду от неожиданной встречи, старался всячески угодить гостям. Он расценивал как большую удачу — принимать у себя царского воеводу и подьячего из Посольского приказа, заблуждаясь относительно их возможностей быть ему в чем-то полезными. Однако приезжие не сочли разумным его разочаровывать, надеясь на бесплатное пополнение своих запасов продовольствия.

Строганов, заискивающе улыбаясь, пригласил их в хоромы, в богато обставленную горницу, усадил за стол из мореного дуба, и велел слугам принести заморские вина и самые изысканные блюда. Наблюдая, как гости поедают одно кушанье за другим, он сказал:

— Небось, соскучились в дороге за вкусненьким? По себе знаю. Нынче, как прибыл, так не мог оторваться от домашней еды. Чуть не лопнул.

2 Заказ 462

-094893-2

Государственная библиотека Югры | КО

Максим хохотнул, погладив животик, потом нахмурил лоб и стал жаловаться:

— Худые нынче настали времена. Одно только утешение — вкусно поесть. А остальное — сплошные неприятности. Пустеть стали сундуки, как только кончились льготы, данные покойным государем Иоанном Васильевичем. Жаловал он нас за старания, и Годунов опекал, а теперь отказался. А ведь мой дядюшка, Семен Аникиевич, полгода лечил его в Москве травами да мазями, когда он раны получил от посоха царского за заступничество при убиении царевича. Теперь это забыто и нам доступ закрыт за Камень, где по Туре, Тоболу и Оби могли города ставить, имея на то цареву грамоту.

Прихлебывая из серебряного кубка венгерское вино, Оничков сказал:

— Когда бы поставили там города, то и нам не надо было бы идти в Сибирь с мучениями.

— Да как же мы могли?! — Максим всплеснул руками, оторвав их от животика. — Кучум-царь тогда силу обрел и сжег наш острог на Тахчее. А за поход Ермака мы в опалу попали. Слава Богу, что атаман разбил татар и подарил государю всю Сибирь. А иначе — не сносить бы нам головы. Мы снарядили Ермака всякими запасами, но когда по всем церквам в колокола били и хвалу ему пели, то о нас и не вспомнили. Теперь же хочу попросить вас об одолжении. Похлопочите, чтобы нам права вернули и позволили при новых городах торговые дома открыть. От этого и вашему делу польза будет. А я в долгу не останусь.

Оничков бросил многозначительный взгляд в сторону Ерошки и сказл:

— Отчего не похлопотать? Только прежде всего выдели нам вожей*, которые знают дорогу на Печору, Чердынь да Лозву, и запасы дай добрые. Тогда и рассчитывай на нашу благодарность.

— Все дам, все! Только постарайтесь! Вина заморские дам. Даже сахару дам, который из Европы привез. Сахар-то есть только у меня да на царском столе.

— Как сам-то добрался сюда по зимнему бездорожью? — спросил Оничков. — Не лучше ли было весны дождаться?

* Проводников.

— Наше купеческое дело не может ждать, — сказал Строганов. — Только реки вскроются — прибудут мои суда из Архангельска и аглицкие с товаром, которые сам должен встретить, чтобы воровства не было. А к дорогам тутошным я привыкший. Когда пойдете к Печоре, так сначала по деревням моим проедете, а далее я избы поставил через каждые сорок верст, с печами да дровами. Там и лошади есть. Вожам я накажу, чтобы говорили моим людям по тем дворам — встречать вас ласкою.

Через два дня, отдохнув, попарившись в бане, государев воевода, подьячий и служилые люди продолжили свой путь. Иногда обоз нагонял небольшие ватажки людей, сбежавших от тягла и нищеты, и идущих в Сибирь искать счастье. Среди них были и рудознатцы, и мастеровые разного ремесла, и хлебопашцы с загруженными всяким скарбом телегами, за которыми на привязи можно было увидеть бычка или корову. Шли также и плотники, прослышавшие о строительстве городов, и промысловые охотники, и вообще всякий другой люд, готовый на любую работу.

Поравнявшись с одной из таких ватажек плотников в полтора десятка человек Оничков разрешил им присоединиться к обозу, пообещав дать работу.

— Каких нам людей в Сибири дадут — мы еще не знаем, а эти сразу сгодятся, — сказал он Ерошке. — Круп, толокна и сухарей должно хватить до самой Лозвы, а там еще запас получим. Как говорится, на Бога надейся, а сам не плошай.

5

В середине апреля внезапно потеплело. Снег превратился в кашицу, появились глубокие лужицы и грязь, дорогу часто перерезали ручьи и промоины. Приходилось, помогая лошадям, проваливаясь по колена в жижу, перетаскивать подводы через преграды. Последние две сотни верст до Чердыни вконец измотали людей. Промокшие, потные, забрызганные грязью, вошли они в крепость.

Воевода Василий Петрович Головин и голова Иван Васильевич Воейков вышли навстречу Оничкову и сразу увели его переодеться и привести себя в порядок. А Ерошке, вместе с гарнизонным сотником, было поручено проследить за размещением слу-

жилых в слободе, уходом за лошадьми и обеспечить охрану подвод с грузом.

Когда Оничков, умытый и подстриженный, уселся за накрытый в горнице стол, Головин сказал:

— Прежде всего, князь Володимир, выпей без речей кружку браги, чтобы прогнать усталь и хворь. Я и Воейков всегда рады гостям. Без долгого общения с людьми нашего круга мы начинаем дичать. Эта крепость как Божье наказанье.

Во время застолья, по просьбе Оничкова, Головин стал рассказывать о том, что происходит в Перми Великой и в Сибири:

— Многие думают, что мы покорили местные племена и татар, но это не так. Кучум-хан стервятником кружит по Барабе, набегает на татарские поселения окрест Тобольска и убивает тайбугинов*, считая их предателями. Но наших острогов с пушками боится. А пелымские вогульские** князьцы, которые его поддерживают, злобствуют на русичей, скрываются в лесах и жгут наши посады и починки. С ними заодно и черемиса***, склонная к постоянному бунту. Сколь ни укрощал их мой предшественник, воевода князь Никифор Васильевич Троханиотов, а воз и ныне там.

— А как дела на Лозве? — спросил Оничков. — Подьячий, которого мне дали в товарищи из Посольского приказа, сказывал, что три года назад Иван Григорьевич Нагой разбил и покорил пелымцев.

— Черта с два! Разбить-то разбил, но не покорил. Поэтому и сняли Троханиотова с воеводства в Чердыни, и послали на Лозву и Пелым для отвращения басурманов от набегов. Отсюда, из гарнизона, он взял пять десятков стрельцов, и от купцов Строгановых еще полсотни, на что была государева грамота о посылке войною на князя Аблегерима, его сына Тагая, племянников и внучат, которых приказывалось извести. А меньшого сына Таутья с женою и детьми не убивать, а отвезти в Тобольск к Федору Лобанову и держать там аманатами****. Прошлый год Троханиотов извел

---

* Местные сибирские татары от имени хана Тайбуги.

** Манси.

*** Марийцы.

**** Заложниками.

Аблегерима. Потом, с князем Петром Ивановичем Горчаковым, поставил острог Пелым. Это там, где оная река в Тавду впадает. А в Лозву в то время прибыл князь Ондрей Елецкий, которому велено ставить город Тару на Иртыше. Скоро сам свидишься с этими воеводами. Они многое рассказать могут.

— А почему уехал Нагой?

— Да ты и сам, Володимир, знаешь причину. Как только Иван Григорьевич прослышал об убиении царевича Димитрия, так сразу поспешил в Углич утешить и защитить сестрицу, царицу Марию.

— Зря он поехал в Углич, — сказал Оничков. — Теперь все Нагие в ссылке по разным местам.

Головин испытующе взглянул на Оничкова, стараясь разгадать — сторонник ли он Годунова? Но, поразмыслив, что таковых редко посылают в Сибирь, сказал:

— Я говорил ему об этом, предупреждал, что голову в петлю сует. Так он не послушал. А какая молва по Москве ходит?

— Говорят, что Мария Нагая возопила, увидев сына с перерезанным горлом, велела бить в колокол и собрала толпу для расправы с убийцами. Она указала на государева дьяка Михаила Битяговского, его сына Данилу, племянника Никиту Качалова, сына мамки Василисы Волховой, и других более десяти человек.

— Разве такое возможно, чтобы в убийстве царевича открыто принимало участие столько людей?

— Я тоже сомневаюсь. Вся причина — в горе обезумевшей матери. А чернь не способна к рассуждению. Думаю, пострадало много невинных людей. Василий Иванович Шуйский*, расследуя этот трагический случай, установил, что у царевича была падучая болезнь. Играя с ножичком, он вполне мог сам себя зарезать. Но слухи ходят разные, с наговором на Годунова. Говорят, будто, царевич очень походил на отца — любил мучить и убивать животных, а однажды якобы слепил из снега Бориса и стал рубить палкою руки, ноги и голову, приговаривая: «Вот так будет, когда я стану царствовать!». За это, мол, и убиен был. А тем, кто эти слухи распространял, языки отрезали. Так что, Василий Петрович, нам следует поостеречься, чтобы языков не лишиться.

*** Будущий царь, правивший с 1606 по 1610 г.**

— У многих ссыльных угличан в Пелыме, действительно, отрезаны языки, — сказал Головин. — Лучше поговорим о другом.

Оничков попросил:

— Расскажи о дороге на Лозву. Что посоветуешь?

— Об этом Иван Васильевич лучше знает. Он ходил туда — ему и слово.

Воейков стал рассказывать:

— Отводил я туда ссыльных и литву. Тропы, по которым шли, трудные, волчьи, но, умеючи, можно протащить телеги или сани. Только надобно всяким тряпьем обвязать лошадям ноги, чтобы не посекли их о наст и камни. Лучше всего пройти к перевалу рекой Вишерой по льду, а на другой стороне дойти до истока Лозвы и спуститься по ней. До места доберетесь недели за две. Только в пути будьте настороже и держите пищали заряженными. Это на случай, если вогулы нападут.

Оничков вспомнил о пленных поляках, которых выкупил, и сказал:

— В дороге я встретил литву, которую ведут к вам, и позаимствовал у сотника десять человек для стражи. Если хотите, то я их верну. А сотнику выскажите благодарность за помощь.

— Оставь их себе, — сказал Головин, — тебе они нужнее. Все равно остальных будем переправлять в Тобольск.

Выезжая из Чердыни, Оничков сказал Ерошке:

— Скоро с подвод пересядем на ладьи. По многим рекам пройдем и увидим — какова она Сибирь.

— Нелегкий путь, — проговорил Ерошка и вздохнул.

6

Горная тропа казалась непреодолимой для прохода подвод. Путь преграждали то каменные россыпи, то топкие впадины, то заросли. Люди не выпускали из рук топоров, расширяя проходы среди деревьев или делая накаты из бревен и веток. Труднее всего было протащить обоз по крутым, влажным склонам впадин, пригреваемых солнцем. Ноги скользили по ним, падали и люди, и кони. Общими усилиями вытаскивали поочередно каждую повозку наверх. Когда перебрались на другую сторону хребта, то возникла

иная трудность — удержать подводы, чтобы они не скатились вниз и не попадали в пропасти. Для этого пригодились лежащие в запасе веревки, которые привязывали к стволам могучих сосен. Все вздохнули с облегчением, когда наконец выехали на ледовую дорогу реки Лозвы и стали спускаться по ней. Но и тут следовало поспешить, пока не тронулся лед.

На место прибыли только в конце апреля, в День Пасхи.

Воевода, Ондрей Васильевич Елецкий, прочитав наказ царя Оничкову и Борятинскому, сказал:

— А теперь, князь Володимир, послушай, о чем мне писано:

«...идти город ставить вверх Иртыша на Тару реку, где бы Государю было впредь прибыльнее, чтобы пашню завести, и Кучума Царя истеснить, и соль устроить... и идти на то место с судовой, и конной ратью, высмотря место, где пригоже, чтобы город сделать и укрепить, а запасы хлебные и деньги на запас, и всякий наряд вести в судах...»

Оничков, в свою очередь, развернул свою грамоту и зачитал вслух:

«...А приехав на Лозву, взять у воеводы князя Ондрея Елецкого в новый город на Обь Государевы хлебные запасы и деньги по росписи и покласть те запасы в суда, и идти с Лозвы вместе с воеводою князем Ондреем Елецким по весне рано, как лед вскроется».

— Что на это скажешь?

— Своим хлебом и деньгами государь сам ведает. А вот судов на всех не хватит. Люди день и ночь на плотбище делают ладьи. Из Москвы мне прислали сто сорок пять стрельцов, из Казани и Уфы сто татар и три сотни башкирцев, пятьдесят конных стрельцов, пятьдесят пленных поляков и пятьдесят пленных запорожских казаков. Всего пятьсот пятьдесят четыре человека. Еще в пути я должен забрать из Тюмени и всей ее волости по реке Туре — литву, черкас, казаков и татар сто сорок человек. Получается, что на суда я должен посадить семь сотен. Для этого нужно иметь не менее сорока стругов. Теперь ты подсчитай — сколько их требуется под твоих людей.

— Не так много, как для тебя, — ответил Оничков. — Со мною пришло сорок человек, еще в Пелыме возьму у князя Горчакова казаков. Думаю, что понадобится четыре или пять стругов, если

сажать в них по двадцать душ. А для людей из Тобольска и Обского города, наверное, есть на месте суда.

— Это так, — подтвердил Елецкий. — Тобольску приказано тоже строить струги для нас. Но здесь, на Лозве, нужно успеть до вскрытия реки сделать еще полтора десятка.

— По пути я подобрал ватагу плотников. Ставь их на работу, — сказал Оничков.

— Очень кстати. Тогда поспеем. Но каково будет узнать Горчакову ущербную для него новость? Эти дьяки мудрят в Москве, сидя в тепле и сытости, и подсовывают государю свои измышления. Вместо того, чтобы прислать ратников для Пелыма, они последних надежных людей забирают. С кем он будет острог защищать от злобствующих вогулов? С одними угличанами ссыльными? Ты, Володимир, привыкай к тому, что для нас в Сибири — всякий час, как на войне.

— Почему же у Горчакова так мало людей на опасном месте?

— Сначала было густо, а постепенно становится пусто. Горчаков пришел в Пелым с Троханиотовым. Разбили они войско Аблегерима и, кого могли, привели к шерти*. А остальные в лесах затаились. А в Москве не думают об этом. Услали дьяки Троханиотова с половиною гарнизона ставить город Березов. Теперь и от него отбирают людей для тебя. А там тоже неспокойно. Местные остяки в любое время могут бунт учинить. Ты уж на меня обиду не таи — говорю, как оно есть. Я теперь с Лозвы казаков уведу, а ты с Пелыма — не пострадал бы ход с Руси.

У Оничкова накопились вопросы, и он стал спрашивать.

— Скажи, князь Ондрей, как ты собираешься Кучума извести, когда он неизвестно где по степи кочует?

— Об этом нам его враги, те же татары донесут, которых он пограбил и пожег окрест Тобольска. А в Тобольске есть казак Иван Александров, по прозвищу Черкас. Он у Ермака чужеземным полком командовал, а теперь начальствует над татарами. Так у него свои счеты с Кучумом за гибель атамана.

— Не для того ли и Сургут нужен, чтобы перекрыть ход кочевникам с Верхней Оби?

* К верности Руси путем клятвы.

— И для этого, и для покорения Пегой орды, о чем тебе в указе сказано. Но, главное, это завоевание новых волостей для сбора ясака в царскую казну.

— Важная задумка. Значит, и мне воевать предстоит. А не знаешь — что за люди в Орде?

Елецкий закрыл глаза, припоминая, и сказал:

— Слышал я, что остяки зовут их по-всякому. Одних — нерамях, болотные люди, которые живут вдоль реки Васюган, других — соль-купами, лесными людьми. Словом, сам черт не разберет. Знаю о них потому, что ясак не хотят платить.

— А другие платят?

— Бывает, и бунтуют, но большинство платит. За то время, что ясак собирается, в Москву двести тысяч соболей отправлено. Иноземцы дают за сорок соболей от пятнадцати до тридцати рублей. Так-то! А мы тут иногда и без хлебушка бедствуем... Скажи, Володимир, что за человечек прибыл с тобою? — вдруг спросил Елецкий.

— Подьячего мне дали из Посольского приказа для писарского дела.

— А не для того ли, чтобы еще и доносить?

— Не думаю. Чистая душа.

После этого разговора Ерошка стал постоянным участником княжеских трапез. Желая быть хоть чем-то полезным, он перед едой освещал пищу святой водой и благословлял воевод, сидевших за столом, исполняя обязанности священника, которого не было на Лозве.

Елецкий внимательно присматривался к Ерошке, расспрашивал — в каком монастыре и храме он обучен грамоте и богослужению, как попал в приказные и почему отправлен в Сибирь?

На все вопросы Ерошка давал обстоятельный ответ, не вызывающий сомнений, кроме одного — по какой причине подьячий, грамотный и знающий наизусть Часослов* и Псалтырь**, удален из Москвы в столь глухое место?

— Не всякому из нас ведома истина, — согласился, наконец, Елецкий и перестал докучать расспросами.

---

* Церковная книга с текстами молитв.

** Часть Библии, книга псалмов Давида.

Через три недели, после десятого мая, лед на реке затрещал, вспучился, и двинулся к руслу Тавды. К этому времени струги, старые и новые, были готовы для дальнего плаванья. Их стащили с яра на воду и загрузили всякими запасами на целый год. В тесноте от поклажи — ящиков, бочонков, кулей и прочего — люди заняли места у весел и ждали сигнала к отплытию.

Запела труба, раскатилась барабанная дробь, суда стали выстраиваться в одну линию, после чего огромная флотилия, состоящая из сорока пяти стругов и двух крытых каюков, двинулась вслед за льдинами.

7

В конце дня, пятнадцатого мая, водная рать прибыла в Пелым.

Елецкий, зная о невозможности размещения на ночлег в городских стенах столь великого количества людей, велел причалить к ближайшему пригодному месту, где можно было соорудить шалаши и разжечь костры.

Дав своим помощникам необходимые распоряжения, он предложил Оничкову явиться в острог без каких-либо сопровождающих, дабы не обременять воеводу лишними хлопотами.

Первое, что удивило Оничкова, это растянувшаяся почти на версту слобода, поделенная на большие квадраты пашни, при которых стояли добротные бревенчатые избы. Ближе к берегу располагался, словно нарисованный на фоне багрового неба, острог. Солнце, заходящее за лесные вершины, бросало длинные тени от высоких башен, из бойниц которых торчали жерла пушек. Крепостные стены из плотного чеснока*, высотою в две сажени, казались неприступными.

Из распахнувшихся деревянных ворот, окованных железом, вышел навстречу князьям воевода Петр Горчаков, сопровождаемый казаками в зеленых кушаках. После обмена приветствиями, он предложил именитым гостям следовать за ним.

Приблизившись к казарме, князья увидели столы под открытым небом, за которыми в угрюмом молчании сидело шесть десятков человек. Они держали в руках кружки и слушали речь товарища, который, произносил тост.

*** Заостренные, вертикально установленные бревна.**

— По какому случаю пируют служилые? — спросил Оничков.

— Это не пир, а поминки, — ответил вполголоса воевода. — Чтобы не было бунта, я разрешил угличанам помянуть царевича Димитрия, убиенного в этот день три года назад.

— До сего времени у всех царевич на языке, — сказал Оничков и спросил: — А не боишься, князь, что донесут на тебя?

— Конечно, боюсь. Только думаю, что казнить — не казнят, а ссылать далее уже некуда. Меня более волнует думка о престолонаследии. Не наступят ли смутные времена? Быть может, это везение, что мы пребываем в Сибири, а не в Москве.

Узнав, что должен отдать казаков, Горчаков разъярился.

— Да что это такое?! Обезумели, что ли, дьяки?! О чем Борис Годунов думает? Половину людей Троханиотов в Березов увел, а остальных ты забираешь. С кем буду острог защищать? Угличане злы и не усердны.

— В том моей вины нет, — стал оправдываться Оничков. — Со мной никто не советовался. Вручили в приказе цареву грамоту — и дело с концом. В ней предписано — со всех городов сибирских брать казаков да литву, а из Березова даже остяков.

— Да верю я, верю! Не на тебя злюсь, — Горчаков махнул рукой и послал слугу за атаманами. Когда те явились, воевода сказал:

— Радуйтесь, братцы. Поедете новый город ставить.

Тугарин Федоров просиял от такой вести, а Темир Иванов недовольно скривил лицо. Он и его казаки уже успели прижиться в Пелыме и обзавелись семьями, а Тугарин был холост и, по складу своей натуры, рвался в новые места.

Горчаков бросил на каждого внимательный взгляд и сказал:

— Вижу, что одному это в радость, а другому в печаль.

Темир Иванов поспешил высказаться:

— Тугарин третий год в Сибири, и потому еще не нагулялся. А мои казаки, волжские, донские, терские да яицкие, с Ермаком Тимофеевичем всю Сибирь исходили и хотят теперь оседлой жизни. Вон какие избы добрые поставили и скотину завели. Пиши, князь, челобитную царю, чтобы вернул нас в Пелым, как только город поставим.

Горчаков охотно согласился послать челобитную от имени Темира и его казаков, которые захотят вернуться.

— Ты уж прости меня, князь Петр, за разорение, — еще раз извинился Оничков. — Со своей стороны я испрошу у государя подмену твоих казаков.

Кисло улыбнувшись, Горчаков спросил:

— Что еще я должен для тебя сделать, князь Володимир?

— Более ничего, кроме как меня и Ондрея Елецкого усадить за стол да попотчевать.

Утром, пополнив свой будущий гарнизон двумя казачьими станицами*, Оничков вместе с Елецким продолжил путь в Тобольск.

8

По Тавде плыли около трех недель, преодолев с помощью попутного течения и парусов более семисот верст.

Удивительная красота пологого левого берега, бескрайние в цветах долины вызывали восхищение и манили к себе. Однако вожи не советовали выходить на эту сторону, где под красочным покровом таились бездонные зыбуны, засасывающие неосторожного зверя или человека. А правый берег был пригоден для ночлега, хотя его покрывали дремучие урманы, в которых могли скрываться враждебные вогульские племена. Но путешественники их не опасались из-за своей многочисленности.

Когда вышли на Тобол, то оказалось, что возвышен другой, левый берег, уходящий огромным материком далеко от реки, а правый, местами луговой, радующий глаз голубыми озерами, перемежается высокими прибрежными горами, поросшими могучими вековыми деревьями.

От устья Тавды до Тобольска оставалось пройти сто шестнадцать верст. Все были возбуждены, настроение у всех было приподнятое. Темир Иванов перебрался на струг к Оничкову и, пристально разглядывая берега, рассказывал:

— Вон там, на правом берегу, Бабасанов Юрт. К этому мурзе прибыл с конницей Маметкул, войсковой начальник Кучума, чтобы встретить и побить нашу дружину. Мы, пешие, знали, что на поле

* Группа казаков, состоящая в среднем из 25 человек.

не одолеть верховых наездников. Поэтому Ермак приказал зарыться в землю вдоль кручи яра и сделать засеку. Пять дней мы отбивали атаки, встречая всадников залпами из пяти сотен пищалей. В конце концов, оставив убитых, горы трупов воинов и лошадей, Маметкул увел остаток войска. С того времени прошло уже более двенадцати лет...

Миновав Ахманайские юрты, в которых так же, как и в Бабасанских, продолжали жить татары, присягнувшие Руси, струги подошли к бывшему городку Карачи, главного советника Кучума.

— Здесь мы быстро управились, — сказал Темир, — но многие казаки были ранены, а убитых не было. Потом занят был городок Атик-мурзы, а главное сражение произошло у Чувашской горы, где полегло наших ребят сто семь человек. Маметкул, переняв у нас способ защиты на Бабасанах, соорудил высокую засеку из деревьев, за которой посадил лучников татар, вогуличей, остяков и болотных людей с реки Васюган. В нашу сторону летели тысячи стрел. Но Ермак и тут придумал хитрость. Прикрываясь щитами, связками из прутьев, зная, что через засеку перелезть невозможно, мы пошли будто бы на штурм. А когда приблизились к засеке, то сделали вид, что испугались, развернулись и пустились бежать. Те, дурни, что сидели в укрытии, раскрыли во многих местах завалы и бросились в погоню, думая, что посекут нас мечами да насадят на копья. Этого мы и ожидали. Эх, и сеча была добрая! Рубили басурманов сплеча да от души, и на их спинах ворвались к ним в тыл через дыры, которые они проделали. Маметкул был ранен, но его не удалось захватить. Татары куда-то его унесли. После этого все, кто остался жив, отступили на гору, за вал с острокольем. Ночью, как потом мы узнали, из городка сбежали вогулы и остяки. Тогда Кучум с остатком войска тоже убежал.

По сияющим глазам Темира можно было понять, как приятны ему воспоминания о былых героических днях под знаменами Ермака. Только однажды посуровело его лицо, когда он упомянул о больших потерях в том сражении.

Слушая его, Оничков сказал сам себе: «Повезло мне, что буду служить с такими людьми, отважными казаками отважного и мудрого Ермака».

От Карачина городка до цели прибытия оставалось пройти верст десятка полтора. После спокойной Тавды, течение Тобола казалось стремительным. Он ретиво врывался в Иртыш и подтачивал высокий берег, на котором красовался великолепный Тобольск.

«На опасном месте поставил Чулков этот город. Не смоют ли его когда-нибудь разрушительные воды?» — подумал Оничков.

9

На берегу собрались толпы встречающих прибывшее воинство. Тобольские и пелымские казаки, бывшие когда-то в товарищах у Ермака, сжимали друг друга в объятиях. Для остальных это было событие, вносящее разнообразие в обыденную жизнь, похожее на праздник и предвещающее хорошую попойку у костров.

Главный воевода Тобольска, Федор Михайлович Лобанов-Ростовский, сопровождаемый помощниками и сынами боярскими, вышел навстречу Елецкому и Оничкову, поздравил их с благополучным путешествием и сказал:

— Ваших орлов я в город не пущу. У меня там чистота и порядок. Пусть располагаются за слободой. А вам — быть моими гостями.

Второй воевода, Федор Петрович Борятинский, подошел к Оничкову, подхватил его под руку и повел в сторону.

— Эй, князь Федор! — крикнул Лобанов. — Ты куда его потащил? Вместе пойдем к столу!

— Ладно, потом поговорим, — сказал Борятинский. — Я, ожидая, уже все подготовил для нашего дела.

По пути в город Лобанов сказал:

— Я еще прошлым летом отписал в Москву, что нужно новые города ставить на Оби и Таре. Теперь пришел тому час. Каково у вас настроение?

— Пока не понял, — ответил Оничков. — Меня слишком неожиданно сюда упекли.

Лобанов потер руки и весело воскликнул:

— Ой-ой! Так уж и упекли?! Радоваться нужно, что спину гнуть не будешь перед думными боярами. Нам, ратным служакам, легче дышится на дальних просторах. А ты что скажешь, князь Ондрей?

— У меня настроение — поскорее убыть на Тару!

— Это хорошо, что рвешься в бой, — сказал Лобанов. — Иначе, я подумал бы, что уже успел тебе надоесть.

Оничкову понравился главный воевода, который вел себя просто, шутил и не выпячивал своего положения. Но Лобанов вдруг заговорил серьезно:

— На Тару, действительно, следует немедля идти. После того, как Кольцов-Масальский, которого я тут сменил, разбил Кучума при озере Чиликуль вблизи реки Ишим, тот собрал новое войско и снова совершает набеги. Возьмешь с собою, Ондрей, Черкаса Александрова и Гришку Ясыря.

Они и постараются найти стойбище хана, чтобы извести его. Воевать и город ставить — у тебя людей в достатке. Также не забывай о сборе ясака. Из Москвы требуют прибавку соболей. Это касается и тебя, князь Володимир, и Борятинского.

— Людей всех дадите, которые в указе упомянуты? — спросил Оничков.

— Думаю, что всех получите. В Обский город деньги посланы, так что казаки не разбегутся. Воевода Микифор Троханиотов уверил, что атаман Базаров с казаками и Игичей с остяками прибудут к Петрову дню. А людей, которых возьмете здесь, Федор Петрович уже подготовил. Осталось только струги загрузить.

— А ты не боишься порухи, оголив, Пелым и Березов? — спросил Елецкий.

— Опасаюсь, конечно. Однако пока там спокойно, а к зиме и люди вернутся. Бунтовали вогулы на реке Конде, но Игичей усмирил их весною.

Недостает у нас людей на все хотения. Чтобы в Сургуте город поставить, приходится Обский разрушать. А иначе никак нельзя. Предстоит вверх по Оби наступление вести, чтобы казну пополнять соболями да разным зверем. Еще, Володимир, нужно как-то прибрать к рукам Пегую орду, которая не хочет платить ясак. Для этого осенью я пришлю аманата Урунка, сынка князя Вони. Используйте его так, как в указе прописано.

— В Обский город с нами пойдешь? — спросил Оничков.

— А как же? Дело важное. И город надо сжечь, и росписи составить. А теперь — пора к столу.

— Перед этим хотелось бы по Тобольску походить и посмотреть. Быть может, захочется перенять что-нибудь для строительства в Сургуте.

— Как пожелаете.

Воевода, князь Федор Лобанов-Ростовский, влюблен был в Тобольск и гордился тем, что сделано за три года его воеводства. Он завел Оничкова и Елецкого на дозорную башню, сделал широкий жест рукою и сказал:

— Величавый город! Теперь Чулков и Масальский не узнали бы свой бывший острог. Полюбуйтесь на добротные крепостные стены из ряжей, превращенные в житницы и амбары. А каковы дома и хоромы? Посмотрите на блеск куполов церквей — Всемилостивейшего Спаса и Софийской, а также...

Оничков прервал его.

— Прости, Федор Михайлович. А где подвешен колокол из Углича?

Заглянув Оничкову в глаза, Лобанов нахмурил брови и коротко бросил:

— Идем, покажу!

Князья спустились с башни и вошли в приказную избу. Там, на одной из дверей, было написано: «Первоссыльный неодушевленный с Углича».

Стражник отомкнул ключом большой амбарный замок и распахнул дверь. В пустой комнате на дощатом полу лежал девятнадцатипудовый медный, продолговатый колокол — весь в царапинах и с оторванным ухом.

Лобанов пояснил:

— Так было велено — отсечь ему ухо и бить кнутом. Потом ссыльные угличане тащили его на себе через всю Русь и Сибирь до Тобольска.

— Да, видимо, русскому человеку все под силу, — сказал Оничков.

Из приказной избы князья пошли в воеводские палаты. Там их уже ожидал Федор Петрович Борятинский.

За застольем, как было принято всегда на Руси, «пили не мало, но ели много». Лобанов, по поводу обилия разнообразной еды на столе, сказал:

— Из своего поместья я привез хороших поваров. Чем еще можно тут себя порадовать, кроме как вкусно поесть? Мои повара, не хуже царских, могут из лебедя или журавля приготовить восемь блюд.

— Моя матушка также настояла, чтобы я взял повара. Но для развлечения полезно иногда и на охоту сходить. Тоже радостное занятие, — сказал Оничков.

— Верно, подмечено, — согласился Лобанов. — Для любителя охоты — тут раздолье. Березовые леса полны зайцами. На озерах тьма уток. Труднее всего добыть гуся или лебедя. Тут я впервые увидел, как ловят птиц сетями. Елецкий, который молча пил и ел, о чем-то думая, спросил:

— Татары, что со мною пойдут, надежны?

— Вполне, — заверил Лобанов. — Мурза Маитмаса родом из местных татар, а не пришелец, как Кучум. Вначале он воевал против Ермака, преградив атаману путь на Туре, но потом отошел от хана. С воеводами Василием Сукиным и Иваном Мясным он Тюмень ставил, а с Данилой Чулковым — Тобольск. С тех пор нам и служит исправно. Для Сургута он не нужен, а тебе — в самый раз полезен для похода на Кучума. Зол он на хана за набеги на татарские городки по Тоболу, которые отданы под его руку.

— А как быть с Пегой ордой, если не станут давать ясак? Войною на них идти? — спросил Оничков.

— Видимо, без войны не обойтись, но сначала надобно поставить город. Сразу на все у тебя сил не хватит. Против князя Вони доброе войско потребуется, а его пока нет.

После трапезы у главного воеводы, Борятинский увел Оничкова в свои хоромы, где также их ожидал стол, заставленный всякой едою и питьем.

— За чаркой способнее закрепить знакомство и вести разговоры, — сказал Борятинский. — Сначала выпьем, а потом и расскажешь о своих дорожных приключениях.

Воеводы, которых свела судьба для исполнения одного дела, выпили за дружбу, троекратно расцеловались, после чего Оничков сказал:

— Тебе от твоего брата, Якова Петровича, поклон.

3 Заказ 462

— О, хорошая неожиданность! — удивленно и радостно воскликнул Борятинский. — Давно с ним знаком? Как ему живется ныне в Москве?

— Перед отъездом я к нему зашел для знакомства и известить, что в Сибири мы с тобою будем в товарищах. Живет он, как и прочая княжеская братия, в скудости. Ругал думных бояр и дьяков да Годунова. Хорошими словами наделял Шуйских. Все вскакивал, бегал по горнице, кричал. Я опасался, что он себе всю бороду выдернет.

Борятинский заливисто расхохотался.

— Узнаю своего братца! Ярко ты его изобразил! Теперь сказывай — как одолел столь великий путь?

— Наверное, ничего нового для тебя не скажу. Ты сам испытал такие же тяготы. Удача была в том, что в дороге мне удалось купить десять человек пленной литвы и прибрать ватагу беглых плотников.

Проговорив до полуночи, довольные друг другом, новые друзья улеглись спать. Долго ворочаясь в постелях, они думали об одном и том же — о поиске места для нового города, об ожидающих их трудностях.

10

Бурные воды Иртыша быстро несли струги к устью. Веслами не столько гребли, сколько поддерживали направление хода. Борятинский не выпускал из рук тетрадь, описывая характер русла и берегов, помечая места расположения татарских и остяцких городков, исполняя тем самым предписание царского указа. В этом деле ему помогал подьячий Ерошка.

— Когда приедем на место, я по нашей росписи составлю карту, — пообещал он воеводе. — Она очень поможет казакам при дальних посылках.

В Обский город прибыли в назначенный срок, к Петрову дню.

Лето выдалось жаркое, но вокруг города курилось множество костров.

Так люди спасались от гнуса. Впрочем, был и дополнительный способ — нырнуть в прохладные воды Оби.

Борятинский и Оничков, освежив себя купанием, бодро зашагали к белому шелковому шатру, поставленному воеводой Гневашем Лухотиным.

Берег кишел голыми телами, бегающими от костров к воде, а от воды снова к кострам.

— Тут все одинаковы на вид, — сказал Борятинский, — не определишь — кто есть кто, казак, немец или поляк. Только остяков Игичея ни с кем не спутаешь. Все в одежде и мыться не хотят.

Воевода Лухотин встретил князей у входа в шатер и, скривив рот в улыбке, сказал:

— Жалковато город. Как-никак десять лет простоял, принося пользу.

А для вас я уже все погрузил в струги — пушки и запасы к ним, зелье и свинец. Ратная литва и казаки упаковали свои вещи и готовы к отбытию. Пока вы спали после обеда, прибыл из Березова атаман Денис Базаров с казаками, а с ним и князь Игичей Алачев с сотнею остяков. Они довольны, что хлебное жалованье и деньги получили сполна, и мои тоже успокоились. Так что этих забот у вас не будет. Росписи, которые мы составили, Лобанов подписал. Можете свои списки забрать. Теперь Федор Михайлович ушел поджигать город. А я остался, рука не поднимается... Жалковато...

Борятинский и Оничков, смутившись, что проспали более положенного времени, поспешили к Обскому.

Перед городом, лицом к нему, стоял Лобанов.

— Подождем тут, — сказал он. — Я проверил все погреба и житницы — они пусты. Все имущество вывезено. Сейчас казаки начнут жечь избы и прочее. А вас я велел не будить, решил сам управиться. Дорога ведь дальняя, недели три или четыре будете добираться до Сургута, где надобно место под город высмотреть.

Ждали недолго. Черные клубы дыма вдруг взмыли в синеву неба одновременно в разных частях города, заслонив солнце. Поджигатели выскочили за разломанные стены и отбежали на безопасное расстояние.

Вскоре Обский полыхал одним гигантским костром.

— Все, худое дело сделано, — сказал Лобанов, — стерта с лица земли обитель Мансурова*. Уходим, други... Пора разъезжаться по местам.

11

Возле устья одной из речушек, впадающей в Обь с правой стороны, стояло несколько десятков берестяных юрт. Берег был достаточно высок, не видно было размывов, плоский материк, поросший густым хвойным лесом, уходил далеко вглубь. На противоположной, левой стороне Оби, на расстоянии более версты, виднелся остров с высокими холмами. Вниз по течению также был большой длинный остров, имеющий на всем протяжении широкую песчаную отмель.

— Хорошее место для города, не затопляемое, и деревья добротные для строительства, — сказал Борятинский. — Думаю, что дальше идти нет смысла. И так уже четыре недели в пути. Давай подгребем к юртам и поговорим с жителями.

Оничков велел развернуть судно. Остальные струги последовали маневру головного и стали широким фронтом приближаться к берегу. Однако сразу подойти к нему не удалось. Пришлось застопорить ход, когда поросли берегового кустарника зашевелились и ощерились лучными стрелами.

— Неприветливо встречают инородцы гостей, — сказал Оничков. — Быть может, пальнуть в воздух из пушки для устрашения?

— Не стоит, — возразил Борятинский, — попробуем все решить миром. Ведь потом нужно будет жить с ними бок о бок. А вдруг они за пальбу затаят злой умысел? Сначала пошлем на переговоры нашего остяка.

Игичею Борятинский дал наставление:

— Скажи их князю, что мы пришли с миром, а не войною, что хотим на его земле поставить город. Пусть он выставит свои условия. Если у него есть враги, то они будут и нашими врагами. Мы

---

* Из Москвы, не зная о гибели Ермака и о том, что казаки покинули Сибирь, было послано пополнение во главе с Мансуровым. Никого не застав, не имея времени до морозов вернуться на Русь, Мансуров для зимовки построил городок, который потом был назван Обским.

будем воевать вместе. Но, если он не согласится, мы силой его прогоним огненным оружием.

Отвязав от своего дощаника легкую долбленку, Игичей отправился в качестве посла в берестяные юрты. Через полчаса он вернулся и сказал:

— Князь Бардак согласен приступить к переговорам.

Встреча состоялась на лужайке перед городком. Человек крепкого телосложения, черноволосый, в одеянии из рыбьих шкур, украшенных птичьими перьями, с любопытством разглядывал роскошные одежды воевод, пищали и сабли, рукояти которых сверкали драгоценными каменьями. По наружности он значительно отличался от своих низкорослых соплеменников, был выше их почти на голову, его волосы, перехваченные кожаным шнурком на затылке, свисали длинным хвостиком, в то время как у остальных остяков они космами спадали на плечи. С правой стороны у князя был подвешен лук и саадак со стрелами, а левой рукою он опирался на копье. Гордо закинув голову, Бардак произнес короткую речь. Игичей, взявший на себя роль толмача*, перевел:

— Я не против помириться с русскими. Но, если захотите повоевать, то мы повоюемся. Мои земли велики, они лежат по Оби от этих мест до рек Тром-егана и Агана. Мои богатыри храбры и скорее умрут в бою, чем станут рабами. Я могу разрешить вам поставить свой город, если оставите за мною право самому собирать ясак со своих людей и будете вместе с нами отражать набеги соль-купов и чумыль-купов, которые разоряют наши города и уводят дочерей и жен.

— Наши цели имеют счастливое совпадение, — сказал Борятинский Оничкову и попросил Игичея передать следующий ответ:

— Мы принимаем твои условия, князь, и готовы заключить договор, скрепленный клятвами.

Бардак одобрительно кивнул головой и спросил: «Не станут ли русские обижать женщин?», — на что Борятинский ответил:

— Всякий, кто польстится на это, будет бит плетьми и посажен на цепь.

Удовлетворенный ответом, Бардак сказал:

* Переводчик языка.

— Завтра, когда солнце отправится в путь, мы скрепим наш договор клятвами.

Ритуал по закреплению договора проходил в торжественной обстановке. Остяцкий шаман бил в бубен, приплясывал, простирал к небу руки, призывая духов быть свидетелями. Затем каждая сторона произнесла слова клятвы, после чего две собаки были принесены в жертву. Их положили на небольшом расстоянии друг от друга и все люди, остяки и русские, поочередно прошли между ними. Это означало, что за соблюдением клятвы теперь будут надзирать боги и духи предков.

Завершив священнодействие, князь Бардак повел русских воевод к месту, которое считал наиболее пригодным для строительства города. Оно находилось примерно за версту от берестяных юрт, возле речушки, несущей в Обь чистые воды. Величавые ели, сосны и пихты окружали стеною луговую часть долины этой реки.

— Быть здесь городу! — воскликнул Борятинский и крепко сжал Оничкову руку.

Разместив в устье струги, выставив стражу, воеводы велели всем служилым людям позаботиться о сооружении временного жилья, и, уже к концу дня, луг запестрел шатрами и шалашами, кострами и дымками.

За хлебное жалованье князь Бардак согласился привлечь к заготовке леса остяков окрестных городков, разослав к ним посланцев. Кроме того, он поручил своему сыну Кинеме научить казаков ловле рыбы у близлежащего песчаного острова.

Был конец июля. Следовало торопиться, чтобы до холодов, месяца за два, обрести над головой крышу.

На следующий день, не ожидая прибытия местных инородцев, Игичей, со своею сотнею, был поставлен рубить и подтаскивать деревья, а остальной люд — ставить город.

— Назовем его Сургутом, — решил Борятинский.

— Так тому и быть! — сказал Оничков.

12

Воеводы никому не перепоручали руководить работами. Раздобыв, с помощью князя Бардака, арабских скакунов, они днем и

ночью объезжали делянки, где остяки валили лес, заставляли разжигать костры, чтобы не прекращать рубку с наступлением темноты. Составив предварительно план города, они поставили для разметки подьячего Ерошку и атаманов, уже имеющих опыт строительства, а сами сверяли по чертежам правильность исполнения.

В первую очередь возводились амбары и житницы для сохранения государевых запасов, которые, по мере готовности, немедленно загружались, двери запирались висячими замками, опечатывались, и выставлялась стража. Одновременно острог обносился чесноком, сооружались башни, и на них устанавливались пушки.

Рубленые избы для жилья строились за стенами острога, на площадке, отведенной под слободу.

По вечерам Борятинский и Оничков зажигали в своем шатре свечи, раскладывали на столе план города и делали на нем пометки, а для того, чтобы ничего не упустить, Ерошка перечитывал им памятку, врученную дьяком Щелкановым:

«А пришедши князю Федору и Володимиру в Сургут, в котором месте пригоже высмотря место крепкое под город, и поставить город всеми людьми тутошными... А делать город и лес возить всеми ратными людьми, да то место написать в росписи и на чертеж, и всякие крепости выписать, где станет город, да о том отписать Государю подлинно, а как пойдут из Тобольска вниз Иртышом и вверх по Оби и сколько будет ходу, чтобы Государю все было ведомо. А вскинут город делати на всю рать на литву и на казаков на тобольских и на березовских и на новоприборных и на татар Игичеевых и на ближние волости на остяков, которые близко от нового города будут. А лес на город велеть ронять легко, чтобы скоро город сделать и житницы на Государев запас поставить и Государев запас в житницы устроить, а сперва тутошных людей берегися... а стояли б под городом, а в город их не пущать, пока город не укрепится, а которые не начнут слушаться и лесу к городскому делу возить, и их велеть воевать и постращать».

— Не вижу причин их опасаться, — сказал Борятинский. — Менять веру — мы не заставляем, ясак положим по силам — чего им бунтовать? А ставить дома для березовских и Игичея — нет надобности. Они все равно уйдут. Послушаем, что еще писано.

«Устроя город, наряд по городу и всякие пушечные запасы устроить в казне по росписи... И быть в городе князю Федору и Володимиру по сему Государеву наказу и Государев запас в житницах держать за своими печатями и устроить сторожение по городу крепкое. А велеть житницы делать плотникам в ту же пору и тот час как город начнут делать и жить в городе с великим бережением и сторожа и караулы по городу были бы в день и в ночь крепкие, и выбрать сторожей к житницам и городовым воротам, и к казне из ратных людей, которым доброе жалованье хлебное и денежное годовое давати по Государеву указу. А как князь Федор и Володимир город поставят им отписать и чертеж тому новому городу прислать ко Государю к Москве в приказ к Ондрею Щелканову, чтобы было Государю ведомо».

— Будто все делается так, как нам указано, — подвел итог Оничков.

— Хорошо, Володимир, что ты в дороге плотников подобрал, — сказал Борятинский. — Любо глядеть, как они церковь собирают и хоромы, да и избу приказную. Как только ее построят, так сразу приступим тюрьму делать. А служилые пусть себе избы ставят, оставляя места под огороды и сараи для скотины. Многие, как пить дать, оженятся по весне на татарках. В Тюмени и Тобольске так и было. Своих-то девиц, русских, тут нет.

— Так давай отпишем в Москву, чтобы прислали, — предложил Оничков.

— Можно и отписать.

— А еще беседовал я с атаманами, Тугариным и Темиром. Советуют они организовать артельки по сбору ягод и кедровых орехов для запаса в зиму, чтобы от болезней себя оберечь. В этом деле очень способны остяки.

Только в грибах они не понимают и не едят. Собирать грибы могут казаки.

— Дельный совет, — одобрил Борятинский. — Займись, Ерошка, артельками. Только без ущерба в строительстве, — он вдруг замолчал и прислушался.

В шатре было слышно, как за стенами острога, на слободе, звонко стучат топоры и взвизгивают пилы.

— Усердно работают служилые, — удовлетворенно сказал Борятинский.

— Поспеем до морозов, — уверил Оничков. — Однако было бы ко времени и охотой заняться на уток и крупного зверя.

13

Вдруг в начале сентября к князю Бардаку прибыл на долбленке остяк с реки Аган. Он был встревожен и сообщил, что с верховой стороны Оби плывет с полсотни васюганских чумыль-купов, которые уже пограбили его городок. Князь Бардак тут же явился к воеводам и сказал:

— На подходе наши враги с Васюгана. Они решили перед зимою, как уже было однажды, отобрать у нас запасы еды и увезти женщин. Настал час, когда мне требуется ваша помощь. Они не знают, что тут есть русские.

Оничков и Борятинский его успокоили, сказав:

— Не беспокойся и продолжай валить лес, а мы и без тебя управимся.

Воеводы даже обрадовались набегу людей из Пегой орды. Представился удобный случай устрашить князя Воню, чтобы потом было легче склонить его к уплате ясака и привести к шерти. Они немедля вызвали атаманов, и Оничков дал им наказ:

— Главное — не нужно многих убивать. Эти люди — наши будущие плательщики ясака. Их следует хорошо напугать и несколько человек взять в плен. Для этого Темир из засады ударит раз или два из пушки по ладьям, а Тугарин сделает залп из пищалей выше голов. Потом выловите из воды живых и доставите сюда.

Атаманы быстро отобрали казаков для двух отрядов, погрузили на струг пушку и, не мешкая, вышли из устья своей речки на Обь. Засаду устроили выше, в версте от остяцких юрт, затаившись в густом прибрежном тальнике.

Когда струги скрылись из вида, Оничков спросил:

— Не пора ли, Федор Петрович, привезти сюда Урунка, сынка Вони?

— В самый раз — пора.

— Тогда отправим за ним казаков в Тобольск, а заодно они и ясак соберут по городкам на Оби.

— Так и сделаем. А теперь посмотрим на баталию атаманов.

Воеводы оседлали арабских скакунов и направились вдоль яра по тропе, скрытой за густым кустарником.

Как было задумано, так и сделано. Когда появились ладьи васюганцев, Тугарин вывел два струга на чистую воду, преградив путь противнику. От неожиданности чумыль-купы сбились в кучу, из которой на казаков обрушился поток стрел. Но тут грохнула пушка — и один из дощаников перевернулся вверх дном, а с соседних ладей несколько человек выбросило в воду. Следом прогремел залп из пищалей.

Обезумев от грома, дыма и огня, несущих смерть невидимыми стрелами, с чем инородцы столкнулись впервые, они заметались по реке, сталкиваясь и опрокидывая свои ладьи, ударились в бегство.

— Вот и сделано дело. Пора собирать урожай, — сказал Тугарин казакам.

Они выловили пятерых ордынцев, после чего Тугарин объявил:

— Остальные пущай поплавают. Зачем струги перегружать?

Возвращаясь в город, казаки подобрали несколько пустых долбленок. Авось пригодятся.

Воеводы видели все, что произошло на воде. Они были довольны результатом, и велели выдать казакам бочку меда.

Все пятеро пленников были похожи друг на друга — смуглые, скуластые, как люди князя Бардака, но выше ростом.

При дознании Оничков старался выяснить — что это за народ и чем он отличается от остяков. Он спросил:

— Кто вы такие?

— Чумыль-купы, — был ответ, — мы живем в земле у болот.

Игичей пояснил:

— Они живут в землянках и поэтому называют себя земляными людьми, или болотными.

— Правду говорил Ондрей Елецкий — тут сам черт не разберется. А кто у них князь?

— У них есть свои князья, но главный над ними Воня. Только эти далеко от него живут.

Заперев пленников в тюрьме, которую успели построить, воеводы зашли в приказную избу, где в сей час подьячий трудился над составлением карты.

— Зачитай-ка нам, Ерошка, память из указа о Пегой орде, — сказал Борятинский.

«А Вонина сына Урунка, — стал читать Ерошка, — взять Федору Борятинскому и Володимиру с собой в новый город у князя Федора и отцу его приказати, чтобы он прибыл в город Сургут».

— Щелканов надеется, что Воня на такую дурость способен, — бросил реплику Борятинский. — Читай далее.

«А если только Воня сам в новый город не будет, а пришлет ясак с племянником или лучшими людьми, то ясак взять, а сына Вонина отпустить к отцу. А будет Воня ясаку не пришлет к вам в город, то князю Федору с Володимиром подобрать лучших людей князя Игичея и тутошных остяков в Пегую Орду воевать, чтобы его извоевать и ясак с него и со всей Пегой Орды прошлый и нынешний собрать, и привести их под Государеву руку, чтоб они приходили в новый город и ясак с себя давали сполна...»

Борятинский не выдержал и с возмущением сказал:

— Как наши остяки смогут одни одолеть орду, раскиданную по болотам и урманам? Князю Бардаку ордынцы враги, но он не надеется на победу над ними. Посылать туда нужно большое войско из казаков и литвы, а с ними уже и остяков. Урунк два года сидит в Тобольске в аманатах, а Лобанов так и не смог управиться с ордой. Теперь на нас все перекладывают. Ой, Володимир, намаемся мы с этим Воней!

— Попробуем сначала получить ясак за Урунка, — сказал Оничков, — а потом подумаем, как нам быть. Что там еще писано, Ерошка?

«...А посылать к Государю к Москве с грамотами казаков человек по два или три мимо Березова города да на Вымь и о всяких тамошних отписать подлинно».

— Со строительством города мы хорошо управляемся, амбар для мягкой рухляди готов, но он пуст. Пора бы начать сбор ясака и вспомнить, что по этому поводу нам предписано, — сказал Борятинский.

Ерошка нашел нужное место в указе и стал читать:

«А волости и все городки, которые пошли от Обсково городка от усть Иртыша к новому городу Сургут, и Сомаровская волость, и которые волости пошли вверх по Оби к Пегой Орде, и выше Пегие Орды ведати судом и управою и ясаком в тот новый город князю Федору и Володимиру, и ясак им платить по прежнему, как они платили в Тобольской город. А имати соболи добрые и лисицы черные, сорок соболей в тридцать рублев,, и в полтретьяцать рублев, и в пятнадцать рублев, а меньше пятнадцати рублев сороков не имати, и ясачные книги тем всем волостям взяти в Тобольске у воеводы князя Федора Лобанова, по чему с них ясаку в Тобольском имано преже сего, и береженье к тем волостям держать великое, и збирая, отсылать им в Тобольской город ко князю Федору. А что зберут ясаку всякого и что отошлют в Тобольской, о том подлинно ко государю отписать, с кем пошлют. А князю Федору Лобанову велено их, пересмотря, с теми людьми и отпущать ко государю».

Оничков в раздумье закатил вверх глаза, помахал рукой, отгоняя комара, и сказал:

— Нужно теперь посылать казаков за ясаком, а то не поспеем до зимы. Однако, когда способнее его собирать с городков, которые лежат вверх по Оби, спросить бы у Игичея.

Кодский князь был польщен, что воеводам необходим его совет. Напустив на себя важный вид, он стал объяснять:

— Охота начинается у нас после малого мороза, когда у зверя становится крепким мех. Кроме того, по первому снегу его легче найти и поставить чеканы или петли. В Нарыме охотятся так же, как везде в Сибири.

— Какого же зверя там добывают, живя на болотах? — спросил Оничков.

— Среди болот есть острова с холмами, поросшими лесом, а везде вдоль речек густые урманы богаты зверем. Маловато только соболя, но зато белка самая лучшая, голубая, особенно на реке Вах. Еще водится выдра да песец. Обильны там озера гусями и лебедями, а на островах много зайцев. Можете потребовать их в придачу к ясаку.

— Зайцев и тут много, — сказал Борятинский, — князь Бардак их наловит.

А вот гусей и лебедей потребуем. Только — как и когда можно оттуда сюда доставлять ясак? Весны ждать, когда река вскроется?

— Не нужно ждать, — сказал Игичей. — Как только станет лед на Оби, князю Воне способнее будет отправить ясак на нартах. Вы теперь отправьте к нему пленных чумыль-купов да скажите, что Урунк у вас, и вы его вернете отцу, когда он пришлет выкуп.

Воеводы поступили так, как посоветовал Игичей. Чумыль-купам отдали их долбленки и отпустили, взяв с них клятву, что они явятся к князю Воне и передадут на словах то, что им сказано.

14

До того, как повалил снег и грянули крепкие сибирские морозы, в устье реки, названной воеводами Сургуткой, словно по волшебству возник большой, великолепный город, поблескивающий свежими срубами.

С высокой проходной башни крепостных ворот в ясный ноябрьский день Борятинский и Оничков обозревали творение рук человеческих, в которое была вложена и их душа.

— Глянь, Володимир, какова слобода! — с гордостью воскликнул Борятинский.

— Велика и красна! — восхищенно отозвался Оничков. — Три сотни людей под крышами!

— А обрати внимание на курени казаков. Над ними уже дымки струятся. Это значит, что чувалы готовы и в них запалили огонь. Смотри — новоприборные лабазы ставят на столбах, как остяки, и погреба роют. Казаки, стрельцы и литва делают так же. Каждый заботится о запасах на зиму.

— Это хорошо: сытый человек старателен в службе, — сказал Оничков. — А знаешь, Федор Петрович, что еще мне видится, глядя на город и его дикие окрестности?

— Скажи на милость.

— Представь себе: все покрыто глубокими снегами, лютый мороз сковал реки, озера да болота, а по ледяным мостам идут со всех

сторон к новому городу Сургуту ясачные караваны с мехами соболей, черных лисиц, белок и поминочных* шуб.

— Твоими устами да мед пить! Дождемся ли такого? Не будем ли, как всегда, ходить в своих дырявых мехах?

Оничков скривил лицо, вспомнив пронизывающий насквозь ледяной ветер, когда он вместе с Ерошкой шел по улицам Москвы, и неуверенно сказал:

— Однако нам дана власть. Не так ли? Вспомни, что в указе сказано.

«Ведать судом и управою, и ясаком Федору и Володимиру, ясак с них имать и велеть приходить к себе». Завтра же пошлю по юртам казаков с нашим наказом — зимою привезти ясак сполна.

— Посылай, друже, посылай... А пока, давай посмотрим еще на деяние наше и порадуемся.

Они молча постояли несколько минут. Их мысли были схожими, о будущем. Наконец, Борятинский простер вперед руку и сказал:

— Да славим город Сургут! Да стоять ему века!

* Подарки.

Дела городовые

1

В начале сентября, вскоре после набега чумыль-купов, кодский князь Игичей Алачев пришел в приказную избу к воеводе Борятинскому и заявил, что уходит со своими людьми.

Борятинский пытался его уговорить — задержаться хотя бы на месяц, если он не хочет остаться на зиму в Сургуте, но Игичей был непреклонен.

— Не могу, — сказал он, — дело у меня в Коде и в Березове.

— И все же ты не должен уходить до октября, — настаивал Борятинский. — Государь царь наделил меня управою, и ты не можешь не подчиниться.

— Нет твоей власти надо мною! — гордо произнес Игичей и вытащил из-под парки свиток. — Смотри, воевода, цареву грамоту!

Увидев государеву печать на красном сургуче, привязанному шелковым шнурком к бумаге, Борятинский опешил, осторожно развернул грамоту и прочитал:

«Се язь Царь и Великий Князь Федор Иоанович всея Руси Самодержец... пожаловал есьмя отчины своей Сибирские земли Остяцкого Игичея Князя Алачева, да брата его Онжю Юрьева за их службу в Сибирской земле волостью Васпалукук, да волостью Колпулукук со всеми угодьями и ясаком... Игичею Князю с братьею теми волостями и всякими угодьями и людьми владети, и ясак с них забирать себе. А Нашим Сибирским Воеводам и приказным людям их ни в чем не судити, а владеть и судить Князь Игичей да брат его Онжа.

Дана сия Наша Царская жалованная грамота в Нашем царствующем граде Москве лета 7102* году февраля 18 дня».

Борятинского удивило не то, что предписывалось воеводам не вмешиваться в дела кондинского князя, а то, что дъяк Щелканов не предупредил об этом Оничкова, вручая ему государев наказ всего на сутки позже, чем была подписана жалованная грамота Игичею.

— Прошу прощения, князь, за мою настойчивость от незнания, — сказал Борятинский. — Я благодарствую за помощь, оказанную тобой, и приглашаю отобедать со мною до ухода.

Игичей, довольный произведенным впечатлением на воеводу, охотно принял приглашение, сунул грамоту обратно под парку** и важно зашагал рядом с царским наместником.

По пути в хоромы, проходя мимо тюрьмы, Борятинский сказал:

— После чумыль-купов изба пуста и ждет прибытия из Тобольска аманата Урунка. Скажи, князь Игичей, почему место, где живет его отец, вы называете Нарымом?

— Нарым — это болота. Много-много болот вдоль реки Васюгана да Парабели и Кети, — разъяснил Игичей и, подумав, добавил: — А здесь все места — это Сургут, то есть — рыбные. А где Бардаковы юрты, там и речку Бардаковкой прозвали, а эта речка, где город Сургут поставили, стало быть, теперь Сургутка.

Борятинский вдруг пожалел, что раньше не беседовал с Игичеем, которому многое известно о сибирских народах и обычаях, и теперь спешил наверстать упущенное. Положив ему руку на плечо, он спросил:

— Скажи, друже, почему соль-купов Нарыма называют остяками и Пегой Ордой?

— Это для вас, русских, все кажутся остяками, а пегими вы их считаете из-за цветной одежды, сшитой из меха разных зверей. А, по нашему языку, пегие и орда — это чужие люди, живущие в другой стороне.

— Так-так... А как же князь Воня чинит управу в столь великом княжестве?

---

* 1594 год.

** Верхняя меховая одежда остяков.

— Не весь Нарым его вотчина, — сказал Игичей, — У него Парабель-река, Вах да Васюган, а по правому берегу Оби, где Кеть-река — это в управе князя соль-купов Кичея. А Сургут ранее был у чумыль-купов, но князь Бардак их прогнал.

«А вот этого дьякам Посольского приказа еще не ведомо, — подумал Борятинский. — Хватит нам пока и одного Вони для хлопот».

Взойдя на крыльцо хоро́м и увидев у сторожки проходной башни Оничкова, Борятинский окликнул его:

— Эй, князь Володимир! У нас гость! Иди, отобедаем!

Воеводские хоромы мало отличались от бревенчатых изб, разве только большим размером. Дом был поделен на две равные части — в одной сени и покои, а в другой горница. Обе половины сообщались внутренней дверью, а комната для приема гостей имела отдельный наружный вход с пристройкой для верхней одежды и рукомойника. С этой же стороны, на небольшом расстоянии, стоял домик, в котором была поварня. Там готовилась пища, мылась и хранилась посуда.

Войдя в пристройку, Борятинский и Оничков сбросили с себя шерстяные кафтаны, а Игичей, не снимая парки, вошел вслед за воеводами в горницу.

Пока Борятинский давал указания слуге, Игичей с любопытством разглядывал убранство комнаты. Внутри помещения был длинный обеденный стол из кедрового дерева, накрытый полотняной скатертью с золотошвейной каймой, вокруг которого стольцы, расставленные для сидения, имели обивку из серого сукна, отороченного красным бархатом. Такими же полавочниками были покрыты две скамьи, прикрепленные к стене для сидения, и для послеобеденного отдыха. На стенах висели паникадила, а имеющиеся три медных подсвечника были употреблены для освещения стола. В переднем углу высвечивался лампадой образ Пресвятой Богородицы, под которым на полице лежало крылышко для обметания пыли. Каких-либо зеркал в комнате не было, поскольку их использование в жилых помещениях считалось заморским грехом. Особое впечатление производили два поставца, установленные с торца стола. В одном из них была бочка с крепким

4 Заказ 462

медом, а в другом — бочка с ягодным вином. На верхних же полках размещалась разная посуда: питейные чаши, кубки, стопы и братины, предназначенные для товарищеской попойки или пития в честь кого-нибудь. На них была надпись: «В сию братину наливается богородицина чаша».

Несмотря на скромную обстановку горницы, она казалась Игичею сказочной царской палатой. Не ожидая приглашения, он прямо в парке уселся на столец и с любопытством стал наблюдать за суетой слуг. Подаваемые кушанья нельзя было назвать изысканными, но запеченный заяц и жаркое из диких уток выглядели аппетитно и источали вкусные запахи. Отварная осетрина и осетровая икра не произвели впечатления на Игичея. Для него это была обычная еда.

Воеводы, прежде чем сесть за стол, трижды в крестном знамении отдали поклоны образу Пресвятой Богородицы, после чего Борятинский без помощи слуги стал чашею разливать хмельное питье в братины.

— Сия посуда привезена мною из Москвы в сундуке, дабы во чрево не изливать богоугодное питие из непотребных сосудов, — шутливо изрек он и тут же произнес тост: — Выпьем, Володимир, за здравие князя Игичея и его удачу в делах и войне с врагами!

Проглотив добрые порции крепкого меда, хозяева и гость принялись за еду. Но Борятинскому хотелось подпоить Игичея. Он, слегка закусив, вновь взялся за «богородицину чашу». Однако остяцкий князь прикрыл ладонью наполненную братину и сказал:

— Погодите маленько, голова кругом пошла, — и, как бы в оправдание, виновато произнес: — Не могу остаться в Сургуте. Дела-а...

— Одно другому не мешает, а за дружбу надобно выпить, — сказал Оничков.

— Не мешает, — согласился Игичей, — но погодите маленько.

— А что за дела у тебя, милостивейший князь, что ты так торопишься в свою Коду? — спросил Борятинский.

— Плохие дела... — Игичей покачал головой из стороны в сторону и с возмущением открыл причину спешки: — Воевода Трохаиотов насильственно девку у меня отобрал, а я хочу ее вернуть.

Сургутских князей заинтересовало это любопытное происшествие. Борятинский удивленно спросил:

— Неужели жену отобрал?

— Не жену, а вогульскую полонянку.

— Вот те раз! Где же ты ее взял?

— Я не только девку взял, но и отца ее Агая, князя Большой Коды, и сына его Азыпка, и братьев. Всех я отдал Троханиотову, а девку себе оставил. Но он ее отнял и отдал остяку Шатрову Лугуеву из Березова. Большую обиду учинил мне воевода. Если девку не вернет, то я пошлю челобитную в Москву. А всех полонян он уже отправил на царев суд.

— А за что же их судить будут?

— За бунт. Отказались ясак платить. За это я и побил их войско.

— Думаю, что зря обидел тебя воевода. Если он не вернет девку, то государь царь Руси решит спор в твою пользу за заслуги, — сказал Борятинский.

Поддержка сургутских воевод обрадовала Игичея. Он схватил братину и опорожнил ее. Глаза его посоловели. Он почувствовал приток сил и пустился в пространный рассказ, приоткрыв завесу некой тайны, когда Борятинский, похвалив его, спросил:

— У кого ты так хорошо научился русскому языку?

— У Ермака! — неожиданно ответил Игичей. — Я был у него в аманатах, но чувствовал себя гостем, благодаря моему отцу Алачу. Ермак был великим батыром. Его дух теперь всегда с нами. Наблюдая из небес, он помогает тем, кто ему люб.

— А ты ему люб?

— Люб! Потому я и побеждаю врагов! Когда главный князь Коды Самар встретил Ермака войною, то он убил Самара, а к людям отнесся с ласкою. Мой отец Алача, прослышав об этом, пришел к нему с ясаком и поминками. И тогда Ермак назначил его главным князем. С тех пор мы, Алачевы, верно служим Белому Царю и его Руси. Когда хан Кучум захотел убить Ермака, то не смог его одолеть — тот сам утоп в Вагае-реке. Потом его выловил из воды татарин Яныш. Он позвал мурзу Кайдулу и они стали снимать с него сбрую. Но вдруг из тела Батыра живицею потекла кровь. Тогда, как нетленного, они положили Ермака на высокий

помост и созвали всех князей. Среди них был и мой отец Алача. Ему, как другу Ермака, отдали один панцирь, — Игичей перешел на шепот и сказал: — Этот панцирь теперь у меня.

— Наверное, в землю закопал? Так он там пропадет,— сказал Оничков.

Игичей загадочно улыбнулся.

— Он шибко хорошо спрятан. Никто не найдет. Сначала отец отдал его в святилище, но потом забрал. Боялся, что украдут. А когда стал умирать, то сказал мне о том месте, где он спрятан. Панцирь и теперь там. Однако хитрый ты, воевода. Хочешь дознаться — где он лежит? Так я не скажу. Весной этот панцирь принес мне удачу в Большой Конде, а два лета назад — в Нарыме.

— Так ты, князь, и Нарым воевал?

— Кто же еще мог взять в полон Вонина сына, Урунка? — хвастливо ответил Игичей.

— Так он уже два лета в аманатах? — удивился Борятинский.

— Однако уже два, — подтвердил Игичей.

Борятинский посмотрел на Оничкова и сказал:

— Хлебнем мы, Володимир, хлопот с этим Вонею по сбору ясака.

— Хлебнете, — уверенно сказал Игичей. — Его опять воевать надо. Только теперь пусть князь Бардак вам помогает.

Игичей хихикнул, прикрыв ладонью рот.

Борятинский внимательно на него посмотрел и снова наполнил братины.

— Выпьем, князь, за то, чтобы тебе девку вернули, — сказал он не без умысла.

После третьей внушительной порции меда Игичей еще более захмелел и у него появилась склонность к хихиканью.

Переглянувшись с Борятинским, Оничков спросил:

— Над чем ты посмеиваешься, князь?

— Над тем, что у вас нет известий о князе Бардаке. Хи-хи...

— Каких известий?

— А таких, что он не остяк, а соль-куп, как и Воня.

Воеводы насторожились. Борятинский сказал:

— Вот это новость! Почему ты так считаешь?

— А потому, что он родом из Люкси-пууль*, бывшего городка богатырей соль-купов внизу по Оби. Не заставляйте его ясак платить и остерегайтесь измены. Он, однако, много себе забирает ясака.

Теперь воеводы еще более насторожились и пожелали больше узнать о князе Бардаке.

— Ты наш друг, — сказал Борятинский.— Расскажи все, что тебе ведомо о нем и его вотчине. А мы будем благодарны.

Игичею, видимо, не нравился князь Бардак. Он без колебаний стал рассказывать:

— Бардак установил свою управу над всеми остяками и соль-купами, которые живут на Юган-реке, Салым-реке, Балыке да Аган-реке. А с реки Тром-еган, где у него главный город, он ходит в самый верх и делает набег на Пур-реку, где живут энки.

Воеводы были поражены столь великими владениями Бардака и захотели узнать, далеко ли находится его главный город и река Тром-еган.

— Не очень далеко, — сказал Игичей, закатив глаза, — в тридцати верстах от Сургута. Бардак скоро уйдет туда зимовать.

— Как так уйдет? У нас же с ним договор! Мы ведь для него дома поставили, — возмутился Борятинский.

— Уйдет! — уверенно воскликнул Игичей. — Рыбы он наловил, а теперь сбором ясака займется. А вы ему в этом помеха.

— Что же ты, князь, ранее молчал? — с упреком спросил Борятинский.

— Не время было, а теперь, когда ухожу, в самый раз.

Напоследок Борятинский попросил Игичея дать на время толмача, чтобы свой человек выучился языку, а в благодарность, за помощь в строительстве города и важные вести наделил его материями для жены и детей и дал полфунта воска на свечи.

Игичей не остался в долгу. Обеим воеводам он прислал с толмачом поминки — куньи шубы.

2

Не успели дощаники кодских остяков скрыться из виду, как в путь-дорогу стали собираться казаки Дениса Базарова.

* Недалеко от современного Нефтеюганска.

— Мы дела сделали, которые вы на нас положили, — заявил Базаров. — А ежели что недоделали, то у вас и свои люди есть. А нам было велено вернуться в острог, в Березов, до зимы, где у многих семьи.

Стали покидать Сургут и остяки, которые валили лес, возвращаясь в свои городки. Атаман казаков Тугарин Федоров обошел их перед уходом и предупредил, что если зимою они сами не привезут ясак, то он придет к ним с огненным боем. По наказу Борятинского он положил им прислать по десять соболей с каждого лука, а рыбу и мясо зверей, в виде поминок, дать без ущерба для себя.

Князь Бардак, о чем Игичей предупредил воевод, тоже покинул свои берестяные юрты, сославшись на дела в подвластных ему землях, но весною обещал вернуться. Перед уходом он принес для каждого служилого человека по связке вяленой рыбы, а воеводам вручил три по сорока соболей, сказав, что это не ясак, от которого он освобожден договором.

Борятинский не стал уговаривать Бардака остаться в Сургуте на зимовку, считая это безнадежным делом и не желая портить отношения. Он решил, что для безопасности нового города следует отписать в Москву просьбу — о наделении князя Бардака такими же льготами, какими пользуется князь Коды. Воеводам нужен был надежный союзник на случай войны с соль-купами, а также, чтобы держать в повиновении остяков на Оби.

В связи с уходом вспоможенцев значительно сократился гарнизон острога. Обеспокоенные воеводы пустились в обход крепостных стен, дабы лишний раз убедиться в их надежности. Частокол из толстых бревен выглядел внушительно, угрожая бойницами. На двух угловых и одной проходной башнях размещались пушки, но всего их было только три. Оничков сказал:

— Маловато у нас пушечек. Надо бы попросить, чтобы по весне еще прислали столько же из Тобольска.

— Оно и теперь было бы к месту, но не успеть по реке. А по суше дорог нет, — посетовал Борятинский. — Может быть, по льду, как Обь и Иртыш станут?

— Не одолеть людям по морозу такую даль, — сказал Оничков, — Была бы ямщицкая гоньба, то и вопроса не было бы. Тут не Русь, а Сибирь.

— Теперь и она Русью стала. Давай потом поговорим об этом.

Завершив обход, воеводы направились в приказную избу, которая имела два этажа. Первый этаж служил амбаром для хранения государевой казны и росписей по запасам в житницах. На втором этаже располагалась рабочая воеводская комната, где сидел за отдельным столом подъячий Ерошка. Даже днем он работал при горящих свечах, так как квадратные оконца размером в четверть сажени, обтянутые бычьими пузырями, не обеспечивали необходимого освещения. Во всем помещении царили сумерки. Зато в углу, при входе, стояла большая кирпичная печь, и было тепло. Вдоль стен, на нескольких поставцах, размещались небольшие сундучки и ларцы для бумаг, а в прямом правом углу, как было принято, помещен был иконостас с образами, задергиваемый занавеской.

Когда воеводы вошли в комнату и уселись за свои столы, Ерошка положил гусиное перо на чернильницу и сказал:

— Как было велено, составил я книги, разборную и окладного жалованья по служилым людям, которые остались в городе.

— И сколь теперь у нас людей? — спросил Борятинский.

— Всего служилых сто пятьдесят пять душ. Из них — двадцать пять литвы, сотня казаков и тридцать стрельцов. А других подборных — пятьдесят человек. Имеют семьи тридцать два человека.

— А есть ли люди, которые разумеют в грамоте?

— Таких мало. Пятеро у казаков, а у подборных один.

— Нам нужен кто-нибудь из казаков, способный быстро выучиться у остяцкого толмача их языку.

— У атамана Тугарина Федорова есть Лукьян Туполко. Грамотен и смекалист. Подойдет в самый раз.

— Добавь ему полтину к пяти рублям годового жалованья и хлебное увеличь, а соли выдели полтора пуда. Потом позовешь его сюда, — сказал Борятинский. — Да... еще подбери палача.

— А чего его подбирать? Филька Плаха сам просится в заплечные мастера. И имя у него для этого подходящее. И любит наводить страх на людей.

Борятинский поморщился и согласился.

— Пусть будет Филька. Но более трех рублей ему не ставь.

Ерошка почесал пером за ухом и сказал:

— Попа у нас нет, а церковь вот-вот будет готова. Плотники уже чешуйки к куполам прилаживают.

— А есть кто на примете?

— Не совсем... Хотя, может, сгодится. Молитвы хорошо знает и умеет справлять христианские требы.

— Так в чем твое сомнение?

— Из беглых монахов он. Убег из монастыря и оженился. Илинархом зовут, а жену Пелагеицей.

— Вот и хорошо, — одобрил Борятинский, — и поп есть, и просфирница. Только нет у меня права платить им жалованье. Государь Федор Иоаннович не дал денег на церковную нужду. Нужно сказать атаманам, Тугарину Федорову и Темиру Иванову, чтобы собрали круг и решили — будут ли они и остальные люди города содержать церковников за счет своего жалованья?

— Думаю, что люди будут согласны, — сказал Ерошка, — На каждого падет малая толика ущерба.

3

В октябре, в день Покрова Пресвятой Богородицы, в Сургут прибыл струг с Урунком, под стражею казаков, которые еле стояли на ногах от долгой утомительной гребли и непогоды.

Небеса словно ждали этого часа, нагнав серые низкие тучи, из которых повалил снег. А ночью ударил мороз и погнал по Оби сало.

Урунк мало отличался от тех чумыль-купов, которые были пленены, а затем отпущены. Он был такого же роста, скуласт и смугл, но в его осанке угадывалась родовитость и высокое положение. Судя по сабельному шраму на левой щеке, молодой князь уже побывал в каких-то переделках, скорее всего в стычках с татарами.

Встретив Урунка приветливо и уважительно, воеводы намеренно провели его вдоль внушительной крепостной стены, велев пушкарю пальнуть из пушки с проходной башни.

— Это в твою честь, князь, — сказал Оничков, заметив, как тот пригнул голову. — Устал, наверно, с дороги и голоден?

— Есть маленько, — ответил Урунк, который за два года жития аманатом выучился русскому языку.

— Хорошо, князь, что с тобой можно без толмача разговаривать, — сказал Борятинский, — у нас есть о чем беседовать. Скучаешь по своим?

— Есть маленько.

— Надеюсь, что скоро увидишься с отцом и братией. Надоело в аманатах быть?

— Есть маленько.

Борятинский почувствовал раздражение.

«Что он заладил одно и то же? Умысел у него есть или умом слаб?»

Когда подошли к тюрьме, Борятинский со скрытым злорадством сказал:

— Будешь, князь, в этой избе жить, но под стражею. Тут все же лучше, чем в мокроте землянки на ваших болотах. Здесь печь добрая поставлена, и оленьими шкурами пол застелен для тепла. Моли своих богов, чтобы отец в ясаке не отказал.

Бросив многозначительный взгляд на Борятинского, Оничков спросил Урунка:

— Ходит ли отец войною на кого или ему мир угоден?

— Маленько угоден, но без войны добычи нет.

— А если к вам набежчики приходят — много ли людей теряете?

— Маленько теряем, а с остальными отец уходит вверх Парабель-реки и собирает войско.

— Как же можно собрать войско по болотам, где люди далеко друг от друга живут?

— Можно быстро собрать четыре сотни и побить врага, — хвастливо заявил Урунк, не подозревая, что русскому воеводе нужны именно такие сведения.

Довольный, что его хитрость удалась, Оничков подморгнул Борятинскому. Теперь, мол, знаем, сколько воинов у Вони на случай баталии и сколько нужно требовать ясака. Такой неожиданный успех толкнул воеводу на дальнейшие расспросы.

— А князь Кичей с Кети-реки не беспокоит вас?

— У нас с ним договор — не делать разорение друг другу. Если воюем, то слабеем против остяков да татар.

— Это хорошо, что у вас мир, — сказал Борятинский. — А теперь скажи, когда от твоего отца ждать ясак?

— Когда маленько Обь станет. Тогда пошлете с моим словом гонца.

Воеводы встрепенулись от такого предложения, вспомнив совет Игичея. Но каким образом осуществить посылку людей на дальнее расстояние в пору лютых холодов? Борятинский знал, что зимою на лошадях можно пробраться только от Тобольска до устья Иртыша, где стоял Обский городок. А от него в сторону Сургута берег покрыт непроходимыми зарослями. Такие же, видимо, непреодолимые места простираются и по берегу в направлении Нарыма, да и расстояние туда в два раза больше, чем до Иртыша.

По рассказу князя Бардака, между Сургутом и рекою Вах — лежит лесная пустыня, где не бывала нога ни одного человека, где необыкновенная густота растительности не пропускает вовнутрь ветер и солнечные лучи, где воздух удушлив и лес закутывается непроницаемым, сырым и холодным туманом, а днем бывает темно, как ночью. Так обрисовал Бардак состояние берегов в летнее время. А каковы они зимою?

— Как я разумею — гонца нужно посылать по льду на нартах? — спросил Борятинский.

— Да, на нартах, — подтвердил Урунк. — Летом по воде плыть сорок дней, а на нартах с собаками можно добежать за двадцать. Только бежать нужно маленько хорошо, быстро, а то замерзнуть можно.

Препроводив Урунка вовнутрь тюремной избы, Борятинский и Оничков направились в приказную.

Как только они вошли в рабочую комнату, подьячий Ерошка сказал:

— Были у меня казаки, что привезли Вонина сынка. Жаловались на греблю непосильную и отсутствие подмены на долгом пути. Умаялись, мол, и просили подумать об их возврате в Тобольск.

— Они что, первый день в Сибири?! — возмутился Борятинский. — Воеводы не колдуны, и им неподвластно то, что Богу угодно.

Передай казакам, чтобы ждали и послужили в гарнизоне, пока не надумаем посылку в Тобольск.

Сев за свой стол, побарабанив по нему пальцами, уняв раздражение, Борятинский обратился к угрюмо молчащему Оничкову:

— Ты, князь Володимир, как-то обмолвился о ямщицкой гоньбе. Давай подумаем об этом. Если мы не порешим, как зимою сообщаться с Тобольском, то будем жить без вестей до лета.

— Зимою есть только одна дорога — по льду на нартах, — сказал Оничков. — Но как ее осилить без подмены людей и собак?

— А что если ямами у нас будут деревни, а ямщиками местные жители со своими собаками? По той росписи, что я делал, когда плыли в Сургут, Ерошка составил карту. По ней можем и гоньбу устроить.

— Трудная затея. Не все деревни стоят на берегу Оби. Большая их часть спрятана на малых речках, вдали от устья, и расстояния между ними велики. Такие прогоны не одолеть за день.

— Да-а... Не связать нам ныне эту стежку-дорожку... Но летом обязательно свяжем, и по реке гоньбу устроим, чтобы не изматывать казаков.

— Подождем до лета, — согласился Оничков, — а гонцов в Нарым со словом Урунка пошлем при первой возможности по льду.

— Надо заранее готовиться к этой посылке, — сказал Борятинский, поглаживая бороду. — Давай-ка, Ерошка, напишем наказ по ясаку с Вони. Князь Игичей говорил, что у них мало водится соболей. А мы не поверим, назначим ему на четыре сотни луков сто сороков соболей, а белок две сотни сороков. Накопился за ним долг в царскую казну. Еще выдру и бобров припиши, а на поминки тысячу гусей и что сам добавит. — Борятинский подумал, подумал — и махнул рукой: — Пока все! А что еще придет на ум — скажу потом.

4

В конце октября, в одночасье, Обь покрылась тонким ледяным панцирем, а за две недели ноября лед на реке настолько окреп, что мог выдержать легкую собачью упряжку и людей.

Пришло время для посылки гонцов в Нарым, но настала и пора сильных северных ветров — носителей вечных мук от сибир-

ских холодов. Сказы о том, что каждая зима не обходится без случаев гибели отважных путников, тревожили воевод. Поэтому подготовкой к отправке людей начали заниматься основательно, вызвав к себе на совет атаманов казаков, остяцкого толмача и Урунка.

Тугарин Федоров сразу заявил, что посылать надобно не одну собачью упряжку, а две, так как в беге по глубокому снегу, меняя их местами, можно сберечь собакам силы и ускорить движение. Кроме того, на каждые нарты подобрать по два человека, и не более, умеющих хорошо бегать на лыжах. Тогда они попеременно будут управлять собаками и идти в зацепе.

— Лыжи следует взять у остяков, на коих они ходят на зверя, — сказал Темир Иванов, — они широ-

ки и подбиты мехом, не проваливаются в снег и хорошо скользят. Также пригодятся для ночлега оленьи шкуры.

— Я тоже маленько скажу, — вмешался в разговор Урунк. — В лесу нужно разжигать большой огонь и на то место, когда огонь уйдет, положить шкуры. Тогда на них тепло спать.

Выслушав советы Темира и Урунка, одобрительно кивнув головой, Тугарин сказал:

— Холод велик, а потому следует наделить посыльных крепкою брагой и хорошей едой. Если бы не Рождественский пост, то и забот было бы меньше. Остякам можно кушать мясо и рыбу, и собак тем же кормить, а наши браты — будут есть только полбу с сухарями и отдадут Богу душу. Быть может, испросить у попа благословение и взять грех — ради дела и сохранения жизни?

— Разделим этот грех на всех нас и вымолим у Бога прощение, — сказал Борятинский. — Если не мясо, то пусть казаки берут рыбу. А кроме шкур оленей, надо бы и пологи взять.

— По берегам Оби, всяко, деревни остяцкие есть, — сказал Темир. — Можно, при случае, укрыться там и переждать непогоду.

— Опасливо это. Не все население по Оби приведено к шерти. Кто-то может и поруху учинить казакам, — предостерег Тугарин. — Тут надо думку думать.

Подьячий Ерошка, который внимательно выслушивал все предложения и записывал их в тетрадь, тоже пожелал дать совет.

— А моя думка такова, — сказал он. — Надо не въезжать с ходу в деревни, а посылать пеше на переговоры остяков с упряжек. А чтобы не было измены, держать их семьи в аманатах под стражею.

— Быть по сему, — подвел итог Борятинский и, обращаясь к Ерошке, сказал: — зачитай, братец, наш наказ по ясаку с Вони и повеление государя по Урунку.

Ерошка встал со стольца, сделал важную осанку, перечислил ясачные требования, а затем огласил наказ царя всея Руси и сибирских земель о том, чтобы отпустить сына к отцу, если тот привезет в Сургут ясак.

Урунк, выслушав подьячего, произнес слова к Воне, которые Ерошка записал на отдельном листе бумаги, а аманат начертил на нем оленя, тамгу своего племени.

Утром следующего дня две собачьи упряжки сбежали с берега на ледяную дорогу и понеслись по Оби в сторону Нарыма.

5

Казакам, которые доставили в Сургут Урунка, Борятинский сказал:

— Потерпите немного. Как только вернутся посыльные из Нарыма, так тут же отправлю вас в Тобольск с отпиской.

Однако терпению предстояло выдержать длительный срок. Время ожидания казалось вечностью. Каждый житель Сургута старался найти минуту, чтобы взглянуть в белоснежную даль Оби, надеясь первым увидеть черные движущиеся точки и крикнуть: «Едут! Едут!»

Одновременно сибирские холода набирали силу, крепчали, пока не достигли сорокаградусных морозов. В окрестных лесах, обремененных тяжестью снегов, не слышно было щебетания птиц, не видно было какого-либо движения и свежих следов. Только изредка где-то покрикивала кукушка, внушая надежду.

С этим чувством население слободы и острога продолжало жить по установленным правилам. Круглые сутки, через каждые четыре часа, менялись караулы, охраняющие житницы и погреба, а дозорные на башне обозревали все подходы к городу.

Дни протекали однообразно. Обычно, посетив церковь, отстояв заутреню или молебен, воеводы совершали обход острога, заглядывая во все сторожки и проверяя свои печати на дверях хранилищ. Теперь, оберегая себя от холода, они ходили не в сафьяновых сапогах, а в обуви, пошитой остяцкими женщинами из меха зверей. Вместо старых потертых шуб, на них были куньи шубы, подаренные кодским князем Игичеем. Головные уборы также надежно защищали их от мороза. Следуя обычаю брить головы, независимо от времен года, им приходилось сначала укрывать темечко тафьей, затем надевать колпак, а на него высокую соболью горлатную шапку с расширенным верхом, вкладывая в нее носовой платок.

Перед выходом из хором князья надевали шерстяной кафтан поверх домашней одежды, опоясывали себя широким кожаным поясом, на который навешивались кинжал и меч, после чего слуга помогал облачиться в шубу и подавал посох с большим резным набалдашником.

Одеяния прочих служилых острога были намного проще, но имели отличия. Уже издали воеводы определяли, кто из ратных людей сейчас в карауле. На казаках были высокие бараньи шапки, короткие овчинные шубы и штаны из грубого сукна зеленого или серого цвета. Стрельцы, поляки и шведы предпочитали ходить в длинных шубах или тулупах, а на голову надевать шапки в виде колпаков, обшитых заячьим мехом.

Изредка в размеренную жизнь Сургута вносили разнообразие собачьи или оленьи упряжки, прибывающие из ближайших деревень с ясаком. Остяк-погонщик, размахивая длинным хореем, с гиканьем проносился по широкой улице слободы, направляя нарты к массивным воротам острога, за которыми их уже ожидали воеводы и атаманы, предупрежденные дозорным.

В таких случаях упряжка подгонялась к приказной избе, подьячий Ерошка спускался со второго этажа с ясачной книгой, открывал амбар, снимая с дверей замок и воеводскую печать, заходил вовнутрь, усаживался за небольшой столик, поджигал в каганке конопляное масло для освещения и подогрева пальцев и начинал делать записи со слов Борятинского, который сам осматривал мягкую рухлядь, разделяя по сортам соболей, лисиц и белок. В это время Оничков с помощью казаков препровождал в погреба поминки, состоящие обычно из вяленой рыбы, мяса зверей и птиц.

Покончив с заботами на холоде, князья усаживались за свои столы в теплой воеводской комнате, обсуждали текущие и предстоящие дела, набрасывали отписки в Тобольск и Москву, просматривали книги разборные и окладного жалованья, интересуясь пометками подьячего, связанными с рождаемостью и смертностью. Последнее неизменно возвращало их к разговору о недостатках в исполнении христианских треб. Они сетовали на отсутствие церковной утвари, священных книг, иконостаса, ладана, а главное — освящения церкви. По этим нуждам у них уже лежала отписка с запросом, которую должны будут увезти в Тобольск казаки.

Всякий раз, как только приближалось обеденное время, Борятинский откладывал в сторону бумаги, вынимал гребень и, охорашивая бороду, говорил Оничкову:

— Пора, Володимир, ягодные пироги есть.

— Мне эти пироги уже в горле застревают, — отвечал Оничков, — Ох и разговеемся мы, Федор Петрович, если доживем до Рождества.

— Отчего же не дожить? У нас брага есть да под нее грузди соленые.

— Грузди хороши, — соглашался Оничков, — но я, кажется, мог бы в одночасье целого зажаренного гуся съесть.

— Смилуйся, князь, не трави душу!

Однажды во время подобной беседы пришел атаман Тугарин и сообщил:

— Наш-то слободской остяк Стенька медведя завалил, выгнав из берлоги. Хотите посмотреть?

Кто бы мог отказаться от такого зрелища? Это событие взбудоражило все население острога. Люди, свободные от службы, вмиг оказались на месте необычного торжества.

Перед избой, где жил Стенька, прозванный так казаками, собралась толпа. Его сородичи, прибывшие на нартах из соседней деревни, сотрясали воздух радостными криками и пением под лай и повизгивания собак, которые безнаказанно резвились под ногами людей в берестяных масках. Постоянно двигаясь, приплясывая, нарядные фигуры в пестрых одеждах из меха, похожие на кукол, выстроились в круг, внутри которого лежал медведь.

Бурый красавец, распластанный на снегу, казалось, уснул. Положив голову между вытянутых передних лап, он словно улыбался оскаленной пастью, радуясь во сне своему необычному наряду.

На его спину был накинут кусок красного шелка, на когти надеты серебряные колечки и разноцветные бусинки, а к носу прикреплена серебряная чаша. Мужчины поочередно подбегали к зверю, целовали его в морду и ложились рядом на снег, меряясь ростом.

Когда все вдоволь наплясались и набегались, охотники приступили к разделке туши. Тут же рядом вспыхнули три костра, над которыми были установлены огромные котлы.

— Пойдем, Володимир, подальше от соблазна, к нашим пирогам, — сказал неуемный Борятинский.

Отобедав, воеводы разошлись по своим покоям для послеобеденного сна. Таков был обычай на Руси, соблюдаемый и царями, и холопами, дабы не быть обвиненными в ереси.

6

Во время ночного обхода Тугарин Федоров забрался на дозорную башню и прислушался к звукам белой пустыни. Кроме поскрипывания заледенелых стволов сосен, ничто не нарушало таежной тишины. Он собирался уже спуститься с башни, как вдруг до него долетели едва слышные вскрики людей. Сердце всколыхнулось радостью: «Едут, родимые, едут!» Тугарин сбежал по крутой лестнице и направился будить Темира.

Крики погонщиков упряжек и заливистый собачий лай вскоре подняли с постелей всех жителей слободы, которые с зажженными факелами устремились к прибывшему каравану.

Тугарин, появившийся там с группой казаков, оттеснил толпу от нарт и стал выкрикивать имена поселенцев, призывая их к себе:

— Якушко Муромцев! Ивашко Кондаков! Митька Тимофеев! Ромашко Силин! Афонька Кайдалов!

Когда вызываемые явились, Тугарин сказал:

— Слухайте, братия, мое слово. Ведите в свои избы погонщиков, обогрейте их у чувалов, напоите да накормите и уложите спать. Остальным казакам надеть теплые шубы и взять под стражу нарты, пока не проснутся воеводы.

— Мы уже проснулись, — сказал Борятинский, подойдя к Тугарину, — такой шум и мертвого поднимет. Не будем дожидаться утра. Разбуди Ерошку. Пусть идет к амбару и готовится к приему ясака.

5 Заказ 462

Князь Воня сполна выложил выкуп за своего сына Урунка. Помимо тысячи гусей, он прислал уток, зайцев, тетеревов и лебедей — в самый раз к Рождеству, до наступления которого оставалось три дня. Урунка, как было обещано, отпустили в Нарым.

Ради великого праздника воеводы пригласили к застолью атаманов, подьячего Ерошку и попа Илинарха с его женой Пелагеицей.

К этому времени от поварни к хоромам была выстроена крытая галерея, так что у слуг и поваров отпала надобность в теплой одежде при подаче готовых блюд. К тому же поджаренные, хрустящие корочки дичи не теряли тепла и приятного вида.

На столе, в центре, повар поставил блюдо с гусем — мечту Оничкова. Вокруг были выставлены запеченные зайцы, утки, лебеди и закуски: моченая брусника, соленые грузди, холодная отварная осетрина и осетровая икра. Хмельное питье было обычным — брага и меда, малиновый и черемховый.

Перед вкушением пищи Илинарх прочитал молитву: — Отче наш на тя, Господи, уповаем и ты даеши нам пищу во благовремении и исполняши всякое животное благоволение, — а его жена Пелагеица обошла с подносом присутствующих, раздавая просфору, которую каждый поспешил съесть. После сего Илинарх сказал:

— Хлеб да соль — дар Божий для всякого люда, а лебедь — еда царская. Грех его вкушати простому смертному.

Нацелившись на гуся, Илинарх быстрым движением руки стал отрывать лапу у птицы, но Тугарин остановил его и сказал:

— Погоди-ка, батюшка, исполнять животное благоволение, не выпив перед тем чарки за Рождество.

Поп отдернул руку и, покраснев, повинился:

— Прости, Господи! Простите, православные! Обезумел я.

Борятинский поднял кубок и произнес тост за Рождество Христово.

Выпив, все с жадностью набросились на еду, изголодавшись за время сорокадневного поста. С небольшими перерывами следовали тосты за здравие каждого сидящего за столом, потом за отсутствующих, за государя царя, за город Сургут и еще за многое другое, пока трапеза не превратилась в обычную русскую попойку.

7

Казалось, что суровой сибирской зиме не будет конца. Но в середине апреля наступило потепление, стали таять снега и зажурчали ручьи, унося свои воды в Обь, а в первой половине мая лед на реке вздыбился, разделяясь на куски, и тронулся в путь.

Бурное весеннее половодье в несколько дней подняло уровень в реке почти на пять саженей, затопив пойму и превратив ее в море. Однако город Сургут, стоящий на высоком берегу, оказался вне досягаемости стихии.

Пережив эти тревожные дни, воеводы принялись за достройку города. Соорудили две дополнительные угловые башни, укрепили некоторые участки крепостных стен, а слободу обнесли чесноком.

В конце мая прибыл на летнюю стоянку князь Бардак. Приплыв незаметно ночью, поселившись в свои берестяные юрты, он, видимо, не склонен был к немедленному общению с русскими и занялся своими делами. О его появлении известил дозорный, увидевший в полдень дымки от костров, клубящиеся над вершинами леса.

Разведчики, которых послал туда Тугарин Федоров понаблюдать со стороны, рассказали, что остяки приводят в порядок жилища и готовятся к ловле рыбы, изготавливая из жердей запоры и штопая сети.

Борятинский сказал Оничкову:

— Князь Бардак думает, что мы у него в долгу, поставив на его земле город, и выказывает свою независимость. Пора прибрать его к рукам.

— Пришло время, — согласился Оничков. — Надобно, чтобы не мы к нему, а он к нам прибежал. Я знаю, как укротить его нрав.

— Это уже любопытно. И как это сделать?

— Покажем ему наше превосходство. Как только пальнем из пушки в сторону его юрт, так он сразу примчится высказать свое возмущение. А мы оправдаемся, сказав, что приняли их за чумыль-купов. Пусть, мол, другой раз ставит нас в известность.

Уловка Оничкова удалась. Взрывы ядер, не долетая до берестяного городка, все же наделали много шума и посеяли панику среди остяков.

Не прошло и часа, как в Сургут явился встревоженный князь Бардак, окруженный свитою воинов, вооруженных луками и копьями.

Выразив удивление, объяснив причину стрельбы, Оничков провел князя на воеводский двор, где под могучим кедром, оставленным после вырубки леса, сидели за столом Борятинский и атаманы казаков — Тугарин Федоров и Темир Иванов. Стол был заставлен хлебами и пирогами, которые считались у остяков редким лакомством.

— Будь гостем, князь, — приветливо сказал Борятинский, — отведай наших хлебов душистых, испей меда и не держи зла.

Продолжая еще сердиться за пальбу из пушек, Бардак заявил:

— Я ясака не дам! Если захотите взять силою, то объявлю вам войну. У меня большое войско.

— В войне с русским царем невозможно победить, — сказал Оничков. — Затеяв войну, ты погубишь свой народ. Тебе следует служить государю царю Руси так, как служит кодский князь Игичей, за что он освобожден от ясака.

— А как я должен служить?

— Прежде всего, помогать нам собирать ясак в городках на Оби и воевать с непокорными.

— Однако я соглашусь.

— Разумное решение, князь, — удовлетворенно сказал Оничков. — За твою службу дадим тебе жалованье — муки, круп да толокна. Будешь себе хлеба печь и каши варить.

Жадно блеснув глазами, Бардак спросил:

— А сколько дадите?

— Дадим много, — пообещал Борятинский, — по половине чети муки, по осьмушке чети круп и толокна на человека. Это тем, которые будут в деле.

— Мне еще и соль нужна, — сказал Бардак.

— Дадим и соль.

— Но я не могу всех людей послать за ясаком. Рыба идет икру метать. Теперь самое время ее ловить.

— Всех и не надо, — успокоил его Борятинский. — Выдели три десятка человек в добавку к нашим казакам. А тут, в Сургуте, мы дадим тебе в помощь людей для ловли рыбы, чтобы в улове и наша доля была.

Поладив с остяцким князем, наделив его хлебом и крупами, воеводы стали готовить казаков к посылке за ясаком.

В сторону устья Иртыша отплыл на следующий день атаман Темир Иванов с десятью казаками и десятью остяками Бардака, а в верховье Оби было отправлено три струга под началом Тугарина Федорова со станицею в сорок человек и двадцатью остяками. Перед ними стояла более трудная задача — привести к шерти непокорные городки и проникнуть во владения князя соль-купов Вони на реке Парабель. На случай мирных отношений с инородцами, казаки взяли с собой несколько медных котлов для обмена и поминок, а также запаслись прописью клятвы, в которой говорилось:

«...На всяких русских людей зла никакова не мыслить и не творить и во всем нравом постоянстве стоять крепко и непоколебимо до века».

В середине июня, в день Святой Троицы, из Тобольска прибыло несколько судов с хлебным и денежным жалованьем, с церковной утварью и священником.

Для жителей Сургута это был незабываемый праздник. Наконец появились богослужебные книги и иконы, привезен был запас царского воска для свечей и фунт ладана.

Священник обошел вокруг церкви, окропляя ее стены святой водой, и прочитал молитву: «Создателю и Содетелю человеческого рода. Дателю благодати духовныя. Подателю вечного спасения. Сам, Господи, посли Духа Твоего Святаго с вышним благословением на церковь сию, яко да вооружена силою небесного заступления хотящим ю употребляти. Помощна будет к телесному спасению и заступлению и помощи, о Христе Иисусе Господе нашем. Аминь».

Внутри церкви, в центре иконостаса, поместили икону Живоначальной Троицы, зажгли перед нею свечу и прочитали молитву: «Пресвятая Троице, помилуй нас. Господи, очисти грехи наша. Владыко, прости беззакония наша. Святый, посети и исцели немощи наша. Имене Твоего ради. Господи, помилуй».

С этого дня церковь стала называться Троицкой.

Праздник длился целую неделю. Воздух был насыщен запахами мяса. Его варили в котлах, жарили на вертелах, поглощая в

больших количествах, дабы потом выдержать двадцатидневный пост, начинаемый с Петрова дня.

Лето, в отличие от прошлого года, выдалось сырым и прохладным. Не было оводов, от которых более всего страдала скотина, но зато тучи комаров и мошки, особенно в вечернее время, доставляли немало хлопот. Люди спасались, сидя у костров, защищали лицо и шею сетками, пропитанными дегтем, ставили курильницы с тлеющим навозом в избах под лавками, на которых спали, но не всякий мог избежать укусов кровососущих тварей. Однако каждый готов был терпеть такие неудобства ради желанного скоротечного лета.

В этот период Борятинский и Оничков все свои старания направляли на то, чтобы как можно лучше подготовиться к встрече следующей зимы. Но... В конце июля в Сургут прибыли князья Осип Тимофеевич Плещеев и голова Иван Иванович Колемин.

8

Произошло событие, неожиданное и удручающее для всех жителей города.

Весть о том, что воевода Плещеев прислан на место Борятинского, быстро облетела острог и слободу, вызвав у жителей Сургута удивление и недовольство.

К воеводе Федору Петровичу Борятинскому уже все привыкли. Людям нравился деятельный, лишенный высокомерия князь, внимательный к нуждам поселян. Унижение, которому он подвергался, более всего возмущало казаков. Они собирались группами, обсуждали и осуждали действия новых начальников, явившихся на все готовое, достигнутое тяжкими, но вдохновенными стараниями товарищества.

Использовав случай, когда Борятинский прогуливался по острогу, казаки обступили его кругом, и десятник Иванко Ладога, выступив вперед, сказал:

— Светлейший Федор Петрович, под твоим началом знатный город поставлен, без крови остяки к шерти приведены, служилым ты люб за доброту и заботу — а тебя отлучают от воеводства. Справедливо ли это?

— На то воля государя, и не мне судить его. Знать, есть у него причина, о коей нам неведомо, — ответил Борятинский.

— Неугодна нам такая воля, Федор Петрович, — ответил Иванко. — Позволь бить челом царю, чтобы оставил тебя в Сургуте.

Борятинского растрогало участие казаков, но он не мог принять их порыв в поиске справедливости и сказал:

— Благодарствую, други, на добром слове. Только пустая это затея. Подумает государь, что челобитная писана по моему уговору, и будет она мне не в пользу, а во вред.

Не враз разошлись казаки, провожая взглядом князя, который удалился в сторону приказной избы. Постояв еще некоторое время, поспорив, сговорились они устроить почетные проводы воеводе.

Осип Тимофеевич Плещеев и Иван Иванович Колемин с первой минуты прибытия повели себя подчеркнуто официально. Не теряя времени на отдых после долгого пути, они сразу, несмотря на усталость, приступили к изъятию всех документов из-под печатей Борятинского, поставили свои печати, и только после этого изъявили желание отобедать.

За столом Борятинский отмалчивался, выказывая равнодушие к происходящему, а Оничков был раздражен и не скрывал этого. Когда Плещеев попросил рассказать о состоянии всех дел, то он ответил:

— Читай, князь, прописи и отписки, которые теперь у тебя под замком. В них обо всем сказано, а у меня нет желания.

— Не сомневайся — почитаем с усердием ваши прописи, — надменно заявил уязвленный Плещеев. — Только думаю, что тебе гневиться не стоит. Тебя государь оставил головою в новом городе.

— Надолго ли? Ведь оставили меня для посылок, чтобы для тебя старался. Быть может, ты уговорил дьяков об этом? А может быть, это ты попросил прописать о сыске в наших сундуках? Ведь когда в феврале подписывался для тебя указ государя, то дьяки знали об одном — город Сургут поставлен. А о том, что проворовались мы с Федором Петровичем, еще не могли знать.

— Дьяки не сочли нужным обсуждать со мною, что в указе писать. Хотите — верьте, хотите — не верьте — это ваше дело. А проворовались вы или нет — от нашего дознания зависит, — ска-

зал Плещеев. — Чтобы вы на меня с Иваном Ивановичем великую обиду не таили, зачитаю я вам наказ:

«...А пришед воеводе Осипу и голове Ивану в новый город Сургут, взятии у князя Федора Борятинского государев подлинный наказ и государевы грамоты о всяких государевых и земских делах, и городовые и острожные ключи, и на городе и на остроге наряд, и в казне зелье и свинец, и всякие пушечные запасы, и в житницах хлеб, и служилых людей по росписи пересмотря на лицо, и ясашные книги, по чему с Сургута и з городков, которые пошли вниз по Оби до устья Иртышского, и которые пошли вверх по Оби к Пегой Орде, и по чему ясаку имать с Пегие Орды с Вони князя и с его людей. А взяв государев наказ и государевы грамоты о всяких государевых делах, по тому воеводе Осипу и головам Ивану и Володимиру Оничкову государевы дела делать, смотря по тамошнему делу, как будет пригоже и государю прибыльнее».

Пропустив часть наказа, Плещеев огласил следующее:

«...А которые князьки ясашные тотарве государю непослушны, не добили челом и государева ясаку не платят, и в город к воеводам не приходят, — и воеводе Осипу Тимофеевичу с товарищи и с ним Володимиру Оничкову над теми ясашными людьми промышлять, чтобы их повоевать и ясак собрать сполна, и привести их под государеву руку, чтобы их истращать и их укрепить. А посылати во всякие посылки воеводе Осипу Володимира Оничкова...»

— Это мне и Федору Петровичу уже ведомо, — сказал Оничков. — Ты лучше зачитай памятку о воровстве.

— Как вам будет угодно, — раздраженно сказал Плещеев. — Извольте слушать:

«...Да память воеводе Осипу Тимофеевичу и Ивану. Приехав им в новый город Сургут пересмотрети и переискати у князя Федора Борятинского и у Володимира у Оничкова и у всех детей боярских на их дворах сибирские всякие мяхкие рухляди — приносных, и поминочных, и купленных соболей и лисиц, и бобровых. А у ково что найдут, и тое всеех рухлядь переписать имянно, у ково что найдут; а переписав и запечатав своими печатями, да служилыми и торговыми людьми про то сыскати накрепко, у ково они купили какие рухляди, и сколько они мяхкие рухляди из Си-

бири, живучи, посылали к себе, и с кем именем, и в котором году посылали, — про то про все сыскати накрепко, да тот весь сыск, и тое всеех рухлядь, и тое рухляди роспись прислати ко государю царю и великому князю Федору Ивановичу всея Руси к Москве з государевою казною вместе в Посольский и в Четвертной приказ к дияку Василию Щелкалову.

Лета 7103-го года февраля 10 день».

— Чудится мне, что не о царской казне дияк печется, желая поминки воеводские отобрать, — насмешливо сказал Оничков. — Кроме того, князь, оплошал ты, известив нас о сыске. Пока ты будешь спать после обеда, мы с Федором Петровичем не будем дремать.

— Коли вы согрешите, то и мы с Иваном Ивановичем последуем примеру. Сыск начнем теперь же.

Оничков подмигнул Борятинскому и шепнул ему в самое ухо:

— Как я его? А? Пусть поищет то, чего нет.

Обойдя все помещения воеводских хором, заглянув в каждый сундук, обшарив сени и хозяйственные постройки, Плещеев и Колемин никаких мехов не нашли, кроме двух куньих шуб, в которых Борятинский и Оничков ходили всю зиму. Тщательно их осмотрев, Плещеев сказал:

— Эти шубы новые. Откуда они у вас?

— Поминочные они от князя Игичея с Коды, который не в нашей управе и имеет жалованную грамоту нашего государя, — ответил Борятинский. — По этим шубам никто не может уличить нас в воровстве. Они и в поминочную книгу вписаны.

— Однако мы их заберем и под своими печатями отправим в Москву. А там, Федор Петрович, сам похлопочи, чтобы вернуть.

Оничков взъярился:

— А в чем мне ходить в зиму?! Очень жалкую, что и меня не отпустили из Сибири с князем Борятинским. Нет желания ходить под началом такого человека, как ты. Мог бы и не забирать шубы, ежели совесть есть.

— Не в совести дело. Я исполняю наказ государев. А зимою и в овчине тепло.

Пересчитав всю мягкую рухлядь, остаток денег, запасы в житницах и погребах, сделав сверку с книгами, Плещеев не нашел

никаких признаков воровства, о чем вынужден был указать в отписке. Завершив приемку дел, он сказал Борятинскому:

— Теперь, Федор Петрович, отпускаю тебя с миром из Сибири.

— Нижайше благодарствую, всемилостивейший князь, что не посадил меня в тюремную избу. Пользуйся на благо Руси всем, что тут создано без тебя.

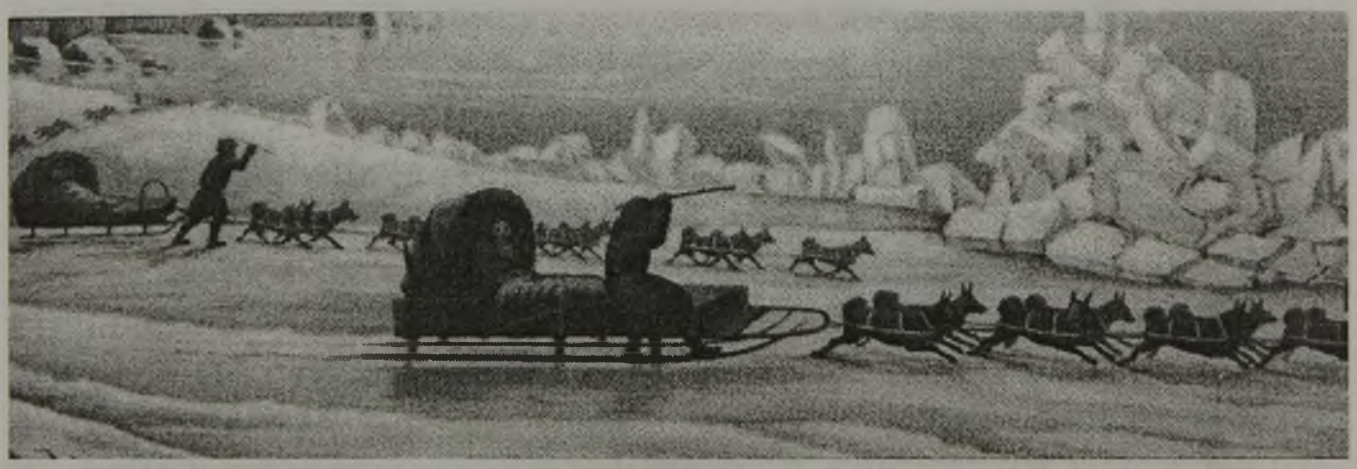
— Зря укоряешь меня, Федор Петрович. Не сам я напросился в Сургут.

На проводы Борятинского собрались все жители города.

Запели медные трубы, забили барабаны, из толпы раздавались крики с добрыми напутствиями. Только со стороны Троицкой церкви не слышалось пения колоколов, так как там их еще не было.

Прежде чем взойти на струг, Борятинский сказал Оничкову:

— Храни тебя Господь, Володимир. Обо мне не печалься и служи верою-правдою Руси. Думаю, и ты не задержишься тут. Еще походим с тобою по Москве в старых шубах.



Дальняя посылка

1

Всю долгую сибирскую зиму Оничков с нетерпением ожидал наступления весны, желая как можно скорее, хоть на время, избавиться от общения с ненавистным ему воеводою Осипом Плещеевым. Он уповал на дальнюю посылку с казаками вверх по Оби для сбора ясака и приведения к шерти непокорных инородцев.

После отъезда Борятинского Володимир загрустил, его охватило чувство одиночества, и он невольно потянулся к служилому люду. Несмотря на то, что Иван Колемин оправдался, ссылаясь на пристрастный сыск со стороны воеводы Плещеева, и предлагал дружбу — настоящего сближения между ними не произошло.

— Помяни мое слово, Иван, — сказал Оничков, — не дадут вам дьяки долгой управы в Сургуте. А как только приедут сменщики, так и по вашим сундукам пройдутся с сыском. Тогда ты и меня поймешь.

— Я и теперь разумею, Володимир. Но ты плюнь на Осипа да меня, если хочешь. Возьми поминочную бобровую шубу и носи ее до весны.

Оничков усмехнулся.

— Обойдусь и без бобра, — сказал он. — Князь — и в овчине остается князем. Не так ли думает воевода Плещеев?

Овчинную шубу для Оничкова местные умелицы пошили на славу. Он перепоясывал ее белой перевязью, за которой красовалась пищаль с золотыми насечками, и к которой навешивался малинового цвета чехол с саблей. Даже свою соболью горлатную

шапку он забросил в сундук, раздобыв татарскую волчью, и носил ее с большим удовольствием.

Впервые увидев Оничкова в необычном облачении, Тугарин Федоров не сдержался и воскликнул:

— Лихонько, князь Володимир! Ну и краса! Казак — да и только!

Тугарин нравился Оничкову. Коренастый, плечистый, громкоголосый двадцатипятилетний атаман пользовался непререкаемым авторитетом в казачьей среде. По распределению станиц между головами Сургута, он попал под начало Оничкова, в обязанности которого входило городское береженье и ясачные дела. Что же касается атамана Темира Иванова с казаками терскими, вольскими и донскими — выходцами из дружины Ермака, то они были в составе служилых людей острога, где начальствовал Иван Колемин, обеспечивающий сторожевую охрану государевой казны, житниц и погребов.

В зимние вечера, как правило, после вечерни в церкви пред ликом Живоначальной Троицы, чтобы не томиться от скуки, в избе Тугарина собиралось избранное им общество. Неизменными посетителями были: атаман Темир Иванов, казачьи десятники — Васька Черкас и Тимоха Вячанин, казак Первуша Колпашник — друг Тугарина, ясачники стрельцы — Иванко Беляев и Иванко Ясырь. А Данилко Голубятник, взявший на себя по доброй воле заботу над атаманским пищевым погребком, варил каши и всякие похлебки. Был он и мастак зажаривания на углях птицы или мяса.

Заглянув однажды на огонек и ощутив к себе всеобщее расположение, Оничков стал частенько захаживать к обретенным товарищам, переступив тем самым за рамки традиционных великосветских правил, чем бесил Плещеева и внушал затаенную зависть в душе Ивана Колемина.

Иногда к честной компании присоединялся подьячий Ерошка, которому с новым воеводой не хватало той простоты отношений, каковая была при Борятинском. Единственным утешением для него было то, что в Сургуте оставили Оничкова, самого близкого ему товарища, разделившего с ним тяготы долгого пути в Сибирь. Обычно, переступив порог, он говорил:

— Не обжираться, не опиваться пришел я, а утолить жажду души.

На что Тугарин отвечал:

— Милости прошу к нашему шалашу, ежели нет задумки — выносить сор из сей избы.

— Упаси Бог всякого от такого лиходейства!

Хотя у Ерошки и был язык помело помелом, но ему доверяли.

Часто, по просьбе товарищей, Тугарин рассказывал сказки о своих приключениях на былой службе.

— Оттого и холост я, други, что не было времени ожениться, — говорил он, а однажды, не очень уверенно, добавил: — Да и помеха это для ратных дел — с женкой забавляться и детишек растить. Слышал я, что Ермак Тимофеевич весь свой век холостым был.

— А мне ведомо, что семейные также атаманствуют, — заметил Оничков. — Не так ли Темир?

— Вот-вот! — подхватил Тугарин. — Потому-то и рвется он со своими братцами вернуться в Пелым, где семья у него осталась. А я — птица вольная, не привязанная к гнезду.

— Зато у меня два казака своих растут, — парировал Темир. — А о тебе, бобыле, кто слезу прольет, когда голову сложишь?

— Скажи, Темир, много ли осталось в Сибири людей Ермака? — спросил Оничков.

— Есть такие, и немало их. Гаврила Ильин город Тюмень ставил и там в конных казаках ходит. Могучей силы казак! Бывало татарву оглоблей разбрасывал. Ровня ему по силе Гаврила Иванов. Он со мною Пелым ставил, а потом город Тобольск с головою Чулковым, где теперь атаманствует. Там же и Гришка Ясырь в десятниках ходит, а Алексей Галкин — сотником. Прибился к Тобольску и Иван Александров. Люб он был Ермаку, как сын. Черкасом его кличут. Командует он полком из литвы, поляков и немцев. Под ним и татарва ходит с бывшим ханским мурзою Маитмасой. Это он преграждал путь Ермаку на реке Туре, чтобы не пустить в Тобол. А теперь нам служит, помогал Тюмень ставить, против Кучума с Черкасом ходит. А Черкас — в грамоте мастак, пишет складно. Ермак его сеунчем посылал к царю Грозному. Возвестил он о победе, о том, что сбили с куреня хана Кучума, что передает Ермак под царскую руку всю Сибирь.

Тугарин внимательно слушал, теребя ус, и вдруг спросил:

— А девки у Ермака были?

— Ни в коем разе! Он всякого казака сек плетьми и на цепь сажал, узнав о прелюбодействе, а в женитьбе не отказывал.

— И много казаков при нем оженилось?

— Не очень, так как русских девок в Сибири не было. А те, кто желал ожениться, брали татарок. Некоторые брательники даже по две-три женки завели, по басурманскому обычаю.

— Фу! Грех какой! Не по-христиански это! — воскликнул Ерошка.

— У меня одна женка, хотя и татарка, — оправдался Темир. — Она более на русскую похожа, волосы светлые и глаза голубые.

— Я заметил, что в Сибири много татар белолицых, светловолосых и светлоглазых, — сказал Иванко Ясырь. — Отчего бы это? А у других и волосы, как дегтем помазаны, и глаза, как у китайцев.

— Я разумею такое отличие, — сказал Тугарин. — В моей станице тройка светлых татар. Они говорят, что произошли от кипчаков, которых русские прозвали половцами. Когда их побил хан Батый, они сюда убежали и живут в Сибири уже три века. А темные татары — это скотоводы из войска хана Чингиза. Светлые и темные татары всегда во вражде жили, убивая друг друга ради власти.

— Это так и есть, — подтвердил Оничков. — Местный род тайбугинов был покорен Руси и платил ясак, пока не пришел в Сибирь хан Кучум.

После разговора о женах, Оничков решил, что отпишет в Москву просьбу о присылке в Сибирь русских девок. Иначе все служилые скоро обасурманятся.

Однако, о чем бы не велись разговоры в избе Тугарина, чаще всего они заканчивались обсуждением отношений с Пегой Ордой. Все сходились на одном — не миновать войны с княжествами Вони и Кичея.

2

В начале апреля вдруг задули упругие теплые ветра — посланцы южных ордынских степей, предвещающие раннюю весну. Снег сразу отяжелел и осел, образовав твердый наст в результате ночных заморозков, по которому резво бежали собачьи упряжки. На

одной из них неожиданно прибыл в Сургут князь Бардак, сопровождаемый воинами на лыжах.

Воевода Плещеев, вместе со своими начальными людьми, принял его в съезжей избе, недоверчиво разглядывая встревоженного вождя, с которым встретился впервые, поскольку прошлым летом Бардак покинул берестяные юрты еще до появления сменщика Борятинского.

Остяцкий князь был в замешательстве, но, разглядев знакомое лицо Оничкова, приветливо закивал головой и, обращаясь более к нему, чем к Плещееву, сказал:

— Я узнал, что нарымский князь Воня собирается идти войною на Сургут и готовит большое войско. Выступить он сможет не ранее чем через месяц, после вскрытия рек.

— Так... так... А это не лживые сведения? — спросил Плещеев, стараясь уловить в глазах остяка затаенную хитрость.

Бардак гордо вскинул голову и возмущенно сказал:

— Я пришел предупредить об опасности, а ты обвинил меня во лжи. Я сделал свое дело и ухожу!

— Погоди, князь, — остановил его Оничков. Нашего главного воеводу, Осипа Тимофеевича, часто обманывают — вот он и недоверчив. Зная твою честность и достоинства, он бы не нанес обиды. Прости его и скажи, что еще знаешь?

Плещеев колюче зыркнул в сторону Оничкова, но смолчал. А князь Бардак сказал:

— Когда эта весть дошла до меня, я сразу отправил своего сына Кинему на реку Васюган, чтобы он узнал правду и донес ее в Сургут.

— Ты правильно и честно поступил, — одобрил Оничков. — А сколь великое войско может собрать Воня?

— Четыре сотни, — ответил Бардак, не раздумывая.

Этот ответ в точности совпадал с теми сведениями, которые удалось выведать у Урунка, когда он был аманатом в Сургуте.

Обращаясь к Плещееву, Оничков сказал:

— Святую правду говорит наш друг, князь Бардак. Пегая Орда для него такой же враг, как и для нас. Прежде чем напасть на Сургут, Воня побьет остяков на реке Аган, а это люди Бардакова княжества.

В знак согласия Бардак закивал головой и заявил:

— Нужно опередить поход князя Вони. Если вы пойдете на него, то и я поведу своих людей на Нарым.

— Давай дождемся возвращения твоего сынка. Тогда и решим — быть походу или встретить его здесь пушечным боем, — сказал Плещеев.

Однако столь важная весть не была оставлена без внимания главным воеводою Сургута. Уже на следующий день помчалась в Тобольск собачья упряжка с отпискою о надвигающейся угрозе. В ней Плещеев просил прислать подкрепление, казаков и стрельцов, а также пушки с запасом ядер.

Погода благоприятствовала посыльным, которые проявили великое старание и уже в конце апреля вернулись в Сургут по утонченному речному льду.

Тобольский воевода известил Плещеева о том, что в Москву ушла отписка, в которой он просит прислать пополнение, две сотни человек, для войны с князем Воней. Сам же оказать помощь Сургуту не может, из-за посылки тобольских людей на Тару, к князю Елецкому, для войны с ханом Кучумом, близко подкочевавшему с войском в пять сотен. А еще он отписал в город Березов, чтобы по первой воде отправили в Сургут наряд из пяти пушек. Другой помощи оттуда ждать не следует, так как бунтуют остяки Шатрова Лугуева, у которого воевода Троханиотов, по указу царя Федора Иоанновича, отобрал девку, кондинскую полонянку, и отдал ее Игичею Алачеву.

— Знать, хороша девка, если из-за нее война затеяна, — сказал Иван Колемин.

Плещеев досадливо стукнул посохом об пол.

— Что творится? А? Из-за какой-то бабы и Сургуту теснота!

— В этом сам Троханиотов виноват, — пробурчал в бороду Оничков.

— А ты откуда знаешь? — спросил Плещеев.

— Игичей сказывал. Эта девка — дочь кондинского князя. Игичей ее пленил, а Троханиотов отобрал и отдал Лугуеву, а теперь вернул по праву Алачеву. Оттого и восстали березовские остяки.

— Я и говорю — что творится? Из-за девки и государевы дела в тесноте! Что же делать будем?

— Есть только один выход, — сказал Оничков.

— Какой же?

— Послать вверх по Оби казаков да стрельцов с пушечным нарядом и остяками князя Бардака. Ежели Воня осмелится на нас пойти, то встретим его огненным боем на воде, где он не в силах будет устоять.

— А береженье города и острога ослабить? Не лучше ли к осаде готовиться и засады устраивать?

— Да где их устраивать? Разольется Обь в море, открыв пути к Сургуту с любой стороны. К тому же сбегутся сюда со всех речек остяки, недовольные ясаком. Уж лучше упредить всех, как советует князь Бардак.

— Я согласен с Володимиром, — поддержал его Колемин.

— А я пока в сомнении. Подумаю еще, — сказал Плещеев.

Но недолго пришлось ему думать. Четырнадцатого мая, по первой воде, прибыл в Сургут сын Бардака Кинема и сообщил:

— Сыскал я ваховского остяка, сына Нона. Ходил он в Лунпукол, вверх, и слышал от лунпукольских людей, что Воня князь собирает воинов из дальних волостей, чтобы пойти к городу Сургуту и забрать себе царскую казну, а ясаку платить не хочет, и всем людям своим о том пригрозил. А еще ссылается он с Кучумом царем, и учиняют они меж собою договор — собраться со всеми своими людьми и сообща набежать на Сургут.

Вновь на легком струге с десятью гребцами по Оби да Иртышу отправилась отписка с тревожною вестью в град Тобольск, а оттуда с тобольскими казаками в Москву.

3

Теперь воевода Осип Тимофеевич утвердился в правоте Володимира Оничкова и согласился на дальнюю посылку.

Оничков вместе с атаманом Тугарином Федоровым отобрал лучших стрелков из стрельцов и поляков, а станицу Тугарина в двадцать человек взяли целиком, прибавив тех, кто ходил в Нарым прошлым летом. Это были те самые товарищи, которые коротали зимние вечера в избе атамана — ясачники стрельцы, Иванко Беляев и Иванко Ясырь. Да еще взяли трех толмачей, да по два

6 Заказ 462

рулевых на каждый струг. А всего пятьдесят пять человек, не считая двух десятков остяков князя Бардака.

Голове Ивану Колемину Оничков сказал:

— Не тревожься, князь. Ежели нужно будет, то мы быстро спустимся по течению. Однако, думаю, что твоя сотня стоит и пяти вражьих.

Два дня на берегу кипела работа, которой руководили десятники Васька Черкас и Тимоха Вячанин. К походу готовились основательно. Выбрали четыре струга, имеющих рули с двух концов. Один из них был двадцативесельным, а три — на десять человек каждый. На всех стругах нарастили борта, чтобы защититься от лучных стрел, тщательно просмолили днища и установили мачты, оснастив их парусами. На большом струге, головном, установили скорострельную пушечку и навесили голубое шелковое полотнище флага, на котором золотым шитьем был изображен двуглавый орел.

Оничков позаботился сполна загрузить струги всякими запасами, а то, что не вместилось в них, положили в легкие дощаники, решив взять их на зацеп. Знающий грамоту, Данилко Голубятник, важно похаживал между судами и вел учет груза, делая записи в тетради. Погрузили ржаную муку, крупы и толокно, соль и бочонки с сухарями, порох и свинец, плотницкий инструмент, медные котлы, полога и парусину, а также шатер для Оничкова.

Глядя на такие сборы, Плещеев спросил:

— Не собираешься ли ты, Володимир, зимовать в Нарыме?

— Оно как дело обернется, Осип Тимофеевич. У нас ведь на Руси как говорят? Едешь на неделю — бери запас на месяц. До Нарыма ни много ни мало, а шесть сотен верст. И неведомо еще, чем нас князь Воня порадует, какими пирогами встретит. К сему, вспомнил я, что брагу забыл взять.

— Смотри, не упейся, а то татарву проворонишь.

Плещеев потоптался на месте и выдавил из себя:

— В общем, желаю доброго пути!

Проводы отъезжающих, как всегда, проходили под пение труб и бой барабанов. На ветру развевались полотнища знамен и хоругвий. Мужчины, женщины и дети толпились на берегу, перекликаясь и выкрикивая напутствия:

— Эй, Данилко, привези мне женку!

— Митюша! Митюша! Хоронись от стрел!

— Вась! Васенька! Ты теплые шальвары взял?

— Взял! Взял!

— Храни вас Бог, брательники!

Каждый старался перекричать остальных, стоял сплошной гул, заглушая выкрикивания попа Илинарха:

— Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Он обходил суда, окропляя их и людей святой водой.

Подошло время. Оничков взмахом руки дал сигнал к отходу. Протрубил горнист головного судна, всколыхнулись десятки весел, и суда, отойдя от берега, стали выстраиваться в одну линию, а вокруг стругов засновали юркие, остроносые ладьи остяков.

Достигнув фарватера, гребцы подняли паруса. Крепкий попутный ветер, друг на воде, наполнил их силою. Струги, преодолевая встречное течение, словно лебеди, понеслись вперед, быстро удаляясь от Сургута.

4

Весеннее половодье превратило правобережье Оби в необозримое море, по которому гуляли пенные волны. А на левом высоком берегу шумело и роптало другое море — зеленое хвойное. Скрылись под водой песчаные отмели и низкие острова, напоминая о себе щетиной лозняка, торчащей из воды, или черными голыми ветвями деревьев. А там, где встречались возвышенные островки лугов, они поражали несметным количеством пернатого населения — лебедей и гусей, отдыхающих на грязях. Низко над головами, в разных направлениях проносились со свистом стайки уток и куликов.

Срезая углы, струги продвигались по разливу, сторонясь основного русла, где могучее течение врезалось в твердь яра, обрушивая пласты земли, подмывая корни вековых сосен и сваливая их в воду. Такие деревья и топляки угрожающе проносились мимо, набегая на препятствия и попадая в водовороты. Треском и плюханьем оглашалась тишина, а поперечные волны от обрушений раскачивали суда. Но, несмотря на это, первый день пути по необозримому простору вселял радость в сердца новизною ощущений.

Уже майская ночь не торопилась опускать темные покровы, наступающие сумерки были прозрачны, позволяя путникам продолжать движение, пока хватало сил.

Когда приблизились к устью реки Аган, Оничков высмотрел удобное место для ночлега. Это был остров — длинная незатопленная гряда правого берега, поросшая густым лесом. С низовой стороны, где нашли приют суда, остров защищал часть берега от разрушительного течения и образовывал перед ним мелководный плес.

Высадившись на берег, все служилые разожгли костры и занялись приготовлением полбы в медных котлах, а остяки отправились искать просвет в лесной чаще, чтобы повесить там сети для ловли уток.

Неожиданно к стану подплыло несколько лодок-долбленок. Из них высадились десять человек, одетых в парки из дорогих мехов. Впереди шел остяк с непокрытой головой, длинные черные волосы которого космами спадали на плечи и заслоняли глаза. Однако он сразу разглядел, кто был главным начальником, и направился к Оничкову, сидящему у белого шелкового шатра. Оничков поднялся и пошел навстречу.

— Я князь Лелет, — сказал остяк. — Я пришел с поминками, чтобы доказать свою верность русскому царю.

— Рад, очень рад, и встрече, и твоим словам, — ответил Оничков и пригласил гостя к своему костру.

Князь Лелет уселся на валежнике, который поднесли для него казаки, и сказал:

— Я знаю, что князь Воня из Нарыма собирается затеять войну против вас. Я с людьми, живущими на реке Агане, буду воевать на вашей стороне. Я не хочу, чтобы он разорил мои городки и увел к себе наших жен.

Лелет говорил не спеша, с достоинством, глядя прямо в глаза, отбросив с лица за плечи волосы. Оничков проникся к нему симпатией.

— Скажи, князь, — спросил он, — можно ли отлучить от Вони людей с речек Ваха и Тыми, которые находятся вдали от его жилища, расположенного на реке Парабели?

— Можно, — ответил Лелет, не раздумывая. Воня берет с них большой ясак, по два десятка соболей с лука, а ты пообещай брать только десяток — они и согласятся перейти на твою сторону. Но тогда их нужно будет уберечь от мести.

— Я возьму их под свою защиту, — сказал Оничков.— Только как с ними сыскаться?

— Это будет моя забота, — сказал Лелет, — я с тобою пойду на Вах и Тым.

— Хорошо! Очень хорошо... А не знаешь ли, сколько князь Воня собрал воинов?

— Полторы сотни, и от князя Кичея, с реки Кети, столько же. Всего три сотни. Это без людей с Васюгана, которые в болотах попрятались. Они напуганы после набега на Сургут, где были огненным боем побиты.

Тугарин внимательно выслушал все, о чем говорил Лелет, и сказал:

— Принесу нашему гостю поминки за его ласку к нам.

Он отлучился ненадолго и, вернувшись, вручил Лелету топор и обоюдоострый нож в кожаном чехле. Более всего остяк обрадовался ножу. Этот подарок он считал очень ценным.

Вручив поминки от себя, три по сорока соболей и тысячу белок, князь Лелет отбыл, чтобы подготовиться к походу с русскими.

Оставшись наедине с Тугариным, Оничков спросил:

— Что скажешь, атаман?

Тугарин огладил усы и раздумчиво сказал:

— Вроде все ладно складывается... Однако завтра пошлю вперед ертаульщиков.

5

До устья Ваха плыли двенадцать дней. Уровень воды с каждым днем заметно падал, обнажая промоины между грядами высокого берега. В такие бухточки заходили и для ночлега, и для охоты на крупного зверя, вышедшего из леса на водопой.

Однажды Васька Черкас подстрелил лося, вызвав всеобщее ликование.

Мясо варили в котлах, запекали на углях, зажаривали на палочках, которые втыкали в землю вокруг костра. Казаки хвалили Ваську, но и бросали в его адрес шутливые реплики:

— Вась, и что тебя угораздило лося убить? Для этого жесткого мяса нужны хорошие зубы, а у меня их только половина осталась.

— Васько, в другой раз подстрели оленя. У него мясо мягче.

В другие дни варили и ели полбу, размачивая в ней сухари. Бывало, что лакомились утятиной, добытой остяками.

Ертаульщики, которые вместе с аганским князем Лелетом первыми достигли устья Ваха, обнаружили там десяток пустых берестяных юрт. Лелет сказал, что поищет по реке сбежавших людей, а когда подойдут струги, то пусть ждут его возвращения.

Во время ожидания Оничков посоветовал Тугарину и всем его казакам переодеться в праздничные одежды, поскольку знал, что яркие одеяния внушают особое уважение инородцам. Сам он надел сафьяновые сапоги желтого цвета, расшитые золотом и жемчугом, облачился в штаны из дорогого синего сукна, доходящие до колен, надел багряный кафтанец, обложенный бахромой, и подпоясался золотым поясом, подвесив на него изогнутую турецкую саблю.

Ожидание длилось долго — почти полдня. От бездействия и пустоты в желудках у людей нарастало раздражение. Некоторые, не выдержав, стали жевать сухари, размачивая их в забортной воде. Данилко Голубятник, тоскливо обозревая окрестные берега, ворчливо изрек:

— Гнилые тут места. По всяким лазам да перелазам только леший бродит.

— От того преблагой Бог и поселил здесь окаянных, — сказал Иванко Ясырь. — Однако слышится мне, что возвращается наш остяцкий вождь.

Действительно, из излучины Ваха появилась долбленка Лелета. Он подрулил к головному стругу и сказал Оничкову:

— Нашел я главный городок князя Кайдала. Туда сбежались все его люди. Кто-то известил их о приближении войска, и они готовились к войне. Но я успокоил князя. Он встретит тебя как гостя.

Городок был велик, судя по высокому земляному валу вдоль верхней кромки берега, длина которого была не менее пятидесяти

сажен. По всему валу стояли воины с оперенными головами, в летней одежде из рыбьей кожи, опираясь на длинные копья, а за спиною у них в саадаках покоились стрелы и луки.

По широкой тропе к стругам спустился старец с морщинистым лицом, за спиною которого вышагивали три молодцеватых воина. Остановившись в пяти шагах от Оничкова, он произнес короткую речь. Толмач перевел:

— Я, князь Кайдал, и мои сыновья рады русскому гостю, пришедшему с миром. Мы не желаем войны, задуманной князем Воней, от которой будет только разорение и запустение в моих городках и угодьях. Я готов заключить с вами договор.

Оничков внимательно выслушал Кайдала и сказал:

— Мы уважаем разумное решение храброго князя и не допустим Воню для мести. Мы уменьшим вам ясак на половину от того, какой вы отдавали в Нарым. Мы не хотим, чтобы ты и твои люди таили зло на русских людей. Так будем пребывать в мире!

Пока Оничков говорил, Кайдал с восхищением разглядывал богатое одеяние русского князя, остановив взгляд на его оружии. Оничков заметил это, вытащил из-за пояса обоюдоострый нож в сафьяновом чехле, расшитом золотом, и протянул его старцу.

— Прими, князь, подарок в знак нашей дружбы.

В глазах Кайдала блеснула нескрываемая радость, и он сказал:

— Теперь ты мой брат, и никто не заставит меня воевать против тебя.

Жестом руки он пригласил Оничкова следовать за собой.

За земляным валом в четыре ряда, вперемежку с берестяными чумами, располагалось не мене пяти десятков землянок с пирамидальными крышами, крытыми дерном. В центре городка была свободная площадка, предназначенная для ритуальных обрядов и пиршества. Там уже горело множество костров, над которыми висели котлы, а с боков на палочках зажаривалась рыба. Пар из котлов насыщал воздух мясным запахом. Все указывало на то, что к приему гостей стали готовиться заведомо до их прибытия.

Кайдал подвел гостей к одному из костров, вокруг которого были расставлены колоды, покрытые звериными шкурами, и, рас-

садив по своему усмотрению Оничкова, Тугарина, Лелета и толмача, сам вместе с сыновьями уселся по другую сторону. Первое что сразу удивило Оничкова и Тугарина, это серебряная посуда На земле стояли чаши, наполненные чистой водой, и большое блюдо с мозгами каких-то животных.

— Царская еда, но я брезгую, — сказал Тугарин вполголоса Оничкову. — Я признаю мозги не на блюде, а в голове. Однако откуда у него столько серебра?

Он сказал толмачу, чтобы тот задал этот вопрос Кайдалу.

— В те времена, когда в Сибири царствовал хан Кучум, сюда приходили купцы из Бухары и меняли серебряные чаши на шкурки соболей, — перевел ответ толмач.

Оничков подумал: «Хорошо бы наших купцов пустить в городки инородцев для мены своих товаров на соболей, которых мы забирали бы для царской казны по сходной цене. Следует сказать об этом Плещееву. Дополнительный доход можно использовать на благо Сургута».

— Сколь соболей с лука отдают Воне люди с речек Тым и Васюган? — спросил он.

— Столько же, как и мы, по два десятка. Да белок по сотне, — ответил Кайдал. — Скоро ясачники приплывут к ним, а потом и сюда.

— Мы их не пустим, обещаю, — сказал Оничков. — Мимо нас не проплывут. А ты, князь, помоги нам войти в переговоры на Тыми.

— Для этого с вами поплывет мой сын Танья. А рыбу и мясо, заготовленное для Вони, я отдам тебе.

Во время беседы, перед тем как приступить к еде, князь Лелет сдернул с палочки кусочек поджаренного мяса и бросил его в костер. Заметив это, Оничков спросил:

— Тебе не понравилось мясо?

— Мясо очень хорошее. Я угостил Най-Анку, богиню. Огонь — это она. Разве ты ее не видишь?

Оничков вгляделся в костер, где извивающиеся языки пламени лизали черные щеки котла. Они казались живыми, они завораживали. Лелет объяснил:

— Когда уходит солнце, Най-Анка заменяет его, согревая людей. Она делает горячей еду. А когда она сердится, то молнией зажигает лес.

«Любят своих богов инородцы, не хотят менять их на единого Бога», — подумал Оничков.

Трапеза у костра длилась не очень долго. Оничков отказался от ночлега в городке. «Береженого и Бог бережет». Поэтому путешественники, распрощавшись с гостеприимным князем, спустились к устью и там устроили привал. До реки Тым предстояло преодолеть путь за две недели. Необходимо было поспешать.

Ранним утром трубач возвестил подъем, вслед за которым пронесся над станом клич Тугарина:

— В добрый час, детушки!

6

Первые дни июня были еще прохладны, но зато быстро убывали воды, и приобретал четкость линий пологий правый берег, поросший зазеленевшим лозняком, за которым появилось множество серебристых озерков. В них, как в западню, после спада воды, попадали щуки, язи, окуни и чебаки. Их во время привала ловили сетями, варили в котлах, добавляя в похлебку пшено, и поджаривали на палочках. Такая еда в обильных количествах придавала людям бодрость и силу.

Уже было пройдено полпути, когда вдруг ертаульщики Тимохи Вячанина наткнулись на десяток дощаников, плывущих вниз по Оби.

На струг обрушился поток стрел. Некоторые, не долетев, попадали в воду, другие воткнулись в высокие борта, а одна угодила в плечо рулевому. Несмотря на это, он не бросил руля и развернул судно для обратного хода. Вячанин велел казакам не отвечать стрельбою из пищалей, а налечь на весла и заманить атакующих под бой пушки головного струга.

В обзор нападающих еще не попали лодки, скрытые изгибом реки и находящиеся в версте от места события. Думая, что одинокое судно ударилось в бегство, враждебные инородцы огласили воздух воинственными криками и бросились в погоню.

Их голоса достигли слуха дружинников. Оничков и Тугарин сразу догадались о происходящем на реке и отдали распоряжение подготовиться к встрече неприятеля. Пушкарь зарядил пушку и замер в ожидании.

Вынырнув из излучины реки, струг Вячанина сразу свернул к берегу, чтобы не мешать пушкарю, а казаки изготовили пищали к бою.

Преследователи не подозревали, что попадают в ловушку. Как хищники, настигающие жертву, они стремительно вылетели на открытое место, и попали под перекрестный огонь.

Громыхнула пушка. Десятком огней отозвались пищали ертаульщиков. Один из дощаников, в который попало ядро, разлетелся в щепки, а три других перевернулись вверх дном. Несколько мертвых людей понесло течением, а живые, барахтаясь в воде, поплыли к ближайшей отмели. Еще раз выстрелила пушка, перевернув дощаник. Другие же развернулись и бросились наутек.

— Пожалуй, для дознания нам хватит и двух басурманов, — сказал Тугарин, — а остальные пускай поплавают и пеше идут к Воне, набираясь ума.

— У страха глаза велики. Авось на Парабеле-реке одумаются, окаянные, — с надеждою сказал Оничков.

От выловленных из воды языков узнали, что они плыли за ясаком, что князья Воня и Кичей объединились, собрав три сотни

человек, без людей с рек Ваха, Тыми и дальних речек, что они боятся идти на Сургут без хана Кучума, от которого еще нет вестей.

— Тут, наверное, не обошлось без воеводы Ондрея Елецкого, — предположил Оничков. — С Тары отписка была, что он идет на Кучума.

— Значит, нам повезло. Доберемся мы до логова Вони без помехи, — сказал Тугарин.

Достигнув устья Тыми, путники причалили суда к правой возвышенной части берега, где стояли чумы. Их было всего семь, но они были пусты. Все указывало на то, что недавно и в спешке люди покинули свои жилища. Многие предметы домашней утвари остались брошенными, а в костре еще тлели угли.

— Это летняя стоянка для ловли рыбы, которая идет из Оби в речку Тым, — пояснил Лелет.

— У меня такое впечатление, что они сбежали, увидев нас, — сказал Оничков.

Тугарин расхохотался.

— Еще бы! Битые басурманы побывали тут и навели страх.

— Видимо, так и есть, — согласился Оничков. — Поищем их большой городок с помощью людей Кайдала. Постараемся успокоить жителей и склонить на свою сторону.

Узнав от пленных ясачников, что такой городок находится в двух часах пути, суда поплыли вверх по Тыми.

— Прошлым летом я прошел мимо этой реки, торопясь на Парабель, — посетовал Тугарин. — Это моя промашка.

Городок действительно оказался большим. Он так же, как на Вахе, был окаймлен высоким земляным валом, но какого-либо движения людей не наблюдалось. Посланные туда переговорщики быстро вернулись и сообщили, что не нашли ни одного человека, даже собаки.

Прохаживаясь между пирамидальными крышами землянок, расположенных в четыре ряда, обнаружив немалое количество запасов еды, Тугарин и Оничков пришли к выводу, что поселяне и тут все побросали в спешке, не надеясь на защиту своих владений.

— Этих людей мы легко приведем к шерти, — сказал Оничков. — А пока оставим тут два-три человека князя Кайдала. Пусть они

успокоят жителей. На обратном пути заключим с ними договор и возьмем ясак.

— А как поступим с оставленной ими вяленой рыбой? — спросил Тугарин.

— Не будем ничего брать. Инородцы должны убедиться в наших мирных намерениях. Продолжим путь.

На четвертый день, по мере приближения к устью Васюгана, на берегу за кустарником замелькали вооруженные люди, которые перебежками сопровождали струги.

Оничков распорядился, чтобы все лодки застопорили ход, и направил к берегу послов для переговоров. Однако на струг обрушился поток стрел.

Затевать бой, расходовать порох и ядра было бессмысленно без разведки и необходимой подготовки. Поэтому Оничков принял решение воздержаться от перестрелки и продолжить движение к местности, где предположительно находится князь Воня.

Последние шестьдесят верст плыли с особой осторожностью, держась на безопасном расстоянии от берега, по которому на протяжении всего пути преследование лучниками не прекращалось. Они растворились в лесных дебрях только тогда, когда суда достигли устья Парабели.

К удивлению Оничкова и Тугарина, устье оказалось пустынным. Тугарин высказал предположение:

— Возможно, князь Воня подготовил нам ловушку, рассчитывая, что мы зайдем в речку. Там он может устроить засаду на каждом берегу, выбрав узкое место, и с двух сторон расстреливать нас с близкого расстояния. Думаю, что будет по уму, если продолжим путь по Оби до нижнего устья реки Кети, осмотрев весь берег.

У Оничкова не нашлось возражений. Струги устремились к новым местам, в которых прошлым летом не удалось побывать казакам.

После допроса пленных стало известно, что река Кеть имеет три устья. Нижнее устье — в сорока верстах от Парабели, а среднее — в четырех днях пути от нижнего устья, а верхнее — в двух днях от среднего. Однако осмотреть все эти участки не удалось.

При подходе к нижнему устью берег вновь запестрел вооруженными людьми и огласился пронзительными криками.

— Вот и приехали! — сказал Тугарин. — Что будем делать?

— А ничего, — ответил Оничков, — найдем место для ночлега и помозгуем у костра.

— И то верно.

В поиске подходящего места прошли к противоположному берегу и увидели между двумя ручьями возвышенную береговую полосу, поросшую пихтами и соснами, перед которыми по краю яра простирались заросли шиповника, а под яром была песчаная отмель шириною в десяток саженей.

— Кажется, мы нашли то, что искали, — сказал атаман.

— Причаливаем и сушим весла! — весело воскликнул Оничков.

— Чему радуешься, князь Володимир?

— Потом узнаешь! А пока походим по лесу да посмотрим, по нраву ли он?

— Гэй, братцы! Привал! — крикнул Тугарин.

Тут же все лодки с налета уткнулись в берег носами, люди повыскакивали на плотный песок и стали вытягивать их из воды, чтобы не смыло течением.

Не теряя времени, Оничков и Тугарин принялись осматривать местность, углубившись в лесные заросли. Пройдя около ста саженей, они обнаружили, что возвышенность по всей длине заканчивается пологим откосом, переходящим в болото.

— Никакая вражья сила не подползет к нам с этой стороны, — заключил атаман. — Караулы нужны только по бокам, у ручьев.

Когда вернулись к яру, там уже полыхали костры, и был поставлен шатер Оничкова, а Данилко Голубятник занимался приготовлением пищи для атамана и воеводы. Ему помогал Первуша Колпашник. Поблескивая серьгою в ухе, он подносил дрова. Посоветовав Оничкову немного отдохнуть, Тугарин отправился выставлять караулы. Пока атаман отсутствовал, воевода обдумывал дальнейшие действия. Нужны были надежные меры по срыву воинственных планов соль-купов. Ему вспомнилось, что кодский князь Игичей не так давно разгромил Воню, пленив его сынка

Урунка. А что толку? Игичей ушел, а Воня вновь окреп и отделался только выкупом сына. Будет ли толк в том, если его удастся побить, а потом управлять Нарымом из Сургута?

Отбиваясь веткой от гнуса, Оничков вслух произнес осенившую его мысль:

— Для начала я поселю в душе строптивого князя постоянную тревогу...

Тугарин вернулся довольным.

— Хорошее место выбрано — труднодоступное. До противоположного берега не менее пяти верст. Но я, на всякий случай, послал аганских остяков на лодках проверить — нет ли вблизи окаянных?

— Собери круг, — сказал Оничков, — узнаем, какие есть думки у служилых.

Очистив от кустарника небольшую полянку, люди уселись кругом на зеленый травяной ковер. Все молча ожидали — что скажут им начальники?

Тугарин обвел взглядом товарищей и произнес речь:

— Браты! Настал час откровения! Как нам быть во вражьей стороне? Славою себя покрыть, сложив головы, или пойти вспять? Но как будем тогда смотреть в глаза людям, если злохитростный князь Воня появится у стен Сургута? Не обвинят ли нас в трусости? Я и князь Володимир не желаем неволить приказом, жалеючи ваши жизни. Как скажете — так тому и быть. Вам выбирать!

Вскочил десятник Васька Черкас и воскликнул:

— Неужели, мы отступимся, брательники?! Или разучились саблями рубиться с ворогом?!! Негож позор казакам!

— Стрельцы тоже против позора! — выкрикнул Иванко Ясырь.

Неожиданно поднялся с места Данилко Голубятник, которого все считали молчуном, и спокойным, рассудительным тоном изложил свои мысли:

— Не вижу никакого позора, если уйдем отсель. Наказа на войну с Воней никто не давал, а в посылке мы только для сбора ясака в городках до Нарыма. Забота наша должна быть о том, что обещано ваховским и аганским людям в их защите от нарымцев. Над этим и разуметь надобно, а не за зря головы терять.

— Согласен с Данилкою, — заявил Тимоха Вячанин. — Не так много нас, чтобы казацкими жизнями разбрасываться.

Не стал Оничков далее молчать, выслушав противоположные мнения. Он успел принять решение и только ждал подходящей минуты. Воевода встал с валежника, на котором сидел в центре круга, поднял руку, призывая к тишине, и сказал:

— Други мои! Могу я вас так называть после двух лет совместной службы?

— Имеешь право, князь!

— Благодарствую! Я хочу сказать, что можно было бы повернуть назад ранее и заняться сбором ясака. Прав Данилка, что мы посланы не для войны с Воней на его землях. Но в нашу задачу входило — преградить ему путь к Сургуту. На воде мы справились бы с басурманским войском. Но на суше, чтобы его побить, нужна рать не менее пяти сотен. А наших сил для этого недостаточно. Однако выпустить зверя из логова нельзя. Мы обещали остякам защиту — и не нарушим своего слова. Не позволим также Воне и на Сургут пойти. Для этого я привел вас в Нарым. Нужно было убедиться в правде вестей о намерениях нарымцев. Теперь я знаю, что следует делать.

Наступила такая тишина, что слышен был гул комаров. Все, затаив дыхание, ждали — что за чудо замыслил воевода?

— Вам по нраву это место? — спросил Оничков.

— По нраву!

— Безопасное место!

— Тут ручьи рыбные!

Оничков снова обвел взглядом собрание и сказал:

— Хорошо бы острогу здесь стоять.

— Лихонько! — воскликнул Тугарин. — Это всем сомнениям нашим конец! Но не сносить тебе головы, князь Володимир. Разъярится Плещеев.

— Пускай побуйствует! Иного решения я не вижу. Построим острог и предупредим Воню, что заберем всех его жен с детишками, если он на Сургут пойдет.

С радостью восприняли служилые слова воеводы. Восторженные крики пронеслись над Обью и растворились в бескрайних просторах. Не долетели ли они и до вражеского стана?

— Хватит горланить, брательники! — призвал к тишине Тугарин. — Поступим так... Завтра с утра начнем лес рубить и избы ставить. А как соорудим городище — семейных людей домой отпустим, а остальные будут со мною годовать в остроге.

Оничков, удовлетворенный единодушием казаков и стрельцов, поспешил заверить всех, кому предстояла нелегкая служба:

— Без хлебных запасов я вас не оставлю, снаряжу подвоз. Пушечку тоже отдам. Поставите ее на дозорной башне. Если Воня выйдет на воду или зимою на лед, то пальнете по нему. Авось он и образумится. Каждому оставим по две пищали. А к будущему лету, быть может, войско соберем, чтобы извоевать непокорных. Обещано нам, что из Москвы пополнение придет в Сургут. Не позволим также хану Кучуму сыскаться с Воней. В этом поможет воевода Елецкий, выступив против него из города Тары. Думаю, что сообща выдюжим. Не из корысти, а во благо Руси дело сделаем.

На следующий день гулкие стуки топоров огласили окрестности. Падали на землю вековые гиганты, превращаясь в бревна для строительства городища. Остяки рубили и подтаскивали лес, а служилые возводили стены острога и ставили срубы изб.

К концу июля работа была завершена.

Острог был не велик, но впечатлял неприступностью крепостных стен из остроконечных бревен высотою в две сажени, и дозорной башней с воротами, на которой установили пушку. В верхней части стен по всему контуру был устроен помост для прохода к бойницам. На внутреннем дворике, длиною в пятнадцать саженей и шириною в семь, разместились четыре избы с лабазами и погребами.

— Добрая получилась крепость, — сказал с гордостью Тугарин, — любую осаду выдюжит. Пора отправить к Воне послов.

На эту роль более всех годился Иванко Ясырь, который прошлым летом уже побывал у нарымского князя. Оничков подробно изложил Ясырю план его действий и те угрозы, которые следует высказать при встрече с Воней.

Утром всем скопом поплыли к левому берегу Оби. Казаки и стрельцы зарядили пищали, а остяки держали наготове луки. Зах-

ватили с собою и пушку, на тот случай, если завяжется перестрелка. Когда приблизились к намеченному месту, Иванко с двумя остяками и толмачом сели в дощаник и под белым флагом направились к берегу, где тут же появились вооруженные люди. Послы высадились на песчаную отмель, забрались на яр и скрылись за кустарником.

Теперь оставалось только ждать.

7

Князь Воня сидел на шкуре оленя, наброшенной на лавку из толстого обрубка дерева, окруженный стоящими воинами. На его лице играла презрительная усмешка. Он заговорил первым:

— Прошлым летом я уже сказал тебе, что не буду платить ясак русскому царю. Так зачем же ты опять пришел? Другого ответа у меня нет.

— А я и не ждал твоего согласия, — сказал Иванко. — Рано или поздно, но мы побьем тебя, взяв погромную рухлядь, а твои земли отдадим людям князей Игичея и Бардака.

— Этому никогда не быть! — гневно выкрикнул Воня. — У меня большое войско! Вы его сами видели и убоялись на меня напасть.

— Не очень великое — всего три сотни. А мы приведем сюда в два раза более, да еще князь Игичей с Коды просится. Вспомни, как он тебя извоевал и взял в полон твоего сынка Урунка.

Воня дернулся от беспокойства, но взял себя в руки и сказал:

— У меня тоже есть союзники.

— Нам известно это, — невозмутимо заявил Иванко. — Ты сыскался с ханом Кучумом и ждешь от него вестей и помощи. Только напрасно ждешь.

— Это почему?

— Сейчас он спасает свою шкуру, бегает по Барабе, скрываясь от русского войска. В это лето побьем его, а в следующее тебя.

— Не успеете. Ко мне скоро сбегутся еще люди из дальних мест, и я пойду на Сургут, — самонадеянно заявил Воня.

— И это нам ведомо, — сказал Иванко. — Твоего ухода мы подождем в остроге.

7 Заказ 462

— В каком остроге?

— А в том, что уже поставили на твоей земле.

Насладившись тем, как Воня побледнел, как сползло с его лица презрительное выражение, Иванко добавил:

— Как только ты покинешь Нарым, мы спалим огнем твои городки, а жен и малых детей заберем в полон. Потом раздадим их остякам князя Бардака. К тому же извещаю тебя, что, узнав заведомо о твоем злохитростном плане, воевода Сургута запросил у царя войско, которое уже в пути. Так что подумай, как тебе быть? Не лучше ли согласиться на ясак?

— Не дам я ясак! — упрямо заявил Воня. — А тебя велю посадить на кол!

— Тогда поторопись, а то начнут казаки из пушек и пищалей палить, если в сей час я не вернусь. Авось и тебя с сыновьями на колы посадят, когда от огня не спасетесь. Однако я пойду, а ты подумай обо всем, что мною сказано.

Иванко развернулся и направился к берегу, ожидая, что в спину вонзятся стрелы. Но этого не случилось. Не отважился Воня поднять руку на послов.

Возвращение Иванки Ясыря и остяков в полном здравии было встречено всеобщим ликованием. Когда прибыли в острог, все обступили Ясыря и забросали вопросами. Его рассказ сопровождался взрывами хохота. Особенно развеселило казаков напоминание Воне о князе Игичее и то, как он воспринял появление острога у себя под носом.

— Молодец, Иванко! — кричали казаки.

— Добре! Вогнал Воню в тоску!

— Не спать ему ночами теперича!

И гоготали, словно гуси.

Это важное событие отметили пирушкой. Оничков позволил опорожнить бочонок с брагой. Заодно это было и прощанием с теми, кто оставался в остроге Нарым.

Обратная дорога на Сургут не была столь изнурительной. Теперь помогало попутное течение. Два струга, дощаники и ладьи остяков, легко преодолевали большие расстояния от привала до привала. Августовское солнце уже умеренно нагревало воздух, а о

приближении сентября стала напоминать появившаяся ночная прохлада.

Удача сопутствовала Оничкову. Ясак пушными шкурками был собран немалый. Даже на Тыми вернувшиеся в свои дома люди встретили прибывших миролюбиво и выдали все сполна.

Распрощавшись в первых числах октября с аганским князем Лелетом, три десятка казаков и стрельцов да остяки князя Бардака направились в Сургут.

Перемены

1

В то время, когда Оничков, возвращаясь из дальней посылки, приводил к шерти непокорных инородцев и собирал ясак, наступил новый 7105* год со дня сотворения мира.

Ранним утром 1 сентября все население Сургута высыпало из изб во дворы, на улицы и площадь посада. Везде запылали костры, забулькало в котлах варево, источая аппетитные запахи. Жители выносили из домов столы и лавки, выкатывали из погребов бочечки с самодельною брагой и ягодными медами, выставляли блюда с солеными груздями, моченой брусникой и прочей снедью.

Одновременно торговые люди образовывали на площади ряды, раскладывая на кусках парусины свои товары, привезенные собственными крытыми каюками, которые служили им и кровом. К берегу были причалены и огромные каюки перевозчиков, зарабатывающих на перевозке с Лозвы скота и других грузов. В них торговцы доставили в Сургут бычков, дойных коров и коз, овец и лошадей, а также клети с курами и гусями.

Ржанье, мычанье, лай собак, гвалт людей — все это сливалось в несмолкаемый гул, стоящий над городом. Только внутри острога было тихо и пусто, так как на казенном дворе запрещались увеселения и разжигание костров. Поэтому всякий человек, свободный от караула, поспешил на праздник за крепостными стенами.

В этот день погода благоприятствовала встрече нового года. Небо было безоблачным, солнце не жарким, а главное — не было комаров.

---

* 1597 год.

К полудню люди насытились, обрели веселое, хмельное настроение и ощутили тягу к приобретению тех или иных вещей.

На ярмарке начались торги. Тут были разного цвета материи и сукна, медные котлы, топоры и ножи, гвозди, дверные петли и засовы, слюда и бычьи пузыри, воск, свинец и порох. Из пищевых продуктов предлагалось говяжье сало, масло и цитрусовые плоды.

Рассчитывая на бесшабашность захмелевших покупателей, всякий торговец пытался получить оплату не только деньгами, а еще зерном или крупами для собственного пропитания. Однако на это мало кто соглашался, даже во хмелю, не желая обрекать себя на полуголодное существование при недостатке хлеба. С подобной целью обмена на хлеб и сухари ходили по рядам и дворам промысловики, обвешанные шкурками зверей. Кроме хлеба, их интересовало еще приобретение свинца и пороха. А приплывшие из окрестных городков остяки толпились в тех местах, где продавались котлы, топоры и ножи. Они трясли перед носами торговцев связками соболей, лисиц и белок, расхваливая качество мехов, но почти за бесценок расставались с грудами своего богатства, отдавая за каждый котел столько шкурок, сколько торговец ухитрялся в него затолкать.

За всем, что происходило на ярмарке, наблюдали со стороны воевода Осип Тимофеевич Плещеев и его помощник, голова Иван Колемин. Для них в пятнадцати саженях была сооружена беседка, покрытая белым шелковым пологом, установлен стол и стольцы, что позволяло с избранного места не только обозревать, но и слышать, о чем говорят люди. После недолгого наблюдения первым не выдержал Колемин.

— Я не могу спокойно смотреть, как купцы обкрадывают остяков, — возмущенно сказал он.

— А я, Иван, усматриваю не только это. Меха, привезенные сюда остяками, лучше тех, что сданы нам в казну. Следует поторопиться наложить запрет на такую торговлю, разрешив обмен и продажу только хвостов и пупков*, — сказал Плещеев.

— Пожалуй, другого выхода нет, — согласился Колемин. — Только следует прижать еще и промысловиков. Полюбуйся на них,

* Шкурки живота.

Осип Тимофеевич. На них соболей висит, как на деревьях листьев. Не чинят ли они нам ущерба в сборе ясака?

— Еще как чинят! Можно и дознаться теперь.

Плещеев подозвал слугу, который стоял в пяти шагах, ожидая указаний, и сказал ему:

— Приведи к нам, братец, с ярмарки охотника на соболей.

Слуга метнулся к торговым рядам и вывел из толпы не одного, а двух человек, пояснив воеводам:

— Они парою ходят промышлять, и потому изъявили желание подойти вместе.

— Так-так... это даже лучше, — сказал Плещеев, сверля их глазами. — Для начала назовите свои имена.

Худой, вертлявый человечек сразу взял первенство в разговоре и бойко затараторил:

— Это, значит, скажу вам, милостивые князья, мой товарищ Михалко Устюжанин, с Устюга он. Видите, какие плечи у него широкие? В самый раз тяжести носить. А я сноровку имею капканы и петли ставить. Тут на ловлю зверя хитрость надобна, коей у Михалко нет. А меня, значит, зовут Калинка Усолец. Я с Соли Камской, что по ту сторону Камня лежит. Да знаете сами, наверно.

— Знаю, знаю... Ну, и сколь добываете зверя?

— А как удачу пошлет Господь Бог. Бывает, сотню, а то и две.

— Хороша неудача — сотня соболей! Остяки и четверть того не имеют.

— А не хотят более добывать, боясь добавки ясака.

У Плещеева вдруг начала подергиваться щека, что бывало, когда он приходил в ярость. Однако он спросил еще:

— Где же вы живете все лето и зиму?

— На время охоты у нас в разных местах в лесу сторожки. А в Сургуте мы на постое у воротника* Треньки Вычекжанина, спим у него на полу.

— Спите, значит? — не сказал, а как бы прошипел Плещеев.

Лицо его исказилось, и ярость выплеснулась наружу.

— А хлеб Треньки не едите?! А угодья остяков не опустошаете?! А пошлину платите?! А царской казне — какой от вас прок?! По-

* Караульщики у ворот. Открывают их и закрывают.

шли вон, пока я вас под стражу не взял и в тюрьму не отправил! — Перепуганные до смерти, охотники бросились наутек, а Плещеев прокричал им вслед:

— Воронье поганое! Я еще доберусь до вас!

Даже Колемину стало не по себе от такой злобы.

— Успокойся, Осип Тимофеевич, — сказал он мягко. — Так можно и до удара себя довести. Не стоят они того, чтобы на них нервы тратить. Да и долго ли нам в Сургуте быть? Смотри, что по другим городам делается, сколько воевод Москвою сменено. Временщики мы!

— Что верно, то верно, — смягчился Плещеев. — Как думаешь, Иван, нас тоже будут обыскивать?

— Будут, Осип Тимофеевич. Как нам, так и всем сменщикам будет такой наказ по обыску. Воры мы для дьяков. Воры!

— Не одни приказные так считают. Отписывают они об обыске по указке Бориса. Эх, жаль, что я ранее этого не разумел! Правы были Борятинский и Оничков в обиде на нас.

— Конечно, правы. Следовало умолчать нам о куньих шубах.

Впервые Плещеев высказал упрек в адрес Москвы, чем немало удивил своего помощника. Колемин решил продолжить разговор и напомнить о главном. Он сказал:

— Скоро наступят знатные холода, реки станут, а из Москвы до сего времени нет никаких вестей по нашим запросам. По запрету торговли дорогими мехами, по отмене льгот и введению пошлины — это более или менее терпимо для нас. Пусть об этом пекутся те, кто о царской казне должен заботиться. Зачем тебе, Осип Тимофеевич, из-за этого своему здоровью вредить? Нам в первую очередь надобно острог людьми укрепить, получить пополнение. Отпиши еще раз о присылке людей с оружием, чтобы мы не пребывали тут в страхе, ожидая набега нарымцев и татар. Слава Богу, в этом году пронесло. Быть может, в том есть заслуга Володимира. Не потому ли нет его до сей поры?

— Оничков зря не задержится. Знать, дело делает, — сказал Плещеев. — Однако, Иван, надоело мне тут сидеть. Пойдем под крышу, к камину. Только прежде накажи десятникам, чтобы не упились и приглядывали за порядком.

2

Все последующие после праздника дни сентября протекали в ожидании вестей, но ни из Тобольска, ни из Москвы никаких сообщений не поступало. Плещеев был раздражен, придирчив, распекал служилых за любую мелкую оплошность. Всякий старался не попадаться ему на глаза. Так продолжалось до тех пор, пока в начале октября не вернулись из Москвы посланные туда с ясаком сургутские казаки Первуша Лукин и Якуша Матфеев, которые привезли царскую грамоту, а за ними через два дня прибыли люди из дальней посылки.

Воевода Плещеев в сопровождении Колемина и десятка казаков приблизился к стругу, из которого соскочил на берег Оничков, поздоровался с ним за руку и обеспокоенно спросил:

— Что случилось? Где еще два струга?

Ожидая бурю, Оничков, будто ничего особого не произошло, небрежно бросил:

— Я их оставил на Нарыме годовать.

— Как так?! Зачем? На болотах?

— Нет. В остроге.

— Ты поставил там острог?

— Хороший острог!

К удивлению, ожидаемой бури не произошло. Плещеев только гмыкнул и сказал:

— Об этом потом поговорим. А теперь сдай ясак и приходи в приказную избу.

Слушая подробный рассказ о походе, Плещеев одобрительно кивал головой, а по окончании доклада с сожалением в голосе сказал:

— Не будь ты язвой, Володимир, мы бы подружились. Очень хорошо, что ты поставил острог.

Похвала спесивого воеводы удивила Оничкова, и он подумал: «это неспроста...»

Он не ошибся, так как Плещеев вынул из ларца царскую грамоту и, протянув ее Оничкову, сказал:

— Ждет нас большая баталия. Убедись сам.

Грамота была объемная, на десятке листов. Оничков принялся читать, задерживая внимание на главном:

«Писана на Москве лета 7104 г.* Августа 31 день.

От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси в Сибирь в новой город в Сургут воеводе нашему Осипу Тимофеевичю Плещееву с товарищи. Писали есте к нам... что в нынешнем в 104 году посылали вы в Пегую орду князю к Воне нашего ясаку собирать... И Воня князь в Пегую орду наших ясачников к себе не пустил, а взял к себе одново ясачника Иванка Ясыря, да, взяв его к себе, ясаку ему на нынешней на 104 год и на прошлой на 103 год с собя и с людей своих не дал и к Быковым детем его не пропустил и ему отказал, что ясак с себя и своих людей не даст.

Да вы ж к нам писали... которых воинских людей посылати в дальние посылки на наших изменников в Пегую орду и тех было людей к вам присылати по зиме, и тех людей не присылывали... А как будут на Пегую орду воинские люди, и в Пегой бы орде поставити острог на одну осень, покамест приведут волости под нашу царскую руку и ясак возьмут сполна...»

Оничков усмехнулся, подумав: «Теперь ясна мне похвала воеводы. Себе припишет заслугу за острог».

«...Да вы ж писали к нам, что сказывал вам Бардак, что Кучюм царь подкочевал к Пегой Орде и с Вонею князем ссылаетца и учинили меж собою договор, что им по весне, собрався со своими людьми, к городу Сургуту и на нашу казну и на запасы приходить. И нам бы вам о том всем велети указ свой учинити... мы ныне по тем вестям велели послати в Пегую орду в поход войною...

А ратных людей в поход велели есмя послать к сургутским людям в прибавку ис Тобольского да з Березова. Из Тобольского велено послати с сыном боярским с Романом Нееловым казаков з двема атаманы 50 человек с оружьем, выбрав лучших людей... Да ис Тобольского ж велено послати тобольских юртовских тотар с сыном боярским Максимом или с Фуником з Быкасовым да с атаманом Черкасом с Олександровым, выбрав лучих тотар з Бийбахтою да с Казылбаем 100 человек...

Да з Березово велено послати, только будет Югорская земля умирилося и на мере стало и шатости и измены в них никоторые не почают, з детьми боярскими с Прокофьем с Воейковым да с

* 1596 год.

Иваном с Пешневым казаков з двема атаманы 50 человек, выбрав лучих людей... Да з Березова ж велено послати со князем Игичеем или с его братьею людей его остяков, выбрав лучих, 100 человек... Да з Березова ж велено послати к вам в Сургут наряду для походу 5 пищалей полковых нового дела с станки с колесы, а к ним по 100 ядер железных, итого 500 ядер, да 4 пуды зелья, а те пищали, сходив в поход, велено оставить в Сургуте впредь для походов.

А только будет Югорская земля не умирилась и на мере не стала и почаюют от них какие дурные шатости и измены — и з Березова тех людей посылати к вам в Сургут не велено. И всего из Тобольского и з Березова велено послати казаков и тотар з детьми боярскими 300 человек, и в Тобольской и на Березов о том указ наш к воеводам послан. Да и к тому велели есмя послати ис сургутцких казаков и ис стрельцов, выбрав лучших, 100 человек, а в городе оставить 55 человек. А только будет в городе тех людей оставить мало, с теми будет людьми в городе жить от остяков страшно — ино велено в поход отпустити вам 80 человек, а в городе оставити 70 человек. А с теми со всеми ратными людьми есмя в поход идти тебе, Ивану Колемину».

Последние слова, словно кинжалом резанули сердце Оничкова. Он был уверен, что возглавить поход на Нарым поручат ему, уже познавшему речные пути, установившему доверительные отношения с остяками на Оби, Агане, Вахе и Тыми и имевшему более значительный ратный опыт, нежели Колемин. Он подумал, что такое неожиданное для него решение в Москве — есть результат отписки туда Плещеева, его месть.

Остановив пристальный взгляд на лице воеводы, Оничков спросил:

— Почему Колемин?

— Ты это о чем, Володимир? А-а... О походе, что ли? Так у дьяков в Москве — сегодня одно, а завтра другое. А тебе славы захотелось?

— При чем тут слава? Ты же знаешь, Осип Тимофеевич, что я более способен в ратных делах.

— Наверное, потому тебя и оставляют защищать Сургут.

— От кого защищать? Мы в мире с остяками. Ты о своем страхе отписал в Москву?

— Что ты ко мне привязался? — раздраженно огрызнулся Плещеев. — Ты лучше дочитай грамоту, а потом поговорим о деле.

Оничков мысленно послал воеводу к черту и продолжил чтение:

«А только будет з Березова ратных людей казаков и тотар з детьми боярскими и со князем Игичеем или с его братьею не пришлют для того, нешто будет Югорская земля не умирилась и на мере не стала и почаюют в них шатости и измены и о том к вам воеводы отпишут — и ты бы, Осип, взял и послал с Иваном в поход сургуцких остяков, которые волости вниз по Обе к устью Иртискому, и вверх, которые остяки нам служат и прямят и от которых не чаете измены, и Бардаковых людей всего послал 150 человек и сказал им наше жалованное слово: как они сходят в поход и нам послужат, мы их пожалуем своим великим жалованьем и в ясакех им велим польготити. И запасу им в поход из наших житниц дал, сколько будет пригоже.

А ты, Иван, взяв тех сургутских и тобольских людей и наряд и зелье и ядра, по тому же шел на нашу службу в Пегую орду в судех. А будет того наряду много, и ты бы взял три пищали, что з Березова пришлют, и ты бы, Иван, к тому наряду по тому и зелья из Сургута имал, то бы естя зделал, смотря по тамошнему делу. А ты, Осип, отпустя Ивана в поход, жил в городе в Сургуте со всеми служивыми людьми бережно и сторожи бы и караулы были крепкие, чтобы Воня князь, собрався со своими людьми и с иными волостями, которые нам не послушны, безвестно к городу не пришли и над городом какие порухи не учинили. А ты, Иван, шел бы еси в поход в Пегую орду Обью рекою бережно и устороживо и по станом бы сторожи и караулы были крепкие, чтобы остяки, которые нам не послушны, безвестно на тебя не пришли и порухи которые не зделали. А которые к Пегой орде идучи волости по Обе реки стоят, а нам не послушны, в город в Сургут не приходят и ясаку в нашу казну не платят, и ты бы тех волостей к Пегой орде идучи не воевал потому, чтобы в Пегую орду притти тебе безвестно. А едучи бы тебе Обью к Пегой орде в тех волостях, которые нам не послушны, однолично не объявитися, чтобы они в Пегую орду вести не подали. А притить бы тебе в Пегую орду безвестно, а пришед в Пегую орду первое велел добывати языки, а

добыв языки, расспрашивал и пыткою их крепко пытал, сколько у Вони князя людей и в собраньи ли он стоит или не в собраньи, и есть ли про наших служилых людей про поход у Вони князя весть или нет, и нет ли у Вони князя с Кучюмом царем ссылки и где Кучюм царь кочюет, сколь далече от Пегой орды. А... будет скажут, что Воня князь стоит со всеми людьми в собраньи и только будет лучитца Воню князя сперва приходити всеми людьми, не поставя острогу, и ты бы всеми людьми приходил на Воню князя, чтобы его извоевать — то бы еси зделал, смотря по тамошнему делу... а себя бы уберечь... а собрав ясак с Вони князя и с людей ево весь сполна и погромную рухлядь и поимав заклады лутчих тотар и к шерти привел Воню князя и его лучих тотар на том, что им вперед бытии под нашею под царскою рукою неотступно и ясак в нашу казну по вся годы платить весь сполна безпереводно.

А как ис походу в Сургут придешь, и ты бы Осип и Иван тех тобольских и березовских ратных людей всех роспустил назад по городам: тобольских в Тобольской, а березовских на Березов, а сургуцким велел бытии по прежнему в Сургуте. Да о том о всем подлинно про поход отписали к нам к Москве в Четверть дьяка нашего Ивана Вахрамеева. А будет в Пегую орду идти невозможно, что будет людей мало, з Березова не пришлют, ино бы волости повоевати. Однолично бы еси ты, Иван, нашим делом в походе промышлял с великим радением, тем бы еси нам послужил, чтобы тебе Пегая орда извоевати, над Вонею князем промыслить и ясак с Вони и с людей ево собрати весь сполна и заклады поимать и к шерти их привести, Воню князя и всех лутчих тотар, что бытии им под нашею под царскою рукою неотступным и ясак по вся годы платить в нашу казну весь сполна безпереводно. И которые волости стоят по Оби реке, а нам не послушны, по тому ж извоевать и ясак с них собрать весь сполна и заклады поимать, и о всем бы еси промышлял, смотря по тамошнему делу, как нашему делу прибыльнее. А о всяких о тамошних делех в походе ты, Иван, роспрашивал князя Игичея Алачева, только будет в походе князь Игичей, да атамана Черкаса Олександрова, потому что им тамошние сибирские всякие дела и походы за обычай».

Заметив, что Оничков закончил изучать грамоту, Плещеев сказал:

— Теперь, Володимир, можем и поговорить.

— Сдается мне, что не состоится поход этим летом, — сказал Оничков. — Березовские не придут из-за бунта, а из Тобольска прежде всего отправят людей на Тару для похода против Кучума. Не будет ни Игичея, ни Черкаса Олександрова, у которых есть опыт войны с инородцами и знание сибирских путей. Тяжко будет Ивану в походе промышлять с великим радением, как дьяки говорят.

— А ты за него не печалься. Не занимать ему у тебя храбрости.

— Дело не только в храбрости... Нужно еще для одноличного похода войско немалое да способное к войне на нарымских болотах.

— Подождем весны следующего лета. Быть может, все и образуется.

— Дай-то Бог!

3

В течение октября и в первой половине ноября погода способствовала осуществлению надежд сургутских начальников. Кратковременные дожди, мокрый снег, легкие ночные заморозки не мешали сообщению между Сургутом и Тобольском по речному пути. За это время Плещеев успел отправить отписку с подробным отчетом в Тобольск и получить долгожданные решения из Москвы. Но главное — в Сургут прибыло пополнение в 112 человек, состоящее из стрельцов и казаков под началом атамана Богдана Зубакина. Теперь можно было поразмыслить, строя планы на зиму, весну и лето.

Запоздалая сибирская зима, стремясь наверстать упущенное, в одночасье одарила крепкими морозами, навеянными арктическими ветрами, а когда ветер задул с востока, то по небу поползли низкие, утомленные тяжестью тучи, и начались снегопады. Но и им природа отвела свое время, сменив метели на морозные солнечные дни.

В такие дни, приятные для прогулок на лыжах и для охоты, Оничков и Колемин любили посещать гарь, расположенную неподалеку к северу от Сургута. Неизменными их спутниками были — атаман Богдан Зубакин и казаки: Иванко Ладога и Первуша Колпашник. Обычно к месту охоты шли с заряженными пищалями, на случай встречи с опасным зверем.

Гарь была старая. Часть густого урмана выгорела во время грозы от удара молнии, а остальной лес, видимо, был спасен проливным дождем. Об этом можно было судить по одинокому великану кедру с расщепленной вершиной и обугленным могучим стволом, от которого во все стороны разбегались курчавые молодые сосенки. Среди них стояли или валялись на земле отжившие, почерневшие деревья с переломанными сучьями, разорванною корой, с вывороченными корнями и глубокими ямами под ними.

Несмотря на то, что гарь была засыпана снегом, все указывало на ее особую непрекращающуюся жизнь. Снег был разрисован узорами звериных и птичьих следов. Казалось, что светлое пространство выманивает из темных чащоб ее многочисленное население. Зайцы натоптали тут плотные тропы, вдоль которых про-

легали лисьи цепочки. В разных местах можно было наткнуться на норки горностая с входами и выходами их подземных городков. Кое-где гарь пересекали следы куницы или соболя. Встречались и большие вмятины, оставленные бродячим волком на белом покрове. В то же время, воздух был наполнен дробным концертом дятлов, постоянных жителей гари, которые построили жилища не только для себя, но и для разных птичек и белок, находящих приют в теплом дупле. Было также видно, что тут любит шататься росомаха, злобный и опасный зверь. А однажды охотники наткнулись на следы медведя-шатуна.

Однако при всем разнообразии зверья, посещающего гарь или живущего здесь, наиболее доступной и удачной была охота на куропаток и зайцев. Казаки, переняв приемы остяков, ставили для их ловли петли. Когда же затевалась охота на белок, то ее глушили с помощью луков, стреляя стрелами с наконечниками в виде набалдашников.

Обычно Оничков и Колемин забирали самую малую долю из добычи, одного зайца и три пары куропаток, отдавая их в воеводскую поварню для приготовления на ужин. Плещеев одобрительно относился к охотничьим занятиям своих помощников, впадал в благодушное состояние во время трапезы и говорил:

— С такими старателями, как вы, братцы, голодная смерть нам не грозит. Когда я слышу, что кто-то из инородцев умер от голода, то не могу понять, как можно умереть, живя среди такого лесного богатства? Разве что от лени?

Зимою в Сургуте, отделенном от внешнего мира огромным расстоянием без путей-дорог, жизнь протекала по установившемуся распорядку. Если позволяла погода, мужчины занимались подледным ловом рыбы или ходили на охоту, если же стояли крепкие морозы, то вырезали из кедрового капа посуду, ложки и иные поделки, а женщины сидели за пряжей и вязаньем. Начальники в такие дни обсуждали текущие и предстоящие дела, готовили отписки и челобитные, делали подсчеты по сбору ясака, ходили на плотбище, где ремонтировались и строились новые суда, следили за порядком в городе и остроге. Впрочем, это делалось каждодневно, независимо от погоды.

Жизнь в городе наполнялась суетой лишь в преддверии больших праздников. С 12 декабря, дня Даниила Столбеника и зимнего солнцеповорота, все население Сургута начинало готовиться ко дню Рождества Христова. Многие изготавливали себе необычные одежды и устрашающие маски для ряжения в святочный период, чем навлекали гнев попа Илинарха, который предостерегал:

— Кто шибко страшно наряжается, тот с чертом знается. Нарядчики не себя и людей, а Беса тешат и ему отдаются.

Однако во всяком христианине живуча склонность к древним обрядам языческих времен. Поэтому люди, выслушивая устрашения попа, продолжали заниматься своим делом. Зная это, Илинарх говорил женщинам после молебнов в церкви:

— Чую, что не внемлете вы моим взываниям. Побойтесь Бога! Хотя бы не садитесь за пряжу во время Святок. Плюя на нитку, вы можете нечаянно заплевать глаза Иисусу Христу.

Чтобы подзадорить попа, Оничков как-то сказал:

— Не было бы у тебя, батюшка, таких забот, если бы Бог на радостях, что у него родился сын, придумал что-нибудь иное. Зачем было отмыкать все двери и выпускать чертей погулять?

Илинарх был озадачен, так как вера не оставляла ему места для сомнений. Подумав, потеребив бороду, облизнув губы, он рассудил:

— Выпустив бесов из преисподней, Бог дал возможность живым испытать себя против искушения, а умершим встать из могил, посетить родных и погреться у их костров.

— Что-то не видел я ни разу бродячих покойников, — сказал Оничков.

— И не увидишь. Бродят не тела, а души.

— И то верно. Всякой душе тепла хочется. По себе знаю...

— Храни тебя Бог!

4

С наступлением Рождественской ночи, 25 декабря, во всех дворах вспыхнули огни. Люди бросали на снег ворохи соломы и, поджигая ее, искренне верили, что сжигают все накопленное греховное. Когда же скоропалительное пламя затухало, в него подбрасывали подсушенный навоз для длительного тления и призывали

к огню души погребенных родственников. Затем, изголодавшись за время поста, всякий устремлялся в избу к накрытому столу, на котором заранее были выставлены неизменные зимние блюда, запеченные куропатки и зайцы.

Употребив изрядное количество изготовленных самими ягодных медов, любители, склонные к озорству, надевали маски, наряжались и шли пугать честной люд. Они заглядывали в чужие окна, стучали или скреблись в двери, завывали, взвизгивали, рыкали и хрюкали. Иные забрасывали друг друга снежками, боролись, валяясь в снегу, а некоторые вновь разжигали костры, отплясывали вокруг них или водили хороводы. И так продолжалось до самого утра.

В то же время праздновали Рождество и в воеводских хоромах. Помимо хозяев, там присутствовали приглашенные: поп Илинарх, подьячий Ерошка, атаманы казаков, Темир Иванов и Богдан Зубакин.

Впервые Плещеев усадил за свой стол людей низших чинов и сословий. Такой неожиданный поступок очень удивил Оничкова. «В чем кроется причина? — спрашивал он сам себя. — Неужели Плещеев наконец понял пользу подобного общения?»

Право на первое слово было дано попу.

Илинарх встал во весь рост с кубком в левой руке, огладил правой бороду и усы и произнес тост:

— Да славим Христос — наше Солнце правды. Да славим божественный огонь, вселившийся в Богородицу и не опаливший ее естества. Что есть кадило? То есть Христос! Что есть Древо жизни? То есть Христос Бог наш! Опорожним же кубки во славу Его Рождества!

Выпив крепкую брагу и закусив соленым грибочком, Плещеев сказал:

— А теперь пожелаем здравие нашему государю царю Федору Иоанновичу!

Следующий тост опять произнес воевода. Он, словно куда-то спешил и не давал присутствующим передышки в поглощении хмельного пития.

— Из последней грамоты из Москвы и отписки из Тобольска, — заговорил он, — нам стало известно, что заведывание Сибирью

8 Заказ 462

перешло из Посольского приказа в Четверть дьяка Ивана Вахрамеева, под главным начальством боярина Годунова. Выпьем же за здравие Бориса Федоровича!

Колемин заметил:

— Грядут перемены, Осип Тимофеевич.

— А они уже есть, Иван Иванович. Тебя отправляют воевать Пегую орду, в Тобольск на место Меркулия Александровича посылают Бутурлина Ефима Варфаломеевича. Замыслил Годунов проложить новую дорогу в Сибирь от Соли Камской к верховьям реки Туры, и прочее... Так что, Иван, в Москву будем возвращаться, минуя Лозву, Пелым да Чердынь.

— Доживем ли тут до того дня? Не враз дороги строятся.

— И то правда.

Атаман Зубакин заерзал на лавке и спросил:

— Чем лучше будет эта дорога, чем та, которой мы сюда добирались?

Вместо ответа Плещеев сказал подьячему:

— Тебе, Ерошка, все ведомо по отпискам. Поясни Богдану и остальным, что да как.

Ерошка, польщенный поручением, важно надул щеки и стал рассказывать:

— Эта дорога будет намного лучше нынешней, в два раза короче, на тысячу верст меньше. Теперича посыльные в Москву с ясаком будут возвращаться на полтора, а то и два месяца раньше обычного. И царские грамоты и отписки скорее будут доходить. А служилым людям, казакам да стрельцам, большое облегчение. Чем по трем речкам за веслами надрываться, сопровождающих менять, возвращая их в Лозву да Пелым, поплывет всякий люд прямым путем к Тоболу, не по Тавде, а по реке Туре, мимо Тюмени, которая сегодня в стороне стоит. А там ведь хлебные места и замыслено мукомольную мельницу строить. Свой хлебушек будет у нас в Сибири. За это благодарность наша некоему Ортюшке Бабинову. Это он указал новый путь, за что пожалован вотчиной.

Выслушав Ерошку, забеспокоился Темир Иванов, который стремился вернуться со своими казаками в Пелым. Он спросил:

— А что станется с городами на прежнем пути?

— На этот вопрос враз и не ответишь, — сказал Плещеев. — Думаю, что город на Лозве развалят за ненадобностью. А вот Пелым, наверное, оставят, чтобы держать в покорности вогулов. Да и пашни тамошние бросать неразумно.

— Жалковато, что в Сургуте пахать негде, — посетовал Зубакин. — Русский мужик охоч до земли. От того и огороды в каждом дворе. Мои казаки тоже хотят избы ставить так, чтобы место под огород было. Хорошо тут репа растет. Добрая репа!

— Репа репой, а ты, Богдан, постращай людей, чтобы хлебушек на купцов не тратили, — посуровев, сказал Плещеев. — Разъясняй всякому, что получен царский указ по уничтожению льготы для купцов и промысловых охотников. Им запрещено покупать и продавать мягкую рухлядь. Это касается и инородцев. Теперь введена пошлина в размере десятины. Охотники должны отдавать каждого десятого соболя, а остальных сдавать за деньги в царскую казну. Купцам также запрещено ездить в юрты, продавать топоры и ножи, и велено все торги вести в городе. Остякам торговать, а купцам покупать разрешено только пупки и хвосты. А кто ослушается, станет торговать и покупать лучшую и среднюю рухлядь, того будем бить кнутом и сажать в тюрьму недель на пять или шесть, а имущество отбирать на государя. Так всем и говори, и установи надзор.

Ерошке вновь захотелось блеснуть своими знаниями, и он сказал:

— Теперича всех бежавших за шесть лет с Руси в Сибирь, будь то промысловые, ремесленные или другие люди, велено обратно на Русь не пускать. Воеводам дано право судить их.

Оничков, до сего времени не проронивший ни слова, решил направить беседу в другое русло. Он сказал:

— Пора вспомнить о наших товарищах в Нарыме. Давайте выпьем за здравие и удачу Тугарина и его казаков, несущих там тяжкую и опасную службу. Пора отправить к ним хлеб да крупы на нартах.

Плещеев одобрительно кивнул головой, первым осушил кубок и сказал:

— Знаешь, Иван, рвется Володимир на войну. Возьмешь его с собой?

— Я сам хотел об этом просить, Осип Федорович. От Володимира большая польза будет в походе.

— Так тому и быть, — сказал Плещеев. — Вдвоем ловчее кашу сварите. Потерял Воня своего союзника Кучума. У хана теперь одна забота — как свою шкуру сохранить. Крепко побил его Ондрей Елецкий, дважды разгромил. Его сыновей и цариц взял в полон и отправил в Москву. Меркулий Александрович отписал мне из Тобольска, что получил от хана грамоту, в которой Кучум изъявляет желание правдою помириться и прислать для переговоров своих людей.

Плещеев вдруг раскатисто засмеялся и добавил к сказанному:

— Однако гордыню и досаду Кучум не смог скрыть. Знаете, что он отписал? «А Сибирь не я отдал: сами ее взяли!» Каково? Только Меркулий Александрович посоветовал своему сменщику Бутурлину не верить злохитростному хану и выступить с Тары в новый поход, лишив Кучума передышки для сбора войска. Хотят даже в зиму на лыжах идти. Поэтому у меня сомнение, что пришлют из Тобольска людей для войны с Пегой ордой. Надеяться можно только на то, что по весне из Березова прибудут к нам пушкари с пятью пушками и сотня остяков с князем Игичеем Алачевым.

— Этого будет достаточно, — сказал Оничков. — Пять лет тому назад Алачев побил Воню двумя сотнями своих остяков, а нам, с нашими силами, и сам Бог велит. Игичею хорошо знакомы те места, и он укажет пути наступления. Если от себя мы возьмем полторы сотни казаков, стрельцов и литвы, прибавив к ним сотню от князя Бардака, да по пути присоединим остяков Агана, Ваха и Тыми, да заберем Тугарина с двадцатью казаками из острога, то всего наберется около пяти сотен. Против такого войска Воне не устоять. Обойдемся и без людей из Тобольска.

— А ты, я вижу, уже все заранее обмозговал, — сказал Плещеев. — Укрепился я верою в тебя, Володимир.

— Милостивейшие христиане, — вдруг вмешался Илинарх, — мы сидим не в приказной избе, чтобы о делах говорить, а славим Рождество Христово.

— А о чем нам еще говорить? — удивился Плещеев. — О девках, что ли? Говорим о том, чем живем. Однако ты прав, отец. Пора и о Боге вспомнить. Выпьем за Его Рождество!

После длительного застолья, почти до утра, исчерпав все темы разговора, устав и захмелев, все разошлись спать и проспали до полудня.

В городе тоже наступило временное затишье. А во второй половине дня, очнувшись, попивши рассола и опохмелившись, люди вышли из изб подышать свежим воздухом и поделиться своими впечатлениями о прошедшей ночи. Начались пересуды и удивительные сказы. Кто-то будто бы видел, как по городу бегали белые лошади, рыскала по дворам свинья с пышущим изо рта огнем, а кому-то повезло увидеть кума в летающем гробу, были и другие россказни.

Среди этих гулебщиков и сказителей ходил поп Илинарх, размахивая кадилом, и говорил тому или иному:

— Ври, братец, да не завирайся. Спьяну чего только не померещится. Когда я прогуливался ночью по городу, то ничего подобного не видел, кроме ваших бесовских богопротивных рож.

5

После Пасхи Колемин и Оничков приступили к последним приготовлениям к походу, которое заключалось в подборе людей, закреплению за ними стругов, в проверке надежности судов, отсутствия в них течи, в оснащении мачтами и парусами, в получении и затаривании съестных припасов, пороха и свинца, в испытании оружия и в прочих хлопотах. Остяков также решено было посадить в струги с высокими бортами для защиты от стрел, а их долбленки взять на зацеп. Нужны были струги и для людей, которых предстояло забрать на Агане, Вахе и Тыми. Подсчет показал, что для похода нужно иметь пять двадцативесельных и тридцать десятивесельных стругов. Недостающее их количество за зиму было уже построено.

К этому времени вернулись на нартах посыльные из Березова, которые привезли отписку воеводы, подтверждающую обещанную помощь, так как бунт Шатрова Лугуева был подавлен еще прошедшим летом Черкасом Александровым из Тобольска. В отписке говорилось, что пушкари с пушками и другие люди дожидаются вскрытия Оби, намереваясь вслед за льдами отплыть в Сургут.

— Выступить в поход, ожидаючи березовских, мы сможем не ране дня Святой Троицы, — сказал Оничков Колемину. — Сорок, а то и более дней будем идти до Нарыма. Начав баталию в августе, следует разгромить Воню за месяц. Иначе не успеем вернуться в Сургут. Если бы не пушки, я не стал бы дожидаться Игичея. Быть может, попросить Плещеева отдать нам две пушки из острога? Тогда мы могли бы выступить на месяц ранее, а остяки пусть нас догоняют.

Колемин отрицательно покачал головой.

— Не думаю, что Плещеев, даже на один месяц согласится остаться с одной пушкой. Брось эту затею и не говори с ним. Будем ждать помощи из Березова.

В Николин день, 9 мая, на Оби начался ледоход. Через два дня река стала чистой, а в воздухе похолодало. Но люди говорили: «Раз пришел Никола, то и тепло будет».

Спускать суда с берега казаки не торопились, ждали полного половодья. Когда же уровень воды поднялся на четыре сажени, под струги подложили кругляки и скатили их в реку.

Вскоре, покинув зимний городок, прибыл в Сургут князь Бардак. Он сразу согласился участвовать в войне против своих заклятых врагов и послал сына Кинему собирать по юртам сотню воинов. На это ушло две недели. Затем остякам выдали хлебное жалованье и распределили по стругам по четыре-пять человек. Воеводы поступили так, чтобы предотвратить возможность измены и бегства инородцев. Возглавлять же сотню поручили Кинеме, а самого князя Бардака решили оставить в Сургуте, намереваясь держать его возле себя в качестве заложника, о чем тот не подозревал. Более того, воеводы убедили его, что он нужен в Сургуте, чтобы оказывать помощь Плещееву в случае набега на город.

Струги из Березова пришли 12 июня, в день летнего солнца поворота, после которого обычно наступала жаркая пора. Вместо князя Игичея прибыли с семью десятками казаков два атамана, Иван Пеший и Истома Аргунов, и пушкари с пятью пушками, как было обещано. Плещеев не замедлил предупредить своих помощников:

— У вас в Нарыме уже есть одна пушка. Поэтому я отдам в поход только три, а две оставлю для острога. Мне тоже нужно

себя обезопасить. В гарнизоне я оставлю сотню человек с атаманом Темиром Ивановым, а остальных можете забрать с собой. Сколько у вас наберется своих людей, без инородцев?

— С казаками Богдана Зубакина и Тугарина — двести шестьдесят человек, — сказал Оничков, который с Колеминым уже успели уточнить список участников похода.

— Вполне достаточно, — убежденно сказал Плещеев, — против такой силы Воне не устоять. Если у вас все готово, то завтра по утру с Божьей помощью и в путь!

Так же, как прошлым летом, проводы сопровождались боем барабанов и пением труб. Кроме того, Плещеев распорядился произвести три залпа из крепостных орудий.

Под их грохот четыре десятка стругов отчалили от берега, выстроились в одну линию, длиною с версту, и грозная флотилия двинулась покорять Пегую Орду.

6

Проводив войско, Плещеев рьяно приступил к исполнению царских указов по ликвидации льгот. Он потребовал от промысловиков и купцов немедленно приступить к сдаче в казну мягкой рухляди.

У съезжей избы в назначенный день и час выстроилась очередь охотников и торговцев со связками соболей, куниц, горностая, лисиц и белок. Плещеев лично осматривал товар и назначал цену. Подьячий Ерошка раскладывал меха по видам и сортам, изымал десятину пошлины, после чего расплачивался деньгами. Каждому сдатчику он говорил:

— Ежели не хочешь быть битым кнутом и сидеть в тюрьме, то остерегись ездить по юртам, что запрещено государем царем. Всякая мена и торговля разрешена только здесь, в Сургуте, под нашим надзором. И упаси тебя Бог от утайки мехов! А топоры и ножи можешь продавать только городским людям. Инородцам их продажа запрещена.

Охотники и купцы божились и клялись, что сдают все, без остатка. Однако на следующий день Плещеев учинил сыск по купеческим каюкам и избам, где были на постое промысловики.

У тех, у кого были найдены спрятанные шкурки, воевода безвозмездно изъял, а виновных приказал выпороть и запереть в тюрьме на три недели.

После таких строгих мер, многие купцы покинули Сургут. Жители города сразу ощутили недостаток в материях, металлических изделиях и продуктах, а остяки стали ссылаться на уменьшение добычи пушного зверя из-за отсутствия ножей и топоров. Но разжалобить и уговорить Плещеева на послабление никто не смог. Он был непреклонен. Ему впервые удалось собрать мягкой рухляди намного больше, чем когда-либо.

Продолжая заниматься городскими делами, Плещеев по многим наболевшим вопросам отписал в Москву. Он просил разрешения построить гостиный двор и прислать целовальников *, чтобы упорядочить торговлю и сбор лавочных и таможенных пошлин. Также он считал полезным строительство бань для предотвращения болезней от нечистоты и возможности получения дохода от взимания банных денег, предлагал изготавливать лодки для продажи, установить откуп с рыбных ловель, понизить закупочные цены на меха, считая, что в среднем пятьдесят копеек за шкурку — это дорого, и прочее. Предлагая эти меры, он ссылался на то, что потребность в денежных расходах велика, а доходы очень незначительны, что за счет их увеличения и экономии по статьям сметной книги можно будет решить некоторые проблемы по содержанию города. Для убедительности — он описал бедственное положение церкви, на содержание которой деньги из казны не выделяются. Он пожаловался на нехватку церковной утвари, книг и икон, на отсутствие Царских Ворот, на скудость при осуществлении христианских треб, на отсутствие колокола, из-за чего Сургут прозябает в безмолвии, без божественного благовеста, а главное — что все церковные службы осуществляются без подьячих, одним попом, живущим за счет жалованья казаков. Написал, что нужен еще черный поп.

Очень надеялся воевода, что в ближайшем будущем претворятся его планы, но уповал он на это напрасно...

В июле прибыли в Сургут князья Семен Михайлович Лобанов-Ростовский и Иван Микитич Ржевский на место Плещеева и Ко-

*** Таможенников.**

лемина. Их было велено отпустить в Москву с государевою ясачною и поминочною казною.

Плещеев ознакомился с царской грамотой, помеченной 31 января 7105 года, и будто выдохнул вполголоса:

— Э-эх... временщики...

— Не понял, — сказал Лобанов.

— Я о том, что не успел дела довести до конца.

— Не стоит печалиться. Всех дел все равно не переделаешь. А в Москве, чай, не хуже, чем в Сибири?

— Конечно, не хуже, но привыкаешь как-то... Когда сыском займешься?

— А надобно?

— Так ведь велено. У Федора Петровича и Володимира я обшарил сундуки по такому же наказу, но ничего запретного не нашел. Были у них только поминочные куньи шубы, в которых они зиму проходили. Так я их отобрал, о чем теперь сожалею. В укор мне Оничков в овчине ходит.

— Да-а... вот оказия какая... — Лобанов задумался и вдруг решительно произнес: — Я делать сыска не буду. Если у вас что-нибудь есть, то сами скажите. А сейчас хочу знать, было ли воровство со стороны ясачников?

— За два лета ни одного случая.

— Тогда почему об этом в наказе прописано? Прочитаю еще раз:

«А ясатчиков посылати по ясак стрельцов и казаков, выбирая лутчих, добрых и присужих, и которые душою прямы; и, посылаючи их, товаров у них продажных осматривати, чтоб с ними продажных никаких товаров не было; и как ясачники поедут из городков и из волостей назад в Сургут, и им посылати на встречю, и велети ясатчиков обыскивать посульные и продажные мяхкие всякие рухляди. Да что у ясатчиков мяхкие посульные и торговые рухледи сыщут, и та вся рухлядь взятии на государя, а тех ясатчиков велети бити и метати в тюрьму на неделю и на две, чтоб на то смотря, иным неповадно было воровати».

— Это что-то новое. Ранее такое не отписывали. Или дьяки уже сами себе не верят, или в других городах обнаружено воровство, — сказал Плещеев.

— Как же нам быть? Не вызовут ли недоверие и сыски недовольство и бунт служилых? — растерянно спросил Лобанов.

— Даже не знаю, что тебе посоветовать. Казаки — это не охотники и купцы. Они не простят обиду, а от них все береженье Сургута зависит. Наверное, достаточно зачитать им этот наказ. Пусть атаманы сами присматривают за своими людьми.

— Так и поступлю, — согласился Лобанов.

— А каково будет твое решение по Оничкову? — спросил Плещеев.

— Ты сам читал грамоту. В ней сказано только о сыске у Володимира, а более ничего. Значит, он должен остаться здесь на государевой службе. Борятинский очень хвалил его и, кроме привета, послал ту самую кунью шубу. Федор Петрович отобрал ее у дьяков, побывав у Годунова.

Передав все дела Лобанову-Ростовскому, Плещеев остался в Сургуте ожидать возвращения Колемина. Он не хотел сидеть без дела и взялся помогать новому воеводе. Однако с первых шагов, из помощника он превратился в рьяного противника. Возникновение между ними разногласий объяснялось очень просто.

По внешности и складу характера Семен Михайлович Лобанов-Ростовский был полной противоположностью Плещееву. Он был полноват, круглолиц и потому носил длинную конусообразную бороду, создающую впечатление удлиненного лица. Весь его облик, манера общения и интонация голоса указывали на то, что перед вами человек, как принято говорить, мягкотелый, но широкой и доброй души. Это качество характера вскоре раскусили все жители города, и воеводу стали донимать различными просьбами и челобитными.

Торговые и промышленные люди решили сообща воздействовать на Лобанова. Они толпой пришли к приказной избе и стали жаловаться воеводе на свою многострадальную долю. Дородного вида купец, упав на колени и обливаясь слезами, сказал:

— Всемилостивейший князь, не из корысти, а от скудости своего существования мы обращаемся к тебе, уповая на надежду. Мы люди бедные и обездоленные, пришли в Сибирь, чтобы заработать на кусок хлеба и накормить своих детей, голодающих на Руси.

Почему вдруг нас лишили льгот? Неужели мало того, что мы отдаем всякие подати в Перми, нанимаем до Лозвы подводы под служилых людей и под государевы запасы, привозим сургутским людям масло, сало говяжье, мясо и сукна. Денег мы тратим много, а доходов нет. Отправь о том нашу челобитную в Москву.

Сговорившись, пришли в Сургут и остяки из ближайших городков. Они были недовольны запретом — продавать им топоры и ножи, и посещать их юрты купцам. Остяки жаловались, что без топоров и ножей их ожидает голод, болезни и вымирание, что нечем срубить дерево и изготовить лодку или заготовить на зиму дров, что уже из-за этого сократилась ловля рыбы, голодают и умирают собаки, от чего уменьшилась добыча пушного зверя, и нет возможности полностью обеспечить сдачу ясака.

Лобанов сочувственно выслушивал всех и обещал отправить челобитные государю.

Плещеев негодовал и говорил:

— Все, чего я добился от Москвы, Семен Михайлович, ты собираешься уничтожить. Поверь моему опыту — купцы и промысловики врут, чтобы легче было воровать. А инородцы всего-навсего прозябают в лени. Подумай, почему вольный, с малым опытом охотник, добывает соболя в десять раз больше, чем любой остяк? Помяни мое слово — ты еще хлебнешь горя с этим народцем, вернув льготы. Четверть дьяка Вахрамеева замордует тебя за недостачу в сборе ясака. Не отправляй челобитные.

Лобанов не внял доводам и совету Плещеева и вскоре получил упрек из Москвы: «То ты сделал не гораздо, что принял у них челобитную...»

В конце августа от Колемина прибыл в Сургут сеунч — вестник победы. Он сообщил о полном разгроме нарымских князей, Вони и Кичея, и сказал, что наше войско вернется не ранее октября, перед ледоставом, так как требуется время, чтобы привести к шерти жителей всех завоеванных городков и поставить новый острог.

Плещеев уже не мог более оставаться в Сургуте. Следовало успеть до наступления морозов добраться до Лозвы, а от нее сухопутьем, перевалив через Камень, доехать на подводах сначала до Чердынской крепости, а затем везти ясачные меха на Москву.

Отпраздновав встречу нового 7106 * года, после ночного застолья с Лобановым и Ржевским, утром 1 сентября Плещеев отбыл из Сургута.

7

Водная рать Колемина и Оничкова быстро продвигалась к намеченной цели. Когда гребцы уставали, струги шли под парусами, ночные привалы делали короткими, а днем, не прекращая движения, утоляли голод сухарями, размачивая их в забортной воде. По пути к войску присоединились люди речных городков, Агана, Ваха и Тыми. Однако, как выяснилось, часть из них ушла воевать на стороне Вони, не надеясь на успех русских. Но это была незначительная часть. Основная масса численностью в полторы сотни человек предпочла войну против неугодной им власти нарымских князей.

К реке Парабель струги пришли в рекордно короткий срок, за четыре недели. Для Вони не явилось неожиданностью появление русского войска. Разведчики, направленные им вниз по Оби, успели известить о приближении стругов. Как и прошлым летом, вдоль крутого яра выстроились его воины, оглашая болота угрожающими криками и пуская стрелы. Он думал, что таким способом напугает и прогонит врага, как уже было прежде.

— Позволим им передохнуть, пока не надорвались — сказал Оничков Колемину, — а сами заглянем в гости к Тугарину. Заждался нас атаман.

— Ну, наконец-то! — обрадованно воскликнул Тугарин. — Мы тут совсем уже заскучали. Хотели было сунуться к нам Вонины басурманы, но мы их пушкою отпугнули — и опять тихо. Скукота!

— Еды хватило? — спросил Оничков.

— В самый раз. Рыбу ловили да зайцев. А крупу и толокно съели. Немного муки осталось, на неделю.

— Тогда сегодня накормим вдоволь казаков, а завтра на войну, — сказал Колемин.

— Пора! А то сабли ржавеют.

Тугарин предложил план военной операции. Он сказал:

* 1598 год.

— Инородцы очень боятся стрельбы из пищалей, а особенно пушек. Грохот ввергает их в панику. Эти дурни, как мишени, выстраиваются на яру. Нам следует также перед атакой выставить струги в одну линию против их строя, а затем приблизиться на расстояние выстрела, защитив себя от стрел щитами из тальника, и сделать залп из всех пищалей. Я уверен, что все оставшиеся в живых тут же ударятся в бегство. Тогда можно будет без препятствия высадиться на берег и заняться преследованием. Мне рассказывали, что так действовал Ермак и всегда имел успех. Кроме того, можно будет без опаски войти в Парабель и подойти вплотную к каждому городку, которые стоят на холмах. Соль-купы наверняка разбегутся по домам.

Этот план был одобрен воеводами, но с дополнениями, которые внес Оничков.

— Следует поступить так... — сказал он и стал чертить прутиком на песке позицию предстоящего сражения. — Зубакин со своими казаками займет правый фланг, чтобы в нужный момент войти в Парабель-реку и отрезать соль-купам пути бегства на Обь. Где-то недалеко у них, должно быть, спрятаны ладьи, которыми они поспешат воспользоваться при отступлении. Тугарин с казаками и стрельцами будет действовать на левом фланге и, при необходимости, переместится к нижнему устью Кети с пушкою. Кичей, если и побежит, то только в сторону своих владений. Там Тугарин его и встретит. Ну, а мы, я и Иван Иванович, будем двумя отрядами атаманов из Березова, Ивана Пешего и Истомы Аргунова, штурмовать берег по центру. Для этого мы выстроимся в две линии. В передней — струги с пушками, казаками и стрельцами, а в задней — остяки с луками. Так как дальность полета стрел в три раза превышает дальность убойной силы свинца, мы начнем атаку под прикрытием лучных выстрелов, спрятавшись за бортами стругов и щитами из прутьев. Затем, приблизившись к противнику, сделаем два-три залпа из всех пищалей и пушек, и броском высадимся на берег. А далее — как Бог поможет.

Разъяснив направление и суть действий каждому отряду, воеводы повели водную рать к левому берегу Оби и заняли исходную позицию против вражеской линии обороны.

Соль-купы, уверенные в своей силе и недосягаемости, разразились устрашающими криками и забросали струги сотнями стрел, которые втыкались в высокие надстроенные борта стругов и в связки прутьев, не нанося вреда людям.

— Опять болваны вопят, думая, что этим они напугали нас вчера, заставив уйти, — сказал Оничков и дал сигнал остякам приступить к стрельбе.

Самонадеянные люди на берегу были хорошими мишенями. Когда среди них появились убитые и раненые, живые поспешили спрятаться за кустами, продолжая оттуда пускать стрелы. Тогда по кустарнику залпом ударили пушки и сотня пищалей. Не теряя времени, гребцы налегли на весла. Приближаясь к берегу, атакующие успели произвести еще два залпа, а затем казаки выскочили из стругов и с обнаженными саблями бросились вперед. Однако за кустарником, кроме убитых, уже никого не было. Вся армия князей Вони и Кичея словно растворилась. Преследование также не дало результата. Удалось только захватить в плен одного соль-купа, со стрелою в ноге. При его дознании выяснилось, что все ударились в бега, унося с собою тяжело раненного Воню на Парабель-реку, а князь Кичей побежал на Кеть.

Отправив струги к устью Парабели, Оничков и Колемин с сотнею казаков и стрельцов пошли сухопутьем на соединение с Зубакиным, прочесывая лес. Это был чистый сосновый бор, растущий на песчаной гриве, которая тянулась вдоль всего берега и лишь кое-где имела

ответвления в сторону материка или перерезалась глубокими лощинами с ручьями, поросшими зарослями рябины и черемухи.

Возле Парабели, в версте от ее устья, располагался на вершине холма большой городок, вокруг которого лес был вырублен. Приблизившись к нему, Оничков распорядился приготовиться к осаде, но сражение не состоялось. На земляной вал вышли воины и положили к ногам копья и луки, давая этим понять, что сдают город без боя. Один человек без оружия сбежал с вала и решительной походкой направился к воеводам. Он выглядел юнцом, но был крепкого телосложения. У него, как и у воинов на валу, волосы на затылке были перехвачены кожаным ремешком и кисточкой спадали на шею. В его осанке узнавалось высокое положение среди соплеменников. Он остановился в нескольких шагах от Оничкова и Колемина и сказал:

— Я, Тайбохта, сын князя Вони. Мой отец умер от ран, а мой старший брат Урунк, который научил меня говорить на вашем языке, убежал с князем Кичем. Я прекращаю войну против русских и буду платить ясак. Война приносит семьям только горе. Я прошу не разорять и не сжигать города за наши вины.

— Хорошо... Мы не будем этого делать. Но раз вы задолжали ясак за три года, то мы заберем у вас всех зверей, которых найдем, и уведем с собою в Сургут аманатов из знатных семей. Наш договор о мире вы скрепите клятвой, — сказал Колемин и направился к валу.

Вся сотня казаков вслед за воеводами вошла в город.

На двухступенчатой площадке, отсыпанной из песка, толщиною в половину сажени, стояло пять десятков заземленных бревенчатых изб, покрытых дерном и имеющих отверстия для выхода дыма в четырехскатных крышах. Возле каждой избы стояли амбары на высоких столбах. Между домами были просторные дворы, не имеющие оград, на которых всюду располагались клети с ловчими птицами: соколами, кречетами и орлами. Там же стояли олени, привязанные к столбам, и собаки в загородках.

Обшаривая жилища и амбары, казаки были поражены зажиточностью соль-купов, сравнивая их пожитки с нищенскими пожитками в юртах остяков. Служилые нашли шкуры всяких зверей — лосей, оленей, медведей, росомах, лисиц, соболей, куниц, белок, зайцев, волков, бобров и выдр. Соль-купы имели большие

запасы вяленой рыбы: осетров, стерлядей, муксунов, нельмы, язей, щук, окуней, карасей и плотвы, а также изобилие птиц: лебедей, стерхов, журавлей, цапель, гусей, казарок, уток и гагар. У наиболее богатых семей этого добра было больше, а у мужчин было по две-три жены и много детей разных возрастов.

Колемин распорядился изъять всю погромную рухлядь, сложить ее на куски парусины, связать в тюки и унести в струги. А Оничков занялся изъятием трех четвертей съестных припасов, радуясь, что обеспечит казаков Тугарина на всю зиму.

Приведение к шерти остальных четырех городков, расположенных недалеко друг от друга, также прошло успешно. Воеводы объявили Тайбухту главным князем Нарыма, что сыграло решающую роль для избежания кровопролития.

Завершив тут все дела, Колемин, Оничков, Зубакин и атаманы Березова повели свои струги по Оби в сторону устья реки Кеть. Там Тугарин, захвативший в плен сына Кичея, Вангу, принудил его к сдаче городка и принятию клятвы на верность Руси. Встретив прибывших товарищей, он сказал:

— Удрал князь Кичей вверх по Кети. У него лодки легкие, быстрые — не смог его догнать. С ним ушла и часть людей. Да черт с ними! Здесь пока привожу к шерти инородцев и забираю погромную рухлядь. Не знаю только — как поступить с сынком Кичея?

— А ты назначь его князем, вместо отца, как мы уже поступили с сыном Вони. Он и постарается в преданности, — посоветовал Оничков. — А в аманаты возьми других сынков.

Теперь предстояло обследовать незнакомые места по Оби, верст на сто пятьдесят, куда еще не проникали сургутяне и казаки из других городов. Должно быть, эти места были знакомы кодскому князю Игичею, но он не участвовал в походе. Поэтому пришлось довериться сведениям, полученным от Ванги. Он сказал, что далее городки расположены не на левом берегу, где уже все жители приведены к шерти, а на правом, и только один стоит слева на реке Чая, впадающей в Обь за верхним устьем Кети. Подтвердилось, что Кеть распадается на три рукава и имеет три устья. От нижнего до среднего устья — четыре дня пути, и на этом промежутке стоит два городка, а в них проживает по тридцать семей.

Сразу за средним устьем есть еще один городок, но в нем всего пятнадцать семей, а за верхним устьем, которое отстоит от среднего в двух днях пути, есть три городка — в тридцать, двадцать и десять семей. Теперь, без поселений в верховьях Кети, куда ушел Кичей, у него, у Ванги, будет восемь городков и две сотни луков.

— Хороша прибавка в царскую казну — две тысячи соболей в год, — сказал Оничков.

— Прибавь еще сто тридцать ясачников Тайбохты. А всего, считай, сбор в казну увеличивается вдвое. Вдруг да наградят нас, — сказал Колемин.

— Жди, если дождешься!

После завершения объезда всех городков Тугарин сказал:

— Нужно ставить новый острог, у среднего устья Кети, а нынешнее городище развалить. Иначе князь Кичей может вернуться и учинить поруху здесь и на Нарыме. А тут мы ему закроем путь, да и в центре всех городов будем. Инородцы сами смогут привозить ясак в острог. Хлопот поубавится.

Хотя и мало оставалось времени для строительства, и поджимали сроки возвращения в Сургут, воеводы были вынуждены согласиться с правотою Тугарина и начали ставить острог на расстоянии одного дня пути от среднего устья Кети вниз по Оби.

Тугарин говорил:

— Главное — это до вашего ухода лес заготовить и пару изб собрать, а все остальное я доделаю с годовальщиками. Этот острог должен быть просторнее, нежели прежний, с житницами и амбарами, с местом под церковь и для содержания скотины. Чай не один год будет он стоять, а то и городу вдруг быть. Заведу оленей — легче будет сообщаться с Сургутом зимою. Корма для них, мха и травы, тут обильно. И вам в Сургут десятка полтора оленей пригоню. А собак буду держать только для охоты, так как для их прокорма много рыбы нужно.

Выбранное место было дикое, лешее. Урманы казались нескончаемы. Сумрачные дебри были завалены валежником, а в них сырость и полумрак, мхи и лишайники, образующие пышный ковер на почве и покрывающие стволы и ветви деревьев. Они свешивались оттуда длинными седыми прядями. Однако большие площа-

9 Заказ 462

ди занимали и вечнозеленые кустарники — брусника, голубика, багульник и папоротник, а во влажных кочковатых низменностях обильно росла клюква. К преобладающему пихтово-еловому лесу примешивался кедр, береза, осина и лиственница. Эти черные леса, густые урманы, служили надежным убежищем для всякого зверья, что особенно вдохновляло Тугарина, любителя охоты.

Заготовка леса для острога была поручена остякам, участвующим в походе, и соль-купам из соседних городков, а строительством занимались служилые люди. Работали усердно, по шестнадцать часов в сутки, с небольшими перерывами для отдыха и еды. Избы и амбары вырастали, как по волшебству, с каждым днем. Но дней до ледостава оставалось все меньше и меньше. Казакам из Березова предстоял более дальний путь, чем остальному воинству. Поэтому их отпустили на три недели раньше, сразу после наступления нового 7106 года.

В день Рождества Пресвятой Богородицы, 21 сентября, водная рать сургутян отбыла из нового острога Нарым в Сургут. Казаки везли огромное количество погромной мягкой рухляди и три десятка ясырей — аманатов.

8

Как всегда, все население Сургута встречало мужей, сыновей и товарищей, прибывших из дальней посылки.

Полной неожиданностью для Колемина и Оничкова стало то, что на берегу не было Плещеева. Им навстречу, широко улыбаясь и расставив руки для объятий, шел Лобанов-Ростовский, а рядом с ним Ржевский.

— Вот нам и первая награда, — сказал помрачневший Колемин.

Он поспешно протянул руку, чтобы избежать лобызания, и сухо спросил:

— Вы, как я понимаю, новые воеводы Сургута?

— Новые, новые! Но нам уже ведомо, что вы вернулись с победой. Березовские атаманы казаков, проходя мимо, известили нас об этом. Я уже отписал в Москву о ваших подвигах и просил наградить за ваше радение великим жалованьем.

Продолжая хмуриться, Колемин произнес:

— Я уже чувствую себя пожалованным.

Лобанов добродушно улыбнулся, заглядывая ему в глаза, и сказал:

— Да ты не сердись, князь. Сам знаешь, что в Сибирь никто не едет по доброй воле. А Осип Тимофеевич очень ждал твоего возвращения, но не дождался. Побоялся, что во льдах замерзнет — вот и отбыл. А тебе, стало быть, теперь дожидаться весны в Сургуте.

— Я раньше уеду, по льду на нартах. А сейчас прими мягкую рухлядь да струги обшарь, чтобы потом не обвинить меня в воровстве, — заявил Колемин.

Сумел-таки он уязвить добродушного воеводу! Лобанов сверкнул глазами, неприязненно скривил губы и нанес ответный удар:

— Зря ты так, братец! Я не заглядывал в твой сундук! А ты с Плещеевым обшаривал Федора Петровича Борятинского, честнейшего человека, и князя Володимира. Да пусть простит тебя Бог! Пойдем лучше к столу да выпьем браги за победу, чем учинять раздор.

— А как же рухлядь и ясыри? — спросил, опешив, Колемин.

— С рухлядью Ерошка и без нас управится. А вот куда девать ясырей? В тюрьму?

Оничкову понравилось уважительное отношение Лобанова к Ерошке. Он подумал: «А Плещеев так не поступил бы, каждого зверя сам прощупал бы и дознание учинил — нет ли утайки?»

— Ясыри в тюрьме будут даром хлеб проедать, — сказал он. — Выгоднее раздать их казакам, у которых скотина есть да огороды. Пусть помогают в хозяйстве и тем кормятся.

— Мудро, мудро! — одобрил Лобанов и крепко пожал Оничкову руку. К нему вернулось хорошее настроение, и он сказал: —

Наслышан о тебе, князь Володимир. Федор Петрович — ох как печалится о разлуке! Он ведь вызволил у дьяков твою кунью шубу. Привез я ее в Сургут.

Слушая это, Колемин только хмурился и сжимал губы. В этот миг, возможно, он не сожалел, что расстался с Плещеевым.

Оничков был покорен душевностью Лобанова и сказал:

— Жалею, что мне предстоит покинуть тебя, Семен Михайлович.

— А не покинешь! Товарищем будешь. В указе велено отпустить из Сургута только Плещеева и Колемина.

Эту новость Оничков воспринял с неожиданной для самого себя радостью.

— Благодарствую за шубу, — смущенно сказал он, и, желая убедить Лобанова, что его благодарность основана не на корысти, добавил: — Здесь в овчине способнее делом заниматься.

— Верно! Тут не Москва, чтобы пыль в глаза пускать. Но, к столу! К столу!

Великие события и будни сибирские

1

После Рождества Христова, как только позволила зимняя дорога, Колемин отбыл из Сургута. С его отъездом наступила новая полоса в жизни Оничкова. У него было такое ощущение, будто с плеч свалилось бремя недавнего прошлого, и вернулись благие времена его воеводства с Борятинским.

Воевода Семен Михайлович Лобанов-Ростовский и голова Иван Микитич Ржевский с большим уважением отнеслись к обретенному товарищу, решительному и энергичному, скромному и непритязательному на роскошь. Они считали, что основная заслуга, успех в покорении Пегой орды без потерь ратных людей — это результат таланта Оничкова. Быть может, по этой причине дьяки предписывали использовать его в дальних посылках и не спешили отзывать из Сургута, умалчивая об этом в царских наказах.

Лобанов и оба его помощника исполняли государеву службу слаженно. Взаимопонимание, дружеские отношения скрашивали суровую жизнь в Сибири. Не было в Сургуте Тугарина, к которому ранее захаживал Оничков, отбыл в Пелым атаман Темир Иванов, но зато появился Богдан Зубакин. Теперь постоянными спутниками хождения на гарь для охоты у Оничкова был, как прежде, Зубакин и, вместо Колемина, Ржевский. Был еще пятидесятник Терентий Деев, которого прислали из Тобольска в Сургут еще в 7103 году, но он безвылазно исполнял сторожевую службу в остроге, где жил в избе на его территории. Обычно в общей компании он бывал только на праздничных застольях в воеводских хоромах или, когда

в его избу наведывались Зубакин, Ржевский и Оничков, устраивая вечеринку. Так верстались городские будни начальников.

Первая удручающая весть пришла на Сретение Господне.

На сорок первом году жизни, 7 января, скончался царь Федор Иоаннович, не имеющий прямого наследника. Общая тревога охватила горожан, от простого служаки до воевод Сургута. Каждый, поминая, оплакивал батюшку царя и задавался вопросом — кто же теперь будет править Русью?

На поминках в воеводских хоромах Лобанов поделился своими предположениями:

— Претендентом на престол мог бы быть Никита Романович Юрьев, родной брат первой жены царя, Иоанна Васильевича Грозного, Анастасии. Но он очень стар и немощен. Однако у него есть сын Федор Никитич Романов, которому от роду сорок четыре года, возраст, подходящий для царствования, и умом он не скуден. Успел ли царь передать кому-либо державу — мы не знаем. Многое на Руси будет зависеть от того, кто займет престол. Одни князья да бояре падут, а другие возвысятся. Представляю — какая там теперь идет свара.

— Думаю, что нас это мало коснется, — сказал Оничков. — Сибирь, как она есть, так и останется для казны любого царя.

— Так, да не так, — возразил Лобанов, — все равно будут какие-то изменения.

Вскоре из Москвы вернулись казаки, сопровождавшие Плещеева. Они внесли некоторую ясность о происходящем. Оказалось, что, будучи на смертном одре, царь передал правление Русью царице Ирине, а устроить свою душу поручил патриарху Иову, и с ним своему шурину Борису, и двоюродному брату Федору Никитичу Романову-Юрьеву. Однако через десять дней Ирина постриглась в Новодевичьем монастыре, после чего бояре заявили, что берут правление в свои руки. Они созвали народ целовать крест Боярской думе, но патриарх Иов постарался собрать в толпу большинство доброжелателей Годунова. Люди стали кричать, чтобы царем был Борис. Тогда Иов призвал народ идти и просить Бориса принять царство.

— Теперь у меня нет сомнений, кому быть царем, — сказал Лобанов. — Иов не отступится, так как обязан Годунову своим

патриаршеством. А мы, как были под рукою Бориса, так и останемся. Но каких-то изменений следует ждать.

Лобанов не ошибся. В Сургут пришла отписка из Тобольска от Бутурлина, в которой говорилось, что заведывание Сибирью передано из Чети дьяка Вахрамея Иванова в приказ Казанского дворца, из которого уже поступают наказы. Чердынскому воеводе Василию Петровичу Головину и голове Ивану Васильевичу Воейкову поручено строить город Верхотурье, и, под их присмотром, Артюшка Бабинов с двумя целовальниками должны обеспечить прокладку дороги в 263 версты и поставить тридцать семь мостов от Соли Камской к новому городу. Для этих работ велено забрать людей с Лозвы, а город разломать. Всем воеводам Сибири предписывалось впредь везти ясак в Москву новой дорогой.

В другой отписке говорилось, что Тагильские юрты посажены на пашню и следует брать с них хлебом вместо ясака.

Вторая, очень неприятная, весть из Тобольска предупреждала сургутских воевод о возникшей опасности со стороны хана Кучума, который собрал в Барабинской степи кочевников и с войском в пять сотен человек явился на озеро Ика, в двух днях пути от Оби. Возникла угроза результатам завоеваний Сургута в Нарыме.

Бутурлин писал, что по указу царя Бориса Федоровича он готовит поход на окаянного басурманина. Войско из семи сотен русских людей поведет новый воевода Тары Иван Мосальский, а три сотни тобольских татар возглавит бывший товарищ Ермака, атаман Черкас Александров. Выступят они из Тары ранней весною и пойдут сухопутьем. Из Сургута следует послать подкрепление Нарымскому острогу, чтобы перекрыть Кучуму путь к верхнему устью Кети, если хан вздумает туда побежать.

— Готовься, Володимир, к новой дальней посылке, — сказал Лобанов. — Что скажешь?

— Скажу, что мне не привыкать. С собою возьму сотню казаков и две пушки. Думаю — будет достаточно. Если хан не явится, то пойду вверх по реке Кеть, приведу там к шерти городки, какие встречу, и поставлю острог. Следует взять с собою для следующей зимы хлебные запасы, зелье, свинец и прочее, чтобы годовальщики не имели нужды. В новый острог заранее подберу людей и

назначу туда двух десятников. Оставлю там одну пушку. Для похода мне нужен атаман Зубакин, так как Тугарину достаточно будет забот и на обереговой службе в Нарыме.

— Да, ему хлопотно на первых порах, — сказал Лобанов. — Устоятся ли инородцы в клятве — не таить зла на русских? Не ссылаются ли они с бежавшим князем Кичеем?

— Если такое обнаружу, то прогоню Кичея вовсе с Кети на земли асинной самоеди, на реку Пур, — ответил Оничков. — А чтобы закрепить соль-купов в постоянстве, неплохо было бы разрешить остякам с Агана и Югана переселяться туда семьями в брошенные пустые дома. Они будут сдерживать нарымцев от бунта.

— Хорошая задумка, — согласился Лобанов, — так и поступим. Князь Бардак будет доволен.

Вскоре из приказа Казанского дворца поступило разрешение на продажу остякам ножей и топоров, что значительно улучшило с ними отношения. Это Лобанов считал своею заслугою.

2

В мае водная казачья рать, под началом Оничкова и атамана Зубакина, ушла в Нарым. Их, на дощаниках, сопровождали остяки с семьями, пожелавшие поселиться в новых местах, богатых пушным зверем. По пути присоединились к ним и жители с реки Аган, где не водилась голубая белка, бобры и выдры.

В новый острог струги прибыли в июне, после дня Святой Троицы, одолев шесть сотен верст за пять недель. Дела у Тугарина шли хорошо. Зимою с трех волостей — Подгородной, Парабельской и Ларпидской, инородцы сами привезли ясак на оленях, а с остальных мест являлись послы и просили подождать до лета, ссылаясь на непогоду и трудности в добыче зверя.

Оничков, не желал задерживаться надолго в Нарыме, хотел отправиться дальше вверх по Оби, но тут задул ураганный, юго-западный ветер, превратив пятиверстную обскую ширь в бурное море. По нему ходили огромные волны, набежал откуда-то смертоносный тифон, подхватывая деревья-плывуны и унося их высоко в небо. Когда стихия несколько умерила свою прыть, Оничков, не рискуя сразу выйти на Обь, решил подняться по среднему

руслу Кети до слияния его с верхним устьем, Тогурским, и уже по нему спуститься к Оби. Таким образом можно было выиграть время для достижения основной цели похода — отрезать пути возможного отступления Кучума, а одновременно и проверить — нет ли поблизости князя Кичея?

Когда струги достигли слияния русел, им навстречу, из-за островка, выплыло два десятка юрких долбленок. Люди, сидящие в них, выпустили стрелы и тут же бросились наутек. Видимо, они не ожидали подобного препятствия и были растеряны, из-за чего одна из долбленок перевернулась вверх дном. Человека, барахтающегося в воде, казаки поспешили выловить. Им оказался сольку́п, ранее сбежавший из приобского городка.

— Как тебя зовут? — спросил Оничков.

— Саган, — ответил пленник.

— Почему ты бросил свой дом и обрек себя на мучения, лишившись крова над головой? Большинство людей не побоялись, остались в своих городках, платят малый ясак и не испытывают нужду. Если хочешь вернуться, мы тебя отпустим.

— Басарга говорил, что русские заберут наших жен, а мужчин сделают рабами, — сказал Саган.

— Лгун твой Басарга. Но кто он такой?

— Брат князя Кичея.

— Тогда он должен знать от сбежавшего на Кеть Урунка, который был у нас в аманатах, что русские люди не звери и не причиняют вреда.

— Но Урунк ушел, так как не захотел снова быть аманатом.

— Куда же ушел Кичей, где теперь обитает?

— На самом верху Кети-реки. Если вы туда пойдете, то князь уведет нас на Пур-реку.

— Выслушай меня внимательно, Саган, — сказал Оничков. — Сейчас я тебя отпущу. Ты догони своих собратьев и скажи им, что я на них зла не держу и никакой порухи не сделаю. Пусть дождутся меня, мы поговорим о мире, и все смогут при желании вернуться в свои дома.

Узконосая долбленка Сагана стремительно понеслась против течения и вскоре скрылась. Вслед за ней Оничков повел медли-

тельные струги. По пути он делал зарисовки и записи в тетрадь для составления карты.

Уже пошла вторая неделя, суда достигли места разветвления русла, но соль-купы словно сгинули.

— Бесполезная затея, — сказал, наконец, Оничков, — будем возвращаться. Другой раз сюда придем, а теперь поспешим на Обь.

Когда струги вышли на обские просторы, Оничков, сберегая силы гребцов, велел не надрываться и грести, не спеша, внимательно разглядывая берега и каждую лагуну. Сначала миновали прибрежные городки, приведенные к шерти прошлым летом. Затем Зубакин послал вперед один струг для разведки.

Через некоторое время ертаульщики вернулись и доложили, что видели трупы утопленников в разноцветных халатах. Одних несет течение, а других прибило к левому берегу.

Зубакин уверенно сказал:

— Это казаки с Тары постарались, татар побили. Думаю, что надобно идти им навстречу.

— Другого пути нет, — сказал Оничков и велел стругам следовать за головным.

Пушкари зарядили пушки, приготовив их к стрельбе, казаки проверили порох в пищалях, и вся готовая к бою рать, придерживаясь левого берега, двинулась вверх по Оби.

Вскоре вдали появилось с десяток черных точек. Подгоняемые течением, они быстро приближались. По одеяниям гребцов стало ясно — это казаки.

— Наши плывут! — воскликнул Зубакин.

Оничков сказал трубачу, чтобы тот протрубил опознавательный сигнал.

Не дойдя пятидесяти сажен, обе стороны круто развернули суда в сторону берега. Люди повыскакивали из лодок, радуясь встрече, сжимая друг друга в объятиях. Из образовавшейся свалки вышли два человека и направились к сургутским начальникам. Ими оказались бывшие товарищи Ермака — Черкас Александров и могучий детина, атаман Гаврила Иванов.

После знакомства Черкас сказал:

— Мы ищем Кучума. Всякий раз он бесследно исчезает, бросая своих воинов и близких.

— Можете не тратить напрасно время и силы, — посоветовал Оничков. — Мы прошли по двум руслам Кети — там пусто. А на Оби только трупы татар, а живых нет.

— Значит, сидит хан где-то в кустах, на какой-нибудь протоке, и дожидается, когда перестанем его искать, — заключил Черкас. — Будем возвращаться.

— Далеко ли ваш стан? — спросил Зубакин.

— В одном дне пути.

— Тогда мы пройдемся с вами. Вдруг помощь понадобится. Да и нам на пользу — увидеть здешние берега, — сказал Оничков.

Стан войска тарского воеводы занимал огромную площадь. Тысяча человек, разделенных на десятки, жгли костры, готовили пищу, ели или просто отпугивали дымом комаров и гнус. В стороне, на луговине, паслись кони и отара овец. Ближе к яру стояли шатры двумя отдельными группами. В одной — располагались войсковые начальники, в другой — содержались под стражею именитые пленники. Вдоль кромки леса, отдаленной от стана, видны были тела повешенных людей.

Из шелкового белого шатра вышел воевода, голова Ондрей Воейков. На нем был надет походный зеленый кафтан с желтой перевязью, за которой красовалась пищаль с золотыми насечками.

После обмена приветствиями, Воейков пригласил гостей к столу, установленному среди цветущего разнотравья, окруженному курильницами, и сказал:

— В шатре днем духота, а тут кусачие твари. Из двух зол выбираю, что лучше. Отобедаем на свежем воздухе.

Слуга принес похлебку из дикой утятины, отварную рыбу, поджаренные куски баранины, ендову, наполненную морошкой, и бочонок меда.

— Овечки нам от Кучума достались, тысяча голов, — пояснил Воейков, ткнув пальцем в баранину на блюде. — Могу поделиться.

— Возьму с радостью и раздам служилым в хозяйство. Пусть разводят, — сказал Оничков. — Олени у нас уже есть, а овец еще не завели.

— Откуда тут олени взялись? — удивленно спросил Гаврила Иванов.

Зубакин, опередив Оничкова, ответил:

— Сначала и мы не могли понять, а потом узнали, что Пегая орда ходит по Кети на реку Пур к асинной самоеди и оттуда пригоняет в Нарым оленей. По зимнему пути они идут лучше собак и лошадей.

Слуга наполнил кубки. Оничков произнес тост:

— С победой! Отвратили вы замысел Кучума набежать на Сургут. Низкий наш поклон.

Воейков указал на Черкаса и Гаврилу.

— Им все должны кланяться. Татар побили, не потеряв ни одного человека. Жалко только то, что старый лис снова убежал, бросив все свое семейство. Не пойму — как это ему удалось?

— А что сталось с его родственниками? — спросил Оничков.

— Те, кто не пожелал сдаться, убиты. Остальных взяли в плен. На них уже сделана роспись для царя Бориса. Если любопытно, то могу назвать имена.

— Очень любопытно.

Слуге было велено принести из шатра ларец. Воейков извлек из него отписку и, заглядывая в нее, стал рассказывать:

— Лишены жизни в бою — брат Кучума Илитен, любимый сын хана — Канай, двое детей царевича Алея, шесть князей и десять мурз. Пленены пять сыновей Кучума: тридцатилетний Асманак, двадцатилетний Шаим, восьмилетний Бабаджа, Молла — четырех лет, Кумыш — одного года, и два внука. Все женщины не пострадали, но очень испуганы. Хотя, мне кажется, что каждая из восьми цариц хана довольна, что избавилась от старого хрыча, а восемь его дочерей, в возрасте от трех до четырнадцати лет, ко всему проявляют только любопытство. Есть еще две невестки, две жены царевичей, Алея и Каная, и две внучки. Мы должны доставить всех в Тобольск, а оттуда в Москву.

Атамана Зубакина не так интересовали имена царевичей и цариц, как ход сражения, и он попросил рассказать об этом. Воейков положил обратно в ларец листы с росписью и сказал:

— Лучше, чем я, опишет битву Иван Александрович.

Черкас пожал плечами.

— Ничего особенного в этой битве не было. Нашего нападения враг не ожидал. Мы подошли украдом, обложили татар со всех сторон, и разом ворвались в стан. Даже из пищалей не пришлось стрелять. Орудовали саблями да бердышами, а Гаврила крестил оглоблей, которую вырвал из повозки. Отбиваясь, татары отступили к Оби, где у них были упрятаны ладьи. Но их мы уже успели прибрать к рукам. Поэтому многие басурманы попрыгали в воду, надеясь на спасение. Однако казакам не составило труда прогуляться в их же ладьях, и баграми пройтись по бритым головам. Тех же пять десятков человек, которых захватили в плен, мы повесили. Отпустили только нескольких, чтобы другие кочевники узнали, какова их ждет кара, если они опять затеют войну.

— Лихонько, сказал бы Тугарин, — произнес Зубакин.

— Кто такой Тугарин? — спросил Черкас.

— Атаман. Он поставил острог в Нарыме и там пребывает. Если Кучум объявится на Оби, то Тугарин его не упустит.

Гаврила Иванов вдруг громко чихнул, застенчиво потер нос и сказал:

— К калмыкам Кучум не побежит. Он у них воровал коней, и они ему этого не простят. Искать его надо у сынка, Алея, ногайского мурзы, которого тоже следует извести. Когда мы с Ермаком громили его отца, Алей с пелымцами осаждал крепость Чердынь, огнем палил русские деревни и починки, убивал стариков и детей, а здоровых мужчин и женщин продавал в рабство. В нем жесточи и на десятерых басурманинов хватило бы. Так что наши старания по очистке Сибири от вражьего племени еще не окончены.

— Вижу, что у вас много татар в войске, — заметил Зубакин.

Гаврила повел могучими плечами и горделиво заявил:

— Взял я как-то в плен татарского мурзу Маитмасу, а он был и рад отойти от Кучума, ненавидел его. Ведь татарин татарину рознь. Местные татары считают Кучума пришельцем. Тот силою заставил их служить себе. Потому Маитмаса и стал на нашу сторону, а за ним и его народ пошел. Помогали они ставить город Тюмень, а теперь с нами заодно воюют. Это целый полк, три сотни, а над ними поставлен Черкас, что сидит рядом, который еще при Ермаке был атаманом иностранного полка.

— Князь Ондрей, — обратился Оничков к Воейкову, — я ведь вместе с Елецким шел с Лозвы до Тобольска. Мы тогда с Борятинским направлялись Сургут ставить, а Елецкому было наказано ставить Тару. Интересно узнать — каков теперь город? Как живется в нем?

— Я с воеводою Мосальским недавно прибыл в Тару, еще толком не осмотрелся. Но могу сказать, что и город хорош, и острог неплох, жить и служить можно. Даже купцы из Бухары приходят на верблюдах. Из Москвы наказ получили — встречать этих гостей ласкою и отпускать обратно без помех.

— До нас они, должно быть, не дойдут, а жаль, — посетовал Оничков. — Поговорю с Лобановым, чтобы послал к вам на ярмарку наших людей для закупки заморских товаров.

— Милости прошу, присылайте. А то и сам приезжай.

— С великим удовольствием приеду, если на это время найдется. А теперь пора откланяться. Желаю доброго пути на Тару.

— Тебе также желаю дороги без помех. Овечек возьми столько, сколько в ладьи уместится.

Гаврила Иванов вызвался помочь в столь важном деле. Вместе с казаками из Сургута он подогнал к берегу несколько десятков овец, где им связали ноги и затем плотно уложили на днища стругов.

До острога доплыли за два дня. Там Тугарин с нетерпением ожидал Оничкова. Он сбежал с яра и сказал:

— Наконец-то прибыли! У нас великая новость! Из Сургута пришли струги с казаками. От Лобанова есть отписка.

Воевода писал: «Князь Володимир, острог на реке Кети не ставь. Мне поступил наказ — умножить для казны соболей, лисиц и прочих зверей, послав людей для сбора ясака на реку Томь, где живут татары. Если они добром ясака не дадут, то следует их извоевать и взять погромную рухлядь.

Поручи это атаману Тугарину Федорову. Пусть он возьмет с собою людей, которых ты отбирал для острога на Кети, а в добавку я посылаю еще два десятка человек и двух толмачей татарского языка, которых прислали из Тобольска. Когда лучше идти, теперь или весною, — решите сами.

Только привезти рухлядь в Сургут нужно летом. Хлебный запас, что я послал, и тот, что взял ты с собою, передай Тугарину по

росписи. Если же на Оби объявился Кучум-хан, то знай — на него с Тары ушел князь Воейков. Поступай, как на месте тебе виднее».

Долго не раздумывая, Тугарин сказал:

— Поход на весну откладывать нельзя — потеряем время и не успеем вернуться летом в Сургут. Теперь же мы сможем пройти и поискать городки на Оби и той реке. Где сможем, там сразу заберем ясак, а по другим местам пройдемся зимою на лыжах и нартах, как получится. Тогда к весне сделаем полный сбор. В удобном месте построим себе зимовье, а уходя, разломаем. Запаса еды в таком случае хватит. Если же остаться зимовать в Нарыме, то проедим их задаром. До холодов осталось около двух месяцев, к месту будем добираться недели две-три, так что времени у нас в обрез. Завтра же следует выступать.

Остаток дня и до полуночи шли приготовления к походу. Утром пять стругов покинули Нарым и направились вверх по Оби, в сторону реки Томь, еще неизведанной сургутскими казаками.

Оничков только на день задержался в остроге, чтобы пересчитать запасы, сделать необходимые росписи и дать наставления двум десятникам.

3

Август в Сибири — хорошая пора, не жарко и не холодно. Если бы не комары да мошка, то и желать не надо лучшего. На воде этих насекомых не было, но при выходе на берег казаки набрасывали на головы сетки, пропитанные дегтем.

На том месте, где располагался стан тарского войска, Тугарин сделал привал на ночлег. Следы недавнего пребывания людей еще не успели стереть ветра и дожди. Кое-где продолжали дымиться остатки костров, стояли неповрежденными разбросанные на большой площади шалаши, между которыми бродила одинокая овца, отбившаяся от отары. На окраине леса болтались висельники в пестрых халатах. Тугарин насчитал их более пяти десятков. А овечку казаки поймали и съели во время ужина.

Через семь дней пути струги достигли устья реки, впадающей в Обь с правой стороны. Толмачи объяснили, что это Чулым и тут живут татары.

— Тогда сбор ясака начнем с них, — сказал Тугарин.

Чулым, имеющий широкое устье, оказался очень извилистой и узкой рекой. Его ширина колебалась от двадцати до восьмидесяти сажен. Высокие берега с обеих сторон радовали глаз белизною березовых рощ, красными гроздями рябин, дрожащею листвою осин, и величавостью пихтовых урманов.

Первый встретившийся городок отстоял недалеко от Оби. В нем проживало более сорока человек, но мужчин, способных охотиться, было всего с десяток.

Князец Лага встретил казаков доброжелательно. Он сразу согласился выплатить ясак по десять соболей с лука, одарил рыбой, олениной и лосиным мясом. От него Тугарин получил исчерпывающие сведения обо всех родах татар, обитающих на Чулыме. Их было еще четыре. В трех улусах проживало по десять семей, а в самом крайнем, возле устья реки Кемчук, у князца Исека — два десятка. Стали также известны имена других князцов — Сылгак, Карач и Майнак.

Чтобы ускорить сбор ясака, Тугарин отправил два струга вверх по реке, поручив казакам посетить сначала Исека, а затем спуститься вниз к улусу Майнака. С остальными людьми он продолжил путь к очередным двум городкам.

Князец Исек, заискивающе улыбаясь, предложил казакам сначала поесть, а потом уже приступить к делу. Никто не мог предположить, что за его радушием скрывается злой умысел. Во время еды он узнал, что гости не задержатся на Чулыме, так как им предстоит дальнейший путь на реку Томь.

Исек стал рассказывать о богатстве тех мест пушным зверем, о многолюдном заселении берегов той реки разными родами татар, о том, что теперь самое подходящее время для сбора ясака, но нужно поторопиться до холодов. Он предложил, не теряя времени, посетить ближайший улус Майнака, оставив у него несколько человек, с которыми он основательно отберет не только самые лучшие шкурки соболей и лисиц, но и подготовит богатые поминки.

Десятник Иванко Ладога счел разумным совет радушного Исека и, оставив в его городке пятерых казаков, пообещав вернуться к вечеру следующего дня, отплыл к городку Майнака. Собрав там ясак, Иванко поспешил назад к Исеку.

Страшная картина открылась взору казаков. Со стрелами в груди, с перерезанным горлом лежали на земле товарищи, а в опустевшем городке гулял и завывал только ветер, призывая к отмщению. Но в какой край сбежал коварный князец? Где искать подлого убийцу, чтобы обрушить на его голову негодование казацких клинков?

Иванко был вынужден отбросить мысль о преследовании. Испытывая глубокую скорбь, казаки уложили погибших в струги и поплыли на встречу с Тугариным.

Место для захоронения выбрали на холме, у устья реки, поставив высокий крест и вырезав на нем имена.

Более всех горевал Иванко.

— Не могу простить себе свою глупость, — сокрушался он, — по моей вине потеряны жизни.

— Не казни себя, — успокаивал его Тугарин. — На твоем месте я тоже мог поверить Исеку. Теперь мы знаем, что следует всегда держать ухо востро с инородцами, а тем паче — с татарами. Жаль ребят, но их уже не вернешь. А у нас еще много дел впереди.

За неделю дошли до Томи. Не обнаружив у устья жителей, поплыли по реке в поиске городка. На первый взгляд Томь казалась безлюдной, только на второй день, наконец, достигли какого-то укрепленного валом и тыном большого поселения. Соблюдая осторожность, изготовив пищали, казаки взобрались на яр и стали приближаться к городку.

В тот же миг из открывшихся ворот выехал на резвом скакуне человек в накидке, расшитой золотом, и направил коня к дружине. Его сопровождали десяток всадников.

Когда эскорт приблизился, и Тугарин понял, что перед ним находится какой-то влиятельный князь, он велел толмачу сказать:

— Я, голова казаков, пришел с миром на твою землю. Мои воины — это часть великого русского войска, ныне разгромившего хана Кучума, который без пощады убивал братьев, сибирских татар, делая набеги на их жилища. Теперь мы, желая обезопасить себя от иных врагов, предлагаем вам стать подданными царя Руси и платить посильный ясак. Если ты согласен, то мы начнем переговоры.

Внимательно выслушав толмача, глядя в глаза Тугарину, всадник ответил:

10 Заказ 462

— Меня, князя Тояна из рода Еушты, устраивает твое предложение. Мы обсудим его, сидя у таганца. Прошу быть моим гостем.

Горький опыт, полученный на Чулыме, заставил Тугарина проявить осторожность. Он сказал, что сначала должен позаботиться о ночлеге людей, которые устали от долгого пути, поставить свой шатер, а затем уже приступить к делу. Кроме того, будет лучше, если гостем окажется князь. Так, мол, принято — в походе не оставлять своих воинов без присмотра.

Князь Тоян ускакал в свой городок, пообещав быть вечером. Однако уже через час из ворот выехали две нагруженные арбы. В них оказались разделанные туши нескольких овец, гуси, утки и зайцы. Для казаков такая свежая пища была весьма кстати.

В конце дня князь Тоян, сидя в шатре у Тугарина, рассказывал:

— Под моею властью десять городков, в которых проживает более тысячи человек, а воинов из них — три сотни. По моему зову они могут сесть на коней и быстро прибыть сюда, когда возникает угроза со стороны кочевников. Ближе всех, в семи днях пути, находятся белые киргизы. У их князя Немчи тысяча воинов. Но самое большое войско, десять тысяч, у князя Бинея. До его ближайшего кочевья — десять дней, а до дальнего — четыре недели. Еще есть Телеуты. До их кочевья пять дней пути. Там князь Обак. У него тысяча воинов. Все неудобства нам идут от орды черных калмыков, от Алтына царя, которых пока сдерживает монгольский хан. Недавно мне стало известно, что умацкие татары, которые жили в Барабе и были под властью Кучума, ушли на реку Омь и поселились на мысу, но собираются переселиться на Обь, недалеко от нас, в четырнадцати днях пути. У них три сотни воинов.

Тугарин схватился за голову и сказал:

— Не завидую тебе, князь! То, что ты наговорил о своем окружении, — есть постоянная угроза лишиться улуса и жизни. Тут без защиты Руси не обойтись. Хорошо подумай об этом. Вон сколько стервятников вокруг! Ежели опасаешься, то езжай в Москву к царю и проси, чтобы взял тебя под свою руку. А пока пособи мне собрать ясак. Тут недалече я и зазимую.

Таян оказался верным помощником. Он помог построить зимовье для казаков, выделил для объезда городков лошадей и дал

сопровождающих. До наступления весны Тугарин исполнил все, что намечал.

4

Третий год подряд Оничков возвращался из дальней посылки осенью, после наступления нового года. Прежде всего, по прибытии в Сургут его интересовали новости, и лица на берегу — не появились ли и на этот раз новые воеводы? Но встречали его Лобанов и Ржевский.

С мельчайшими подробностями изложил им Оничков свой рассказ о приключениях в походе, высказав сожаление о том, что на реке Кети не удалось поставить острог. «Пока это не будет осуществлено, — заключил он, — остается угроза для Нарыма со стороны князя Кичея и его сыновей».

— Но ты принес и отрадную весть, — сказал Лобанов. — Главное — Кучум повержен, и у Кичея нет союзника.

— Теперь, Семен Михайлович, твоя очередь поделиться новостями, — потребовал Оничков.

Эта беседа, как обычно после прибытия из посылки, проходила не в приказной избе, а в хоромах за обеденным столом. Иначе, с устали да с голода, да без чарки меда — не говорились бы длинные сказки.

Лобанов принялся излагать обо всех происшествиях по порядку.

— Во-первых, — сказал он, — в канун нового 7107* года венчан на царство Борис Федорович Годунов, за здравие которого предлагаю выпить не из чарки, а из братины.

Опорожнив емкий сосуд, Лобанов продолжил рассказ:

— Во-вторых, царь считает необходимым, чтобы воеводы Сибири приложили особое старание по приобщению к Руси новых земель. По этой причине я и велел направить атамана Тугарина на реку Томь, чтобы он и ясак собрал, и разузнал о народах, коих сможем подвести под царскую руку. В это же время из Москвы прислан какой-то голова Федор Дьяков, который с двумя целовальниками из Тобольска послан для проведывания Мангазейской страны до реки Енисей, где для царской казны должен со-

* 1599 год.

брать и ясак. У царя Бориса возник большой интерес к Енисею. Дело в том, что Голландия хочет опередить нас и прибрать те земли и народы. В 103* году, на семи кораблях, под начальством Вильгельма Баренца, они дошли до Карского моря, но были остановлены льдами и вернулись обратно. Однако, зимуя у острова Вайгача, они встретились с двумя русскими ладьями. Наши промышленники, не подумав, во вред Руси, оповестили голландцев, что ежегодно с сукнами и другими товарами ходят из Холмогор в реку Обь и далее в Енисей. На следующий год, имея надежное известие, Баренц вновь вышел в Северный океан, но его судно было раздавлено льдами, а сам он умер от невзгод. На остальных его людей, опять наткнулись наши ладьи — и голландцы были спасены. Известия об этих случаях дошли до Москвы, о чем приказ Казанского дворца счел необходимым оповестить воевод в Сибири.

— Как бы и нас не снарядили на Енисей, — предположил Оничков.

— Это возможно, — согласился Лобанов. — Однако, о чем еще хотел сказать? Да... Нам велено немедля вернуть всех ясырей на места их проживания, чтобы они могли промышлять пушного зверя. А тех, кто попытается вывезти ясыря на Русь, подвергать смертной казни. Тех же инородцев, которые уже крещены в христианскую веру, поверстать в казаки.

— Опечалятся служилые, привыкшие держать холопов в хозяйстве, — сказал Оничков. — А много ли уже есть новокрещеных?

— Всего один остяк, пожелавший быть поверстанным в толмачи. Остальные не хотят принимать новую веру. Кроме того, служилым запрещено покупать мягкую рухлядь и торговать ею. Потеряв от этого доходы, некоторые занялись мелким ремеслом — изготавливают деревянную посуду, заготавливают дрова для бани, выполняют кузнечную работу и прочее. Еще, Володимир, овечек, которых ты привез, раздай с условием — не забивать, растить приплод и потом какую-то часть отдавать в нашу поварню.

Отобедав, обменявшись новостями, воеводы разошлись по покоям.

* 1595 год.

5

Олени, которых Тугарин прислал в Сургут, стали незаменимым средством сообщения с Тобольском зимою.

Оничков не забыл о том, как он и Федор Петрович Борятинский мечтали об организации ямщицкой гоньбы. То, что он сделал теперь, было лишь первым шагом сокращения сроков и повышения надежности дальних посылок. Для осуществления своей задумки, он привлек остяков князя Бардака, способных управлять оленьими упряжками.

Изготовив просторные нарты и сбрую, вооружившись длинными хореями, новоявленные погонщики, гикая и похлестывая лихие тройки, объезжали их вокруг слободы, проверяя способность выхода на ледовую дорогу.

Оничков сказал Лобанову и Ржевскому:

— В будущем, по остяцким городкам, обустроим ямы для смены людей и оленей. А пока посадим на упряжки по два погонщика. Думаю, что за две недели они смогут добежать до Тобольска.

— Очень хорошо! Очень! — обрадованно сказал Лобанов. — На таких санях можно даже пушки возить. Выходит, что на один оборот уйдет всего месяц. А если делать посылки через каждые две недели, то и ответ получим в этот же срок. Низкий поклон тебе, Володимир!

С этого дня переписка с главным городом Сибири и перевозка мелких грузов в зимний период получили значительное преимущество по сравнению с другими временами года. Теперь новые вести не заставляли себя долго ждать, давая пищу для осмысливания их и обсуждения в продолжительные, рано наступающие вечера.

Особый интерес проявляли воеводы к событиям, происходящим при новом государе в Москве, куда в скором времени должны будут вернуться. Лобанов и Ржевский были уверены, что произойдет это летом, так как на исходе второй год их пребывания в Сургуте.

Когда тобольский воевода Бутурлин упомянул в отписке, что в Пелым привезли под стражею Ивана Никитича, сына Никиты Романовича Юрьева, дяди усопшего государя Федора Иоанновича, то это очень взволновало и встревожило Лобанова. Он уговорил Оничкова съездить в Тобольск под предлогом сдачи царской казны, а на самом деле разузнать подробно о причине ссылки столь важной особы.

Покинув Сургут в конце февраля, Оничков вернулся только в середине апреля. Узнать ему удалось немного.

Уединившись в хоромах, выпроводив слуг, Лобанов и Ржевский выслушали короткий рассказ товарища.

Ивана Никитича содержат в тюрьме под замком. Трижды в день ему подают хорошую еду, но общаться с ним никому не позволяют. Однако слухи таковы — будто бы он и его четверо братьев вошли в заговор против царя Бориса, желая его отравить. Такой донос поступил от казначея Романовых. В присутствии думных бояр их стали уличать в измене и обнаружили при сыске три куля с корнями растений, пригодных для колдовства. Годунов, проявив великодушие, не отправил их на плаху, а разослал в ссылку по разным местам. Сосланы также и все их ближние — князья Черкасские, Шестуновы, Репнины, Карповы, Сицкие. У всех отобраны вотчины и поместья, а ценности переданы в царскую казну. Ивану Никитичу выпало счастье кому-то сказать, что кули с корнями были подброшены.

— Боже правый! — воскликнул Лобанов, схватившись за голову. — Не хотелось бы теперь вернуться в Москву!

Остаток времени, до лета, превратился в тревожное ожидание. Уже реки давно освободились ото льда, уже в конце июня, с далекой реки Томи, приплыли казаки Тугарина с богатою соболиною казною, уже настала пора появиться и сменщикам воевод — но подоспел август, а их не было.

— Слава Богу, пронесло! — сказал Лобанов, перекрестившись.

Но — не пронесло... Во второй половине августа прибыли в Сургут князья Федор Тимофеевич Долгорукий и Олексей Иванович Голохвастов. Они привезли с собой указ, подписанный царем 25-го июня, которым все сибирские люди освобождались от ясака в 7108* году.

— Худо тебе придется, Федор Тимофеевич, — сказал сочувственно Лобанов. — Трудно будет потом отлучать инородцев от льготы.

— Как-нибудь управлюсь, — заявил самонадеянно Долгорукий, — а пока, как посоветовали в Казанском приказе, пошлю казаков на Енисей.

* 1600 год.

— Прав был князь Володимир, что и Сургуту не избежать Енисея. В наказе что прописано об Оничкове? — спросил Лобанов.

— Ничего, кроме сыска.

— Тогда тебе повезло. Лучшего помощника и быть не может. Позову его для общего разговора.

Когда Оничков пришел, Лобанов сказал:

— Опять оставили тебя в Сургуте, Володимир, и новую заботу дали — до зимы отправить казаков на Енисей. Теперь же прими участие в нашей беседе. Попросим князя Федора рассказать, чем Москва и вся Русь сегодня славится, кто в опале, а кто в чести? Хотелось бы и об измене Романовых послушать.

Князь Долгорукий замялся, скривив лицо и раздумывая. Наконец, после затянувшегося молчания, он как бы выдавил из себя:

— Это не тема для разговора...

— Помилуй, Федор Тимофеевич! — воскликнул Лобанов. — Я спрашиваю не из любопытства, а для того, чтобы не оплошать по прибытии в Москву.

— Хорошо, можно и поговорить, но при условии, что вы поклянетесь о сохранении в строжайшей тайне нашей беседы.

Воеводы дали клятву перед образом Пресвятой Богородицы. Удостоверившись в искренности Лобанова и его помощников, князь Федор Долгорукий поведал ужасающую историю:

— Только за разговоры, которые мы поведем, в Москве сажают в тюрьму, подвергают пыткам и отправляют в ссылку. В кабаках, на базаре, — всюду шныряют доносчики. Брат доносит на брата, сын на отца, холоп на господина, получая за это высокую плату серебряными рублями. Процветает клевета ради обогащения. Большинство народа опьянено благодетельностью нового царя. Однако есть люди, которые не верят в измену Романовых. Они усматривают подлог со стороны Бориса, его стремление уничтожить законных наследников престола. Ивана Никитича уже сослали в Пелым.

— Об Иване мы знаем, — сказал Лобанов. — К нему никого не подпускают, но кормят сносно, ежедневно подают мясо, рыбу и белый хлеб. На его содержание выдано приставу девяносто рублей.

— Это благодаря зятю, Ивану Ивановичу Годунову, который уговорил Бориса снять с него имя злодея. Кроме того, царь боится

прослыть мучителем и заслужить народный гнев. Он находит новые способы оградить свой трон от претендентов. Например, князьям Мстиславским и Василию Шуйскому запрещено жениться. Тут боязнь, что их дети, по знатности рода, могут состязаться с его сыном в занятии престола. Сегодня у Годунова все на подозрении. Даже дьяк Щелкалов удален от дел. Так что опасайся, Семен Михайлович, и будь настороже, чтобы невинно не пострадать.

— Молитвами испрошу у Бога защиты. А тебе и Олексею Ивановичу повезло. Пусть год, но вдали от бед. Не дают нашему брату засиживаться в Сибири — боятся, что обворуем казну. Сам посуди — всего пятое лето стоит Сургут, а воевод четырежды сменено. Что касается ясака, то даю совет — льгота льготой, а ты через купцов, охотников да дальними посылками накапливай соболей, которых от тебя все равно потребуют, несмотря на указ. А не будет соболей — заслужишь немилость.

Оничков, узнав, что остается в Сургуте, без особого внимания отнесся к обсуждению московских событий. Его более волновал теперь предстоящий поход, завладевший мыслями. Обращаясь к новому воеводе, он сказал:

— Федор Тимофеевич, инородцы на реке Енисей не попадают под царский указ, так как не приводились к шерти. Нам даже неизвестны их рода и число. Столь дальняя посылка в неизведанную страну с неизбежною там зимовкой требует особой, но скорой подготовки. Я готов немедленно заняться этим и дня через два-три выступить.

— Тебя, князь Володимир, мне не угодно отпускать, — сказал князь Долгорукий. — Ты нужен в Сургуте, чтобы я мог быстрее разобраться во всех делах. Поэтому назначь начальника и, по своему разумению, сделай все, как требуется.

В течение двух дней происходила передача дел новым воеводам. Подьячий Ерошка ознакомил князей Долгорукого и Голохвастова со всеми указами и отписками со дня основания Сургута. Были составлены росписи по людям, по содержанию в царской казне шкурок зверей, по пушечным и хлебным запасам. На замках всех житниц и амбаров Долгорукий поставил свои печати, завершив этим кропотливую работу.

Для сопровождения Лобанова и Ржевского, которым предстояло доставить в Москву соболей, привезенных Тугариным, были выделены трое казаков атамана Зубакина. А семерым казакам, исполняющим роль гребцов до нового городка Верхотурье, предстояло вернуться в Сургут до ледостава.

Как обычно, прощальная церемония закончилась застольем в воеводских хоромах. После обильной еды и немалого пития из братин, отяжелевшие князья Лобанов и Ржевский уселись в легкий десятивесельный струг и покинули место своего двухлетнего воеводства.

6

Прежде всего, Тугарин хотел определиться, какой путь избрать на Енисей. Для совета Оничков призвал князя Бардака, двух ясырей с реки Кети и двух вожей зырян.

Направление через Мангазейскую страну сразу отвергли. Это был самый длинный и опасный путь. По рассказу князя Бардака, на реке Пур и ее притоке Таз обитают юраки*, воинственное племя, говорящее на языке, незнакомом остякам и вогулам, которых они ненавидят. Юраков трудно застать врасплох, они очень подвижны и коварны — внезапно могут напасть, нанести урон и тут же исчезнуть.

Путь через реку Кеть казался более благоприятным, но тоже очень длительным. Ясыри сказали, что, достигнув верховья, можно за три-четыре дня перебраться на Енисей сухим волоком. Однако чтобы дойти туда, потребуется не менее десяти недель хода от Сургута.

Самым приемлемым оказалось предложение зырян. Они сообщили, что существует малоизвестная дорога с реки Тым. Она близко подходит к Сыму, притоку реки Енисей, где не составит труда перетащить легкие ладьи.

До холодов оставалось два месяца. Этого времени было достаточно, чтобы попасть на Енисей и успеть построить там зимовье.

Пять десятков казаков загрузили шесть легких стругов необходимыми запасами еды, пороха и свинца, плотницким инструментом, лопатами, веревками и парусиной, а также взяли скорострельную пушечку.

* Племена, пришедшие с Алтая. Русские назвали их енисейскими остяками.

— С Богом, детушки! — крикнул Тугарин и дал сигнал к отплытию.

Четыреста верст до устья Тыма казаки прошли за две недели. Столько же времени потребовалось, чтобы преодолеть путь по реке и перебраться на речку Сым. Далее — стало помогать течение. Как только вошли в Енисей, Тугарин решил спуститься как можно ниже, минуя все городки, чтобы уже весною пройтись по ним, возвращаясь в Сургут.

Последняя неделя сентября и наступивший октябрь одарили путешественников хорошей погодой. Используя попутный южный ветер, раздутые паруса мчали струги на север, навстречу улетающим стаям лебедей и гусей. Редко делая привалы, казаки вели суда днем и ночью. В то время, как одни работали веслами, другие — ели сухари, размачивая их за бортом, а затем погружались в недолгий сон.

В таком стремительном движении было пройдено около пятисот верст. Наконец, в середине октября, Тугарину приглянулось место для зимовья.

Широкая лесная грива левого берега, омываемая с другой стороны протокой, привлекала не только своей величественной красотой, но и обещала стать надежным убежищем.

Место для городка Тугарин выбрал в самой гуще леса, чтобы сберечь силы и время на переноску срубленных стволов деревьев. Расчистив площадку, казаки сразу стали рыть ямы, углубляясь в землю на полсажени, а завершив эту работу, сложили из бревен стены, установили жерди двухскатных крыш и покрыли их дерном. Быстро построенное таким образом зимовье обнесли высокой засекой.

Любуясь со стороны добротными куренями, над которыми извивались игривые дымки, Тугарин сказал казакам:

— Лихонько, брательники! Хороша Сургутиха!

7

Отмена царским указом пошлин и ясака оживила Сургут. В городе появилось много купцов и промысловиков, каждый из которых стремился воспользоваться кратковременной льготой. Охотники то уходили в тайгу на заимки, то возвращались в город, об-

вешанные связками соболей, черных лисиц и белок. Купцы старались опередить друг друга посещением остяцких поселений, приобретая меха меной на медные котлы и изделия из металла.

Имея запрет на вывозку мягкой рухляди, находясь под неусыпным надзором воеводских сборщиков, опасаясь быть высеченными плетьми и попасть в тюрьму, они исправно сдавали шкурки в казну по установленной цене.

Каждую пятницу и в праздничные дни в город съезжались остяки, чтобы участвовать в ярмарках. Пока не стали реки, они появлялись на своих юрких долбленках, а как только землю покрыла первая снежная пороша, к Сургуту потянулась вереница нарт, запряженных или собаками, или бурыми с проседью оленями. Казаков радовало все, что лежало на нартах, кроме пушнины: замороженные муксуны и нельмы, похожие на поленья осетры, клюква и брусника в больших плетенках, березовые туесы с пахучим диким медом. Заранее запасаясь покупными материями, топорами и ножами для мены, горожане нарасхват забирали завезенные остяками дары природы.

Некоторые сметливые казаки умудрялись перехватывать нарты на подходе и подгонять их к крыльцу своей избы. За этим следовало приглашение в дом желанного гостя, угощение его хлебом-солью и хмельным зельем, после чего уже не составляло труда приобрести почти за бесценок целиком весь привоз.

Иногда атаман Зубакин по поручению Оничкова выезжал верхом на скакуне навстречу остякам и препровождал нарты к воеводским хоромам, говоря по пути опоздавшим, разочарованным удальцам:

— Потерпите, братцы, до следующего раза. Вы и так уже нахапали добре.

В таких случаях гостей тоже кормили и поили в избе для слуг, но расплачивались с ними сполна, без обмана.

Время от времени воеводы подводили итоги по закупке мягкой рухляди. Для ее учета подьячий Ерошка завел отдельную книгу, а ясачную положил на дно сундучка.

Голова Олексей Иванович Голохвастов, в отличие от Оничкова и Долгорукого, с особым пристрастием следил за накоплением

соболей, рассчитывая на царское пожалование в служебной карьере и денежное вознаграждение.

— Надо же было такому случиться, чтобы отмена ясака пала на наше воеводство, — сказал он с досадой. — Вечно мне не везет! Думал, что поправлю дела в поместье, а тут указ — как нож в сердце!

— Ты не прав, — возразил Долгорукий, — по всей Руси на год отменены налоги. Разве это не касается и твоей вотчины? А соболей, так или иначе, мы соберем в достатке. Думаю, что с Енисея казаки привезут немалую казну.

— Это еще неизвестно. Вернулись бы живы, — сказал Голохвастов.

— Мрачный ты человек, Олексей, — промолвил Оничков. — Можно еще предпринять поход на Пур-реку к самоеди, о чем было писано в наказе Лобанову и Ржевскому.

— Самое время об этом вспомнить, — подхватил Долгорукий. — Ерошка, достань наказ из ларца!

— Совершить такой поход предложил воевода Плещеев в отписке государю, после чего это и было поручено Семену Михайловичу, — сказал Ерошка. — Он послал бы туда за ясаком, если бы не угроза от татар Кучума.

Однако слушайте:

«... Да память воеводе князю Семену Михайловичу Лобанову-Ростовскому да голове Ивану Микитичу Ржевскому. В Сургутском уезде вверх по Пуру-реке живут кунная и асицкая самоедь человек с триста и больше, а государева ясаку не платят и в город Сургут не приходят, а емлет де с них ясак Бардак себе. И воеводе князю Семену и голове Ивану Бардаку говорити: то люди государевы вольные, а он с них емлет ясак себе напрасно, полно Бардаку и тово, что ему своими людьми владети. И он бы Бардак однолично государю тем послужил, тое кунную и асицкую самоедь под государеву под царскую руку привел и ясак с них собрал по государеву указу сполна и заклады у них поимал и в город Сургут привел, и государь его за его службу пожалует своим великим жалованьем. А только будет Бардак на тое кунную и асицкую самоедь прошати государевых ратных людей к своим людям в прибавку, и воеводе князю Семену и голове Ивану Бордаку дати сур-

гуцких ратных людей и детей боярских и казаков и стрельцов, сколько человек пригоже, смотря по тамошнему делу. И велети тое кунную и асицкую самоедь з Бардаковыми братьею и с людьми повоевать и ясак с них собрать и заклады у них поимать и к шерти их привести, чтоб им вперед бытии под государевою под царскою рукою неотступно и государев ясак платити по вся годы беспереводно. А велети Бардаку послати в поход в войну на тое самоедь братью и людей своих, а самому Бардаку в поход ходити не велети, потому что Бардак и сам не добре укрепился; велети ему у себя в городе да с ним сыну ево лучему да брату Бардакову в те поры бытии в городе для тово, чтобы над государевыми людьми Бардак подводу не зделал. Вахромеев».

Князь Долгорукий побарабанил пальцами по столу, провел ладонью по бритой голове, осмысливая наказ, и сказал:

— Пока не вернутся казаки с Енисея, никаких дальних посылок не будем делать. Не хочу ослаблять гарнизон. Вдруг у Бардака и впрямь есть какой умысел.

— Нет у него никакого злого умысла, — возразил Оничков. — По весне вполне можно снарядить на Пур атамана Зубакина с Кинемой, сыном Бардака. А летом уже Тугарин появится в Сургуте. Никто не сможет нам поруху учинить: все инородцы очень боятся пушек и пищалей. Кроме того, Бардаку невыгодно затевать с нами вражду, теряя льготное положение среди прочих остяков. Его люди похвальное усердие проявили, когда ходили с нами в Нарым извоевать князя Воню. Советую готовить поход.

— Не хочу заранее загадывать, Володимир, — сказал Долгорукий, уклоняясь от прямого согласия или несогласия, — дождемся сначала весны...

Ох, и длинна же тут зима!

8

Когда работы по строительству зимовья Сургутиха были завершены, Тугарин занялся осмотром окрестностей. Густые пихтовые и еловые леса казались ему нескончаемыми. Чтобы углубиться в них, приходилось использовать звериные тропы, набитые лосями, по которым бегали и мелкие зверушки. На одной из таких

тропинок зырянин заметил след человека и сразу известил об этом атамана. Тугарин пытался понять — много ли прошло людей? Но определить это было невозможно: следы терялись в траве за краем звериного пути. Кто-то проявлял особую осторожность, желая скрыть свое присутствие. Кроме того, зырянин трижды останавливал казаков и обезвреживал их дальнейший путь от настороженных самострелов. Было неясно — для кого они предназначались? Для зверя или человека? Поэтому казакам Тугарин сказал:

— Идите украдом, неслышно, глядите под ноги и по сторонам, и держите наготове пищали.

Однажды вышли к большому лесному озеру лазурной голубизны, обратив внимание на частые всплески. На следующий день Тугарин направил туда казаков, чтобы погуляли по нему неводом. Результат превзошел все ожидания. Не успели рыбаки пройти на долбленках и двух десятков саженей, как вода в озере словно закипела. Когда же невод вытянули на берег, он вдруг засверкал грудой живого золота и серебра. Такой небывалый улов карасей вызвал всеобщее ликование. Удача сулила обеспечить всю зиму запасом рыбы.

На следующий день Тугарин организовал артельку из десяти человек, под начальством казака Первуши Колпашника. Это был русоволосый, голубоглазый, могучего телосложения детина, с серьгою в правом ухе. От большинства казаков он отличался еще тем, что носил на перевязи не легкую сабельку, а тяжелый длинный меч.

Ежедневно, на рассвете, водрузив на плечи легкие долбленки, казаки отправлялись на озеро. Впереди, как всегда, шел зырянин, за ним следовали два человека с топорами, обеспечивая проход остальным, обремененным поклажей. Так продолжалось неделю, и вдруг...

Обычно, во время лова, шестеро казаков на трех долбленках заводили невод, а четверо на берегу подтаскивали его с помощью веревок. Первуша Колпашник тянул один конец веревки, а трое других — второй конец. За их спинами в пятидесяти саженях проходила граница леса, а все свободное пространство поросло травами, высотою в рост человека. Вот из этой травы внезапно и полетели смертоносные стрелы. Двое казаков, с пронзенными сер-

дцами, остались лежать на земле, а третий, невредимый, выстрелил из пищали наугад, но это заставило нападающих обнаружить себя, и по ним прогремел залп с озера. После этого, долбленки стремительно понеслись к берегу.

Колпашника спасла случайность — в тот миг, когда в него были произведены лучные выстрелы, он наклонился вправо, чтобы уложить очередной круг веревки. Поэтому одна стрела просвистела возле левого уха, а вторая — вонзилась в плечо. Одним рывком выдернув стрелу, он выхватил из чехла меч и с яростью бросился на вражье племя. Вслед за ним, с обнаженными саблями, бежали казаки, выскочившие из долбленок.

Увидев перед собой копья, Колпашник одним взмахом разрубил угрожающие древки и обрушил меч на нападающих. Через минуту в бой вступили и остальные казаки. Сеча была короткой и беспощадной. Более десятка изрубленных тел врагов устлали землю, а живые побежали к лесу. Огромными прыжками Колпашник понесся за ними вслед. Оглушив двоих плашмя мечом, он связал пленникам руки и перевернул на спину.

Только теперь рассмотрели казаки тех, с кем сражались, и были очень удивлены. Лежащие на земле воины никак не походили на остяков или соль-купов. Они были белолицы, светловолосы, и ни один из них не имел карих глаз. А у некоторых, так же как у Колпашника, на правом ухе висела серьга.

Собрав трофей — луки, уцелевшие копья, ножи и топорики, казаки уложили в долбленки погибших товарищей и, опечаленные, направились в свой городок.

Из допроса пленных удалось узнать только то, что они называют себя «ди», что означает — люди. На остальные вопросы, даже при пытках, они не отвечали и с ненавистью смотрели в глаза своим мучителям.

Тугарин был разозлен. Он жаждал мести за погибших товарищей, но так и не смог выяснить — где находится поселение этих ди. Потеряв терпение, он сказал пленникам:

— Вы называете себя людьми, но вы — не люди, а звери, нападающие сзади. Вместо почетной смерти в бою, завтра примите унизительную смерть.

Мы вас повесим.

— Не лучше ли их отпустить и выследить — куда они пойдут? — спросил казак Якуша Матфеев.

— Они заслуживают только виселицы в назидание другим, — ответил Тугарин. — Остальных найдем и без их помощи.

Утром, взяв с собою пушку, половину гарнизона и зырян, атаман отправился к озеру, чтобы осмотреть место битвы, совершить там казнь и по следам, убежавших инородцев, найти городок.

Прибыв на поле сражения, казаки не обнаружили ни одного трупа, но зато нашли множество следов, указывающих путь, по которому живые несли мертвых. Такой тяжкий поход, да еще ночью, не мог пройти бесследно, без глубоких вмятин на сырой земле и сломанных веток.

Как только повесили на краю леса обеих ди, Тугарин сказал зырянам:

— Теперь все зависит от вашего умения. Ведите нас ко вражьему стану.

Виляя по тропам, затратив несколько часов на поиск поселения, казаки наконец вышли к какой-то речушке и сразу увидели на холмистом берегу городок, обнесенный земляным валом и тыном.

— Серьезные ребята эти ди, — проговорил Тугарин, разглядывая людей, высовывающих головы над острокольем, и обдумывая план нападения.

Он не нашел другого способа, кроме как ворваться в городок после обстрела пушечными ядрами преграды, проделав в ней прорехи.

Для того, чтобы подойти как можно ближе к тыну, защитив себя от стрел, казаки изготовили из веток большие щиты, привязали их к палкам, исполняющим роль опор и служащим средством перемещения. Для стрельбы из пушки и пищалей в них оставили окна — бойницы.

Сомкнув щиты, превратив их в одну непрерывную стену «гуляй-города»*, казаки приступили к исполнению замысла атамана.

* Так называли казаки состав из телег, из-за которых велась стрельба.

Сотни стрел полетели навстречу движущемуся укрытию, втыкаясь в него и не нанося вреда людям. Когда казаки приблизились на расстояние выстрела, они произвели прицельный огонь по лучникам, а скорострельная пушка несколько раз громыхнула и разворотила частокол. С криками: — Гей! Ура! — удальцы-рубаки ворвались через пробоины в городок — и началась сеча. Ди яростно отбивались дубинками, бердышами и копьями, но не могли устоять против натиска опытных воинов, вооруженных лучшим оружием. Разрубленные, сраженные свинцом из пищалей, они обагрили землю кровью, внушая ужас старикам, женщинам и детям, сжавшимся в одну кучку у крепостной стены. Только нескольким ди удалось прорваться к реке, запрыгнуть в ладьи и унести свои жизни под защиту просторов Енисея.

Когда перестали греметь выстрелы и сверкать клинки, Первуша Колпашник обратил свой меч острием к тверди, оперся на рукоять и замер в неподвижной позе, словно стараясь разрешить для себя задачу — а что же делать дальше? Оказавшийся рядом Тугарин, будто предугадав его вопрос, сказал:

— Знаешь, Первуша, хотелось мне спалить огнем это воронье гнездо, да жаль невинных детишек и их матерей. Оставим все, как есть. Пускай живут под кровом. А мы возьмем погромную рухлядь и уйдем.

— Ты по уму решил, батько, — ответил Колпашник. — Пускай те, кто убежал, разнесут по другим поселениям весть, что за грехи отцов мы не караем детей. А старикам скажи, что мы пришли не войною, а с миром да за ясаком, что карать будем только тех, кто встречает нас злым умыслом.

— Так и скажу, — согласился Тугарин.

9

В эту зиму в Сургуте царило уныние. Казакам и стрельцам, годовальщикам Нарыма и ушедшим в поход на Енисей, выдали хлебное жалованье только на полгода, как предписывалось царскими наказами, и поэтому их семьи, жены с детишками, израсходовав оставленную им незначительную толику зерна, круп и толокна, стали голодать.

11 Заказ 462

После Рождества Христова, впервые прошедшего без всенародного гулянья, хороводов, песен и плясок, десятник казаков Иванко Ладога явился в приказную избу к воеводам и сказал:

— Если немедля не дать в долг хлеба семьям годовальщиков, то они помрут от голода и болезней. Служилые, глядя на их нужду, начали роптать и грозиться, что впредь откажутся от дальних посылок.

Князь Долгорукий сделал кислую гримасу и, обращаясь к Голохвастову и Оничкову, спросил:

— Как прикажете поступить, милостивые начальники?

— Черт не выдаст — дьяки не съедят, — сказал Оничков. — Царские житницы следует отворить, а в Москву отослать челобитную Иванко от имени всех казаков, стрельцов и литвы. Думаю, что отказа не будет.

— Другого выхода нет, — поддержал Голохвастов.

— Вынужден с вами согласиться, — заявил Долгорукий. — Открывай, Ерошка, амбары и выдай в долг четверть годового жалованья каждой семье.

На следующий день в Тобольск ушла оленья упряжка с отпиской воеводы и челобитной, а в конце февраля посыльные вернулись и привезли отписку из Тобольска.

Главный воевода сообщал, что в Верхотурье строится девять кочей и две большие лодки, чтобы ходить морем в реку Пур и Енисей, что готовится поход в мангазейскую страну на реку Таз. Для этого из Тобольска берется сто человек, из Березова семьдесят, а из Сургута следует отправить тридцать человек, как только реки вскроются.

— Вот, Володимир, и ответ на твое предложение,— сказал Долгорукий, — основную заботу с нас сняли.

Однако Оничков проявил упрямство. Он считал, что за одно лето невозможно охватить всю Мангазею, и высказал веские доводы:

— Пока до рек Пур и Таз доберутся из Тобольска, пройдет месяца два, а мы смогли бы быть на реке Таз на месяц раньше. Лучше, чем князь Бардак, никто не знает туда короткого хода. Если мы сумеем ранее других собрать ясак, то ту новую волость

Москва может приписать к Сургуту, в чем есть большая выгода, так как, со слов Бардака, там проживает три сотни ясачников. В итоге будет немалый доход для царской казны, за что, Федор Тимофеевич, будешь в чести у государя и получишь великое жалованье.

— Не знаю, не знаю...— засомневался Долгорукий.

— Риск, конечно, есть, но без него и победы не бывает, — сказал Оничков, желая утвердить воеводу в принятии решения о походе. Но зря он произнес слово «риск»...

Князь Долгорукий, не долго думая, отрубил:

— А вот рисковать я не собираюсь!

Вскоре пожалел Федор Тимофеевич, что не внял совету Оничкова. Мог бы он явиться в Москву со знатной соболиной казной, а увез только то, что насобирал за зиму у купцов да охотников, так как не вернулся еще с Енисея Тугарин, а в Сургут уже прибыли новые воеводы.

Жесточь

1

Яков Петрович Борятинский и Оничков встретились как давнишние друзья — обнялись и трижды поцеловались. Обращаясь к своему напарнику Володимиру Васильевичу Пивову, Борятинский сказал:

— Ты погляди на князя Володимира — загорелый, здоровый, бодрый. А еще говорят, что Сибирь губит людей. Сомневаюсь, что тут хуже, чем в Москве.

Принимая дела у воеводы князя Долгорукого и его помощника Голохвастова, Яков Петрович заявил:

— Сыска с моей стороны не опасайтесь. Если у вас есть личные поминки, то забирайте с собой. Росписи на них делать не буду в угоду дьякам, которые любят поживиться за счет нашего брата. Хочу только предупредить, что в Верхотурье уже поставлена таможня и свирепствуют целовальники, подобно сторожевым псам. Но их можно и подкупить.

После проводов воевод Борятинский предложил Оничкову прогуляться по берегу Оби, подальше от любопытных ушей. Распрямив грудь, глубоко вздохнув, он сказал:

— Жить в Москве стало очень опасно, а тут даже дышится поиному. Там, ложась спать, не знаешь, какую гадость преподнесет тебе утро. Никому нельзя довериться. Процветают зависть, корысть, доносы и ложь. Не лгут только собаки. Последнее время, кроме как с братом, Федором, ни с кем нельзя было поговорить на чистоту, боясь царских шпионов. Вот тебе, Володимир, я дове-

ряю, как брату, а помощнику Пивову — нет. Тебе, видимо, не ведомо о том, сколько пострадало и отправлено в ссылку людей самых знатных родов.

— Все, что тобою сказано, ужасно, — сказал Оничков и спросил: — А каково живется теперь Федору Петровичу?

— Так же живется, как и прочим, в опаске. Завидовал, что еду в Сибирь, о многом вспоминал и говорил о тебе лестно. Кстати, для нас он приобрел у немецких купцов два бочонка романеи. На таможне Верхотурья целовальники намекали на угощенье, но я вывернул им кукиш. Сам я купил греческого и венгерского вина и водку, которую привезли купцы из Аравии. Они называют ее жизненной водой, полученной из философского камня алхимиками.

— Любопытно попробовать.

Борятинский рассмеялся и сказал:

— У нас, у русских, это самое милое дело — испробовать хмельное зелье. Уверяю, что долго не придется ждать. Теперь твоя очередь сказывать о местных нравах и делах в Сургуте.

— Для моего длинного сказа, Яков Петрович, следует сменить место, — сказал Оничков. — Сидя за столом да попивая романею, куда способнее говорить и слушать. К тому же и Пивову будет польза узнать о наших баталиях.

Борятинский снова рассмеялся, загоготав по-гусиному.

— Хитер ты, братец! Ох, хитер! Но я покоряюсь! Идем и испробуем заморское питие.

Ничего не упустил Оничков, перечисляя события за время своей шестилетней службы в Сургуте, подробно описывая дальние посылки. Он красочно рассказывал о войне с князьями Воней и Кичеем, о разгроме Воейковым хана Кучума, о князе Бардаке и его незаконном сборе ясака на реках Пур и Таз, об остяках и их обычаях, об ярмарках, хитростях купцов и охотников, о трудолюбии и доблести казаков.

— Сам я почти всюду побывал, — завершая рассказ, сказал Оничков. — Не посетил только городки в верхней части Оби, так как не было надобности, не было отказа по оплате ясака. В этой стороне лишь ближайшее к Сургуту княжество можно объехать по суше. А далее — только по воде. Там непроходимые дебри да болота.

Борятинский не прерывал рассказчика. Он словно впитывал в себя услышанное, а когда Оничков умолк, сказал:

— Не все дела переделаны. Немало их осталось и на мою долю. Купцами и охотниками займемся особо, построив за зиму гостиный двор. Весною отправим людей к асинной и кунной самоеди. Зря князь Долгорукий не послушался тебя, Володимир. Быть может, еще не все потеряно?

— Во всяком случае — глупо не воспользоваться царским наказом, данным еще воеводе Лобанову-Ростовскому. По праву, те люди должны давать ясак Сургуту, а не Мангазее.

— Кого предложишь послать?

— Конечно, атамана Зубакина. Тугарин, вернувшись с Енисея, пусть отдохнет. Загоняли мы его. С казаками придется отправить людей князя Бардака, знающих путь на Пур.

— Так и сделаем. Ну, а как тебе по вкусу водка и романея? — спросил Борятинский.

— Крепка жизненная водичка! А романея — лакомство.

— А мне захотелось нашей русской бражки. Чем она хуже?

Выпили по кубку браги за успехи в предстоящих делах. Борятинский крякнул, понюхал корочку свежеиспеченного хлеба, разгладил усики, торчащие как у кота, и сказал:

— Объявляю на завтра конный разъезд по остяцким городкам, в которых ты, Володимир, не успел побывать. Отбери два десятка казаков, подготовь коней и рыцарские доспехи. И не забудь взять шатры для ночлега да питие, угодное душе. А Пивову — начальствовать в Сургуте.

2

Борятинский не шутил, упомянув о доспехах. Два десятка казаков, во главе с Зубакиным, надели по его указанию красочные одежды, кольчуги и шлемы, навесили на пояса мечи, на плечи — пищали, взнуздали коней уздечками, украшенными серебром, и, сдерживая прыть арабских скакунов, направили их неторопливой поступью вдоль берега Оби.

Казаки возглавляли и замыкали колонну, а в ее середине ехали воеводы, облаченные в ратную сбрую. На Якове Петровиче была

малинового цвета чуга — короткий кафтан для верховой езды и путешествий с рукавами по локоть, позолоченная узорчатая кольчуга, кинжал за широким поясом и турецкая изогнутая сабля. В седле он сидел прямо, наслаждаясь ездой и делясь своими впечатлениями с Оничковым.

Берег был очень высок и крут, а внизу искрилась легкая водная рябь. Ехали по узкой тропе смешанного леса — берез, осин и хвойных деревьев, за которым просматривалось широкое плоскогорье.

Первый встретившийся городок отстоял от берега на полверсты, у границы густого леса. Он был обнесен невысоким тыном, защищающим только одну прямоугольную избу с хозяйственной пристройкой. К его воротам вел узкий мостик, переброшенный через мелкий ров.

— Что за чудо? — удивленно сказал Борятинский. — Следует узнать у хозяина этой крепости, если ее можно так назвать, — что угораздило его поселиться столь далеко от реки да еще в одиночку?

Из дома, заслышав ржание коней и лай собак, гурьбою выбежали ребятишки, девочки и мальчики, а вслед за ними вышел старик, который, не раздумывая, прошел к воротам и отворил их.

Борятинский велел казакам дожидаться за оградою, а сам с Оничковым, подьячим Ерошкой и толмачом прошел во двор. Там в углу, за загородкой у тына, прыгали и продолжали неистово лаять собаки, пока старик не взял палку и не прикрикнул на них. В другом углу двора возле нагруженной арбы стояла на привязи лошадь и жевала сено. Далее видны были зимние нарты. Между рядами столбов были натянуты бечевки из жил, на которых вялилась рыба.

Старик, назвавшись Тайшой, пригласил гостей пройти в дом, крыша которого производила очень неприглядное впечатление. Ее дерновое покрытие было местами размыто, обнажая покоробленные пластины теса и прогнившую бересту. Для того, чтобы попасть в это жилище, нужно было пройти по длинному коридору, ведущему с южной стороны к торцовой стене, вход в который прикрывал полог из потертой оленьей шкуры.

Внутри помещения было просторно, но смрадно. В центре комнаты в неглубокой яме, обложенной камнем, тлели угли под же-

лезным котлом, источающим неприятные рыбные испарения. У противоположной от входа стены зияла прокопченная пасть чувала, устроенного из жердей, обмазанных глиной. За длинным тесовым столом, против мелких оконцев, обтянутых оленьими пузырями, сидело шестеро жильцов, занятых какой-то работой. Как объяснил Тайша, старуха и трое молодых женщин разминали нити крапивы для пряжи, а двое подростков скоблили костяными скребками звериные шкурки.

Брезгливо поморщившись, Борятинский сказал:

— Тут, Володимир, можно сдохнуть от смрада. Поговорим со стариком на свежем воздухе.

Выйдя за ворота, глубоко вдохнув аромат смолистой хвои, он осмотрелся по сторонам, оценивая месторасположение городка, и спросил старика:

— Что угораздило тебя, Тайша, поселиться столь далеко от реки, от которой ты кормишься рыбой?

Старик, обдумывая ответ, закатил глаза, облизнул узкие полоски губ, пожевал беззубым ртом и сказал:

— Не только моя семья укрылась в урмане от вражеских глаз, но и другие живут вдали от реки. Когда наступает время лова, мы сходимся на протоках, на песках или озерах и сообща обеспечиваем себя запасами рыбы. В остальные дни каждый охотник занят добычей зверя в своем угодье. Потому и живем не в одном городке, а врозь.

— И сколько таких городков вниз по реке?

— Десять и еще семь. А дальше, на горе, в большом городище, живет наш князь Барс с богатырями. Там есть и селище.

Весь этот разговор усердно записывал в тетрадь подьячий Ерошка. Он уселся на колоду, которую подтащили для него казаки, поставил перед собою походный столец и, макая в чернильницу гусиное перо, старательно выводил каждое слово.

— Ты сказал — «богатыри»? Кто они такие? — спросил Борятинский.

— О! Это великие воины! От них зависит мир на нашей земле. Они наша защита от любого врага.

— Но кто они такие? — повторил вопрос воевода.

— Это братья князя, мужья его сестер, его взрослые сыновья и сыновья родственников. Все они умеют сражаться и побеждать. Они не ходят на добычу соболя, а ловля рыбы для них только потеха. Соболями и рыбой их снабжаем мы, простые люди.

Борятинский насторожился и подмигнул Оничкову.

— И сколько соболей вы им отдаете? — спросил он.

— Отдаем столько, чтобы каждый богатырь и их слуги могли отвезти в Сургут по десять соболей. А еще по пять соболей отдаем в сокровищницу князя.

— А о льготе, которую на год дал царь Руси, ты знаешь?

— Все знают. В году ясак платили только князю.

— Так-так... Уважаю, когда правду мне говорят... — сказал Борятинский и вдруг спросил: — Не люб тебе князь?

Старик замялся, облизнул губы и сказал:

— Он посланник богов. Как же его не любить? Без него пропадем.

— Да, да... А теперь поведай — кто у тебя добытчик и где он?

— У меня их двое. Сыновья. Они ушли на охоту. Если принесут лося или оленя, то избежим голода. Семья-то у нас велика, двенадцать душ. А если потом наловим достаточно рыбы, то собак сбережем. Ведь без них никак не обойтись, когда наступят холода и начнется охота на пушного зверя. Очень трудно изловить шесть десятков соболей, чтобы все долги раздать да себе оставить для мены.

Борятинский скосил глаза на тетрадь, отметив усердие Ерошки, и назидательно произнес:

— Запомни, старик, что я сейчас тебе скажу, и возвести об этом по всем городкам. Через месяц кончается срок царской льготы и наступает время платить ясак, но не по десять соболей с лука, как было, а по одиннадцать. Для вас это небольшая прибавка, учитывая, что вы целый год всю добычу брали себе и нарушали запрет — делать мены с купцами в своих домах. Ныне за это я буду пороть плетьми и сажать в тюрьму любого вора, будь то остяк или купец.

Тайша покорно выслушал угрозу воеводы, глядя ему в глаза, и попросил немного задержаться для вручения поминок. Быстро пройдя в дом, он вынес пять соболей, два десятка белок, выдру и черную

лису. При этом он пожаловался на то, что некоторые служилые наведываются в городок, чтобы обманом или силою отобрать пушнину.

— Мои казаки к такому воровству не причастны, — заверил атаман Зубакин. — Это может быть только дело рук новоприборных. Эх! Как только прибудем в Сургут, произведу дознание и сыск. Всыплю ворам!

— Всыпь крепко, чтобы мало не показалось, — сказал Борятинский и затем прошептал Оничкову: — Хороши поминки! Если так и дальше пойдет с дарами, то с пустыми руками не вернемся.

— Думаю, что сбор поминок будет не мал, так как за льготный год многие обогатились, — согласился Оничков и сказал: — Однако для меня новость, что будем брать ясак по одиннадцать соболей. Это наказ Москвы?

— Нет такого наказа. Но это неважно. Выдюжат остяки еще по одному соболю, не разорятся, а у нас будет прибавка в шесть сотен. Нам, Володимир, следует не упускать ни одной возможности заслужить перед государем, чтобы получить знатное жалованье.

— Дай Бог, чтобы твоя надежда оправдалась, а не обернулась против нас...

— Не обернется! Если так рассуждать, то и посылку на Пур следует отменить. Возможно, Мангазея уже прибрала к рукам асинную и кунную самоедь. Пусть так! Но мы все же что-то да привезем оттуда, а Москву попробуем убедить в выгоде сдачи ясака теми племенами в Сургут.

Вернувшись к прибрежному яру, отряд продолжил путь в поисках очередного городка, вглядываясь в просветы чащоб, выискивая какие-либо следы или намеки на тропку. Дело оказалось непростым и пришлось признать, что вряд ли удастся за день найти и посетить все упрятанные в урманах жилища.

После часового тщетного поиска Борятинский сказал с досадой:

— Нужно было вожей взять. Хотя бы мальца от старика...

Не успев договорить, он вдруг остановил скакуна против ложбины, открывшей обзор на небольшое пространство. Там, под зеленою бровью леса, в лучах солнца блеснуло что-то, зазывая путников.

Песчаная ложбина была суха, но следы размывов говорили о том, что в периоды паводка и дождей здесь возникает строптивая

Соболи.

речушка. Следуя по ее дну, отряд незаметно приблизился к городку, такому же, как и прежний.

Возле ограды у одинокой березки неподвижно стояла на привязи стройная лошадка с переметными сумами, понуро опустив голову, словно вслушиваясь в нерушимую тишину. Но стоило появиться конникам, как лошадка тут же встрепенулась и разразилась приветным ржанием. Вслед за нею, за воротами, забрехали собаки, а с ближайшего кедра слетел краснобровый глухарь, захлопав жесткими крыльями.

На шум из избы вышли два человека. Один в летней одежде из рыбьих шкур, а другой — в нарядном красном кафтане и сафьяновых сапожках.

Борятинский приказал хозяину загнать в укрытие собак и открыть ворота. После этого он въехал во двор и, сверля взглядом горожанина, строго спросил:

— Кто таков и что здесь делаешь?

— Микита я, из купцов. По знакомству в гости приехал.

— А это мы сейчас узнаем, по какому такому знакомству? Что у тебя за поклажа?

— Да разное, что в пути сгодится.

— Тогда поучи нас уму-разуму. Покажи это разное, нужное в дороге.

Лицо горожанина побагровело, по припухлым щекам потекли струйки пота. Дрожащими пальцами он пытался развязать шнурки на переметных сумах, но то ли у него не получалось, то ли надеялся бедняга, что надоест воеводе ждать и он отменит приказ.

Скривив губы в усмешке, Борятинский сказал Зубакину:

— Вижу, что без нашей помощи ему не обойтись.

Атаман подошел к лошадке, развязал подвязки на сумках и вытряхнул на землю их содержимое. На зеленой травушке тут же

золотыми и серебряными искорками заиграли ворсинки соболей и лисиц. Несколько ножей, от встряхивания сумок, разлетелись по сторонам, а медный, сверкающий щеками котелок, откатился под ноги Оничкову. Он поднял его с земли и с любопытством стал разглядывать свое словно раздутое лицо на выпуклой зеркальной поверхности.

— Как считаешь, Володимир, они заслужили кнута? — спросил Борятинский.

— Тебе решать, Яков Петрович. Может быть, на первый раз ограничиться предупреждением?

— Э-э, такое потворство их не образумит. Будем пороть, дабы другим неповадно было. А ну-ка, атаман, скажи казакам, чтобы раздели преступников и положили на травку — мордами к добру. Начнем с остяка. Всыпьте ему десяток плетей.

Горожанин упал перед Борятинским на колени и стал молить его о пощаде:

— Помилуй, светлейший князь! Я уважаемый человек среди купцов и не вынесу позора. Не плети пугают, а унижение. Клянусь Богом, что теперь меня никогда не попутает бес!

— Поздно ты вспомнил о Боге, общаясь с бесом, — язвительно произнес Борятинский. — Если хочешь уменьшить унижение, то разденься сам и ложись.

Всхлипывая, смахивая с лица пот и слезы, купец спустил до колен панталоны, задрал на голову кафтан и рухнул на землю лицом к соболям. По-иному повел себя остяк. Он сопротивлялся, кусался, хватал и тянул на себя рыбью одежду, которую пришлось сорвать с него, разорвав на куски. Пока четверо казаков удерживали его за руки и ноги в лежачем положении, пятый хлестал по спине со всей руки. Однако остяк, сжав зубы, не проронил ни звука. Зато купец при каждом ударе по чужому телу вздрагивал и всхлипывал.

Выпоров остяка, казак поднял плеть над покорно лежащим купцом, но воевода остановил его.

— Этого пока не будем наказывать. Он мне понадобится во здравии. Когда вернемся в Сургут, там и решу, что с ним делать.

В один миг озаренный радостью, с мусором в бороде, купец вскочил на ноги и натянул шаровары.

Остяцкий воин конца XVI – начала XVII в.

— Милостивейший князь, вседневно я буду молить Бога о твоем здравии, желая тебе удачи во всяком деле, преданно выполняя любой твой наказ, усердствуя и повинуясь.

— Ладно. Сложи все обратно в сумки, а когда прибудем в Сургут — сдашь в казну соболей и лисиц.

А остяку Борятинский вымолвил:

— Ныне я еду к твоему князю Барсу и поведаю ему, как все было. Пусть он сам разберется с твоим воровством.

Посмотрев на небо, где, словно отара овец, медленно брели кудряшки белых облаков, Борятинский сказал:

— Думаю, что дождя не будет. Наверное, не стоит тратить время на поиски городков. Давай, Володимир, поедем без задержки к князю Барсу, дознаемся обо всех его намерениях, переночуем там, а завтра с его вожами посетим остяцкие избы.

— Уже полдень. Не возвращаться же с полпути в Сургут? Однако следует и поспешить, чтобы доехать до горы засветло.

— Тогда — в путь!

— Об одном хочу попросить тебя, Яков Петрович. Будь осмотрителен с князем, не обидь его ненароком, — сказал Оничков.

— Постараюсь... — недовольно буркнул воевода.

3

Вершина горы, на которую въехал отряд, представляла собою плато, приютившее селище из полутора десятков домов, хаотически разбросанных среди островков леса, и городка, расположенного на вырубке и укрепленного неширокими мелким рвом и валом высотою всего в четверть сажени.

Однако взоры сургутян приковала к себе отдельная площадка, на которой шло соревнование по владению оружием между воинами племени.

— Наверное, это те самые богатыри, о которых говорил старик, — сказал Оничков. — Давай, Яков Петрович, посмотрим на них со стороны, чтобы не спугнуть.

Схоронившись за густым подлеском и кустами, казаки с интересом наблюдали за происходящим. Одна группа остяцких воинов, облаченная в кольчуги, панцири и железные шлемы, состязалась на мечах и боевых топорах, а другая — метала дротики.

С западной стороны площадки, где солнце не являлось помехой для наблюдения, расположились зрители. Те, что сидели на тесовых скамьях и выделялись яркими одеждами, судя по всему, составляли княжескую знать, а те, которые серой массой толпились за их спинами, были, видимо, черный люд, слуги.

— Пожалуй, пора нам объявиться, — сказал Борятинский и выехал из укрытия.

Внезапное появление вооруженных людей вызвало переполох среди зрителей, но не испугало воинов, которые мгновенно выстроились в боевой ряд. Но человек, выступивший вперед, вложил в чехол саблю и поднял руку, призывая народ к спокойствию. Легко было догадаться, что это был не кто иной, как сам князь Барс. В спокойном, неторопливом продвижении колонны казаков он не усмотрел угрозы и поэтому невозмутимо дожидался приближения нежданных гостей.

На расстоянии трех-четырех десятков шагов Борятинский остановил скакуна, спешился, сказав, чтобы Оничков, Зубакин, Ерошка и толмач приняли участие в переговорах, и подошел к князю.

Это был немолодой человек среднего роста и крепкого телосложения. Всем своим обликом он значительно отличался от других воинов, обремененных тяжелыми латами и панцирями. На нем была лишь легкая кольчуга с бронзовыми накладками на плечах да широкий пояс, расшитый серебряной нитью. Кроме того, его осанка, гордо приподнятый подбородок, небрежно опущенная рука на рукоять сабли — нарочито указывали на отсутствие

склонности к заискиванию перед русскими начальниками. Он опередил слово Борятинского, выставив вперед ладонь, и изрек:

— Я знаю, что сегодня ты главный посланник белого царя в Сургуте. Надолго ли? Уже много сменилось воевод, но ни один не побывал на нашей горе. Ты первый — и это у меня вызывает тревогу. Чего ждать — добра или зла?

Речь вождя освободила Борятинского от фальшивого приветствия, и он с охотою ответил:

— Разве, князь, русские причинили тебе зло? Насколько мне известно — ты обложен ясаком вдвое меньшим, чем была плата Кучуму-царю. Племена Сибири стонали под его гнетом. Он призывал воевать против Ермака, и ты покорно посылал людей в его войско. Но разве русские наказали тебя за это? Разве ты дал клятву верности Руси и ее государю из страха мести? Нет! Ты не желал возврата жестокого хана! Ведь так?

— Так! — подтвердил князь Барс. — Но когда пришли вы с огненным оружием, когда построили Сургут и небесный дом-церковь, а шаманом у вас стал поп с крестом, то священный лебедь взмахнул крыльями и улетел в небо — в приют наших богов и духов. И пустынно теперь круглолицее озеро.

— Почему ты думаешь, что лебедь улетел из-за нас? — удивленно спросил Борятинский. — Улетел один — прилетит другой.

— Может быть, и прилетит, если твои казаки перестанут обижать моих людей, — суровым голосом сказал Барс. — Казаки, как волки, а мои охотники беззащитны перед ними, как олени.

— Какие же обиды они чинят?

— Они наезжают в городки, где живут одинокие семьи, и обманом или силою отбирают у них соболей.

Борятинский опешил, бросив гневный взгляд в сторону Зубакина, но Оничков пришел к нему на выручку:

— Думаю, что это не казаки Богдана, а новоприборные, — сказал он.

— Обещаю, князь, что я накажу виновных, — пообещал Борятинский. — Однако и твои люди уличены мною в воровстве. Одного из них пришлось высечь плетью. Он нарушил запрет принимать у себя купцов и вести с ними тайную мену.

Настала очередь прогневаться и князю Барсу. Борятинский тут же воспользовался этим и предложил совместное посещение городков.

— Хорошо, — сказал Барс, — завтра, как только растает туман под взглядом солнца, мы отправимся в путь. А переночевать твои люди могут в наших домах.

Оничков шепнул Борятинскому:

— Не следует разъединять казаков. Нужно для ночлега устроить свой стан. Кто знает — что на уме у этих богатырей?

Борятинский в знак согласия сжал Оничкову руку и сказал Барсу:

— Для начала я готов посмотреть на твои дома в городке и селище, пока еще не зашло солнце. Веди нас и показывай.

Когда князья и их свита из казаков и остяков переходила через мостик, переброшенный через ров, Борятинский высказал Барсу мнение о непригодности защитных сооружений на случай осады их неприятелем, на что получил ответ:

— Да, ты прав, воевода. Наши предки, вооруженные только дубинами, кроме луков и копий, рыли глубокие рвы и ставили высокие стены. В то время многие племена были очень малы, слабы и беззащитны из-за недостатка мужчин-воинов. Кто был сильнее, тот нападал на слабых, убивал, грабил

святилища, уводил женщин. Поэтому приходилось строить надежные укрытия. Теперь же племена объединены в княжества, и каждое имеет войско богатырей, способное защитить свой народ в открытом бою.

— А ты не боишься нападения тех, кто сильнее тебя?

— Кроме чумыль-купов с реки Васюган, мне некого больше опасаться. Однако я и их не боюсь. У них нет таких опытных воинов, как мои, и нет такого хорошего оружия. Кроме того, у меня договор о союзе с князем Бардаком.

Вначале осмотр городка произвел на приезжих удручающее впечатление. Беспорядочно разбросанные, почерневшие от времени бревенчатые, приземистые дома, были похожи на распластавшихся чудищ, взирающих глазницами, подернутыми мутными пеленами. Возле каждого жилища стояли на четырех высоких столбах лабазы, обтянутые оленьими шкурами, и зияли углубления кострищ, с висящими над ними продымленными котлами. Единственное, что скрашивало убогую серость, это раскидистые ветви с сине-зеленой хвоей над крышами да молитвенный шепот листьев одиноких осин.

По-иному выглядела южная часть горы, относящаяся к городку. Там, перед крутым склоном, расступался кедровый урман, открывая взору речные и долинные просторы Оби, а в зеленой тени кедров затаилось святое место, огражденное высоким острокольем с железными воротами.

Во внутрь этой территории князь Барс согласился пустить только Борятинского, Оничкова и толмача, а с собою взял доверенного слугу. Казакам и богатырям было велено ждать за воротами.

На посыпанной песком и тщательно выровненной площадке располагалось два сооружения — большой прямоугольный дом, охраняемый двумя стражниками в доспехах, и маленькая избушка на высоких ногах, над которой трепетала белесой листвой престарелая лиственница, украшенная цветными кусочками материи. Перед избушкой стоял врытый в землю, высотою в сажень, деревянный идол в собольей шапке. Казалось, что его грозный взгляд из-под нахмуренных бровей и ироничная улыбка тонких губ, обмазанных кровью, выражают превосходство воплощенного в нем духа

12 Заказ 462

над всеми людьми. Рядом с идолом лежал огромный жертвенный камень, так же со следами крови на плоской поверхности.

— Ну и камешек! — удивленно воскликнул Борятинский. — Тут окрест и маленького не найдешь, чтобы бросить в собаку. Где же его взяли? Однако более любопытно — что находится в избе под стражей?

Князю Барсу очень не хотелось допускать туда русского воеводу. Он вспотел, лицо его побагровело, пальцы сжали рукоять сабли, когда Борятинский направился к заветной двери. Оничков сжал Барсу руку и сказал:

— Не гневись, князь. Мы не причиним зла и никому не поведаем о твоих тайнах.

В конце концов Барс уступил настойчивой просьбе гостей и послал слугу разжечь в чувале огонь, чтобы осветить помещение.

Это было восхитительное зрелище. Пол и стены покрывали ковры изумительной красоты. Персидские, бухарские и иных южных стран — они пестрели яркими цветами мозаики и изображениями диковинных зверей, а на них висело дорогое оружие — сабли и кинжалы. По двум дальним углам, прислоненные к стенам, стояли боевые топоры и тяжелые мечи. Часть комнаты, ближней к входу, была заставлена поставцами, обвешанными связками соболей и серебристых лисиц. Отдельно, на возвышении, устроенном из отполированных кедровых пластин, стояли серебряные и позолоченные кубки, чаши, блюда и вазы, а между ними ларцы из красного и черного дерева, в которых, словно звезды, сверкали драгоценные каменья. Увиденные сокровища захватывали дух.

— Откуда все это? — спросил Борятинский у Барса.

— Раньше к нашим отцам с таким товаром приходили бухарские купцы и делали мену на соболей.

Борятинский сказал Оничкову:

— Завладеть таким богатством найдется немало охотников. Вот почему не городище, а кумирня и сокровищница ограждены крепостными стенами, за которыми могут укрыться все богатыри князя. Иметь бы нам в Москве это добро, Володимир. Вот зажили бы! А?

— Выбрось из головы, Яков Петрович, дурные мысли, — испуганно сказал Оничков. — Стоит русскому человеку посягнуть на

святыни и сокровищницы любого княжества остяков, как по всей Сибири разразится бунт.

— Я понимаю, что это так. А жаль...

Покинув пределы городка, все направились к селищу, где хаотично разбросанные по урману дома занимали значительную площадь. Там, несмотря на терпкий аромат хвои, воздух был осквернен запахами гниющих отбросов и уже знакомыми рыбными испарениями из котлов.

Во время объезда Борятинский морщился, был раздражен, придирчив, и часто повторял подьячему:

— Ты пиши, братец, пиши. Всех перепиши.

Ерошка с тетрадью в руке и чернильницей на груди, подвешенной с помощью бечевы, говорил:

— Пишу, Яков Петрович, пишу.

— Я с этих бестий сполна возьму ясак.

— Они и так исправно каждый год платили.

— Мало платили! Теперь по одиннадцать соболей с каждого дыма отдадут!

— По наказу государя — по десять, — уточнил Ерошка, бросив взгляд на князя Барса.

— А я говорю — по одиннадцать!

Вдруг Борятинский вспомнил о купце.

— А где наш преступник? — спросил он Зубакина.

— Помогает оборудовать стан для ночлега.

— Приведи его сюда.

Когда появился купец, воевода ласковым голосом заговорил с хозяином дома о его жене, о детях, о здоровье и, как бы между прочим указав на купца, спросил — знает ли он этого доброго человека?

Не заподозрив подвоха, остяк осклабился радостной улыбкой, закивал головой и сказал:

— Его все у нас знают. Он добрый, ой, добрый человек! Хорошие товары привозит.

— А не обижаете вы его?

— Нет, никто не обижает! Лучших соболей ему отдаем!

Смахнув пот с жирного лица, купец с ненавистью посмотрел на остяка, а Борятинский, криво усмехнувшись, сказал:

— Слыхал, Микита? Свой ты тут человек, желанный. А теперь иди обратно, в помощь к казакам.

Откровенность остяка повергла в растерянность князя Барса, исказив его лицо многообещающим гневным взглядом, что разогнало мрачность Борятинского.

— Теперь вождь у нас, как окунь на крючке, — сказал он Оничкову. — Придется ему задабривать меня знатными поминками.

На этом объезд завершился. Борятинский пришпорил коня и поскакал ко стану. Сопровождающие последовали за ним.

Место для ночлега Зубакин выбрал такое, чтобы стража могла обозревать все подходы. В его центре установили шатер воеводы, а вокруг него сделали лежанки из лапника елей и сосен, и разожгли костры, от которых сразу повеяло манящим духом жареного мяса. Это князь Барс в знак гостеприимства велел зарезать несколько овечек из своего стада.

Отговорившись от ужина в доме вождя, Борятинский пригласил Барса к своему костру, пообещав угостить русскими медами.

Вечер выдался тихим, безветренным, раздольным для гнуса, но колючие искры костра и несколько курильниц, заботливо расставленных Зубакиным, создали надежную защиту места трапезы. Кроме Оничкова, воевода позвал на ужин атамана, толмача и подьячего, сказав ему:

— Ты, братец, продолжай делать записи в тетрадь и держи под рукой поминочную книгу.

Борятинский усадил на походные складные стольцы избранную компанию, вдохнул аромат поджаренного мяса, и сказал казакам, призванным в услужение:

— Поспешайте, други, а то помру от голода!

Двое казаков тут же сняли с огня и положили на плаху заднюю часть барана, порубили ее палашом на куски, и наполнили чаши брагой. А Ерошка прочитал молитву, вызвав косые взгляды князя Барса.

— Это твой шаман? — спросил Барс у воеводы.

— Что-то вроде того, — неопределенно ответил Борятинский и предложил выпить за князя и его народ.

Некоторое время все были заняты утолением голода. Ели молча. Было только слышно, как недалеко колдует кукушка.

— А где твой шаман? — вдруг спросил Борятинский у Барса. — Почему ты не познакомил с ним?

— У меня нет шамана. Я сам с духами разговариваю.

— Сам? Как же так?! И в бубен сам бьешь?

— Я все делаю сам!

— Да-а... Велика твоя власть. Ни с кем не хочешь делить?

— Не хочу!

— Тогда скажи мне — почему у твоего деревянного предка губы в крови?

— Когда на жертвенном камне я убиваю овцу или оленя, на запах мяса слетаются духи, чтобы насладиться кровью. Мы пьем из одной чаши — я и дух предка. Поэтому у него и губы в крови.

Подмигивая Оничкову, подпаивая остяцкого князя, Борятинский стал восхвалять его за мудрость в создании боевой дружины богатырей, за верность русскому царю, за исправную сдачу соболей, за достоинства, коих нет у князя Бардака. Последнее вызвало особое удовольствие у захмелевшего Барса. Он стал бахвалиться своею проницательностью и сказал, что не очень доверяет Бардаку, который при любых выгодных для него обстоятельствах может войти в сговор с соль-купами и нарушить договор о мире. А недавно у Бардака и тут побывали люди нарымского князя Кичея, которые склоняли к бунту против Сургута. Но он, Барс, их прогнал.

Это сведение очень насторожило Борятинского. Он попытался разузнать о каких-либо подробностях в намерении соль-купов, но Барсу они не были известны. Устав от долгой беседы, посчитав, что больше ничего полезного не выведает, Борятинский зевнул, бросил взгляд на светлое небо в розовых кудряшках туч, и сказал:

— А ночи тут белые.

— Белые, — сказал князь Барс. — Это оттого, что белые лебеди прилетают.

Утром к шатру воеводы выстроилась вереница людей с поминками. От каждого дыма несли то, что имели в запасе — соболей, лисиц, белок, куниц, бобров и горностаев. Несли понемногу, а набралась целая гора мехов.

Одновременно казаки сворачивали лагерь и седлали коней.

Не заставил себя ждать и князь Барс. С пятью всадниками он подскакал к Борятинскому и сказал, что готов отправиться в путь.

На объезд городков ушел весь день, и только к заходу солнца экспедиция вернулась в Сургут. В знак благодарности за богатые поминки, которые умножились на обратном пути, Борятинский наделил остяцкого князя зерном и солью из государевых житниц.

— Пусть нам помогает не только кнут, но и ласка, — сказал он Оничкову.

4

Посещение остяцких городков позволило Якову Борятинскому понять суть местных нравов и утвердиться в мысли, что находчивость и твердость характера в сборе мягкой рухляди — это залог успеха в достижении основной цели — заслужить великое жалованье у ненавистного ему государя Бориса.

Чтобы прибрать к рукам все нити торговли соболями, он без промедления приступил к строительству гостиного двора. Отвергнув предложение помощников по его размещению на площади слободы, он сказал:

— Только в остроге быть гостиному двору! Неважно, что это приведет к толчее людей вблизи с нашими хоромами и житницами. Зато мы сможем уследить за всеми менами и не допустить воровства. Тут же, на глазах, будет и прием от промысловиков пушного зверя, и сбор пошлин. А слобода — это раздолье для мошенников, которые будут делать вид, будто пришли в гостиный двор, а на самом деле производить мены по закоулкам и углам. Однако они и так будут к этому стремиться, но мы им помешаем и загоним в острог с помощью дозорной стражи, которую пустим ходить по слободе днем и ночью.

Все до мелочей предусмотрел воевода, а осуществлять задуманное поручил Оничкову.

— У тебя, Володимир, богатый опыт и в строительстве, и в прочих делах службы, а я и Пивов новички. Поэтому бери все в свои руки, — сказал Борятинский.

Оничков с охотой взялся исполнять поручение. Он хорошо знал каждого человека в Сургуте, и умело распределил между ними

обязанности. Атаману Богдану Зубакину с его казаками и остяками князя Бардака он велел валить и подтаскивать лес, а пятидесятнику Дееву — возглавить возведение построек, придав ему всех плотников.

Наблюдая за тем, как не по дням а по часам вырастают срубы стен, Борятинский решил, что пора подобрать и целовальника. Перебирая в уме посадских людей, он вдруг вспомнил о провинившемся купце, которого на две недели засадил в тюрьму. Повелев привести его в съезжую избу, он грозным голосом сказал:

— Ну, как, Микитка, уразумел свое преступление против царя Государя всея Руси? За твое воровство не под кнут, а на виселицу следует тебя отправить.

Перепуганный купец рухнул в ноги воеводе, моля о пощаде:

— Смилуйся, светлейший князь! Осознал я свою вину и готов верою-правдою служить тебе и заслужить прощение.

— Это хорошо, что осознал. Оно, когда на воде да полбе сидишь в заточении, мозги промываются. Поднимись с пола и отвечай на вопросы, но без вранья, если желаешь избежать наказания смертью.

Купец вскочил на ноги, продолжая с испугом смотреть на грозного воеводу.

— А ты не из храбрецов, — сказал Борятинский.

— Да, я боюсь всякого, у кого власть. А в поле против врага — могу рубиться на равных с казаками.

— Вот как? Это уже что-то. А скажи — много ли наворовал в Сургуте?

— Правду сказать?

— Я же предупредил, чем грозит тебе ложь.

— Тогда признаюсь — заработал немало.

— А остяцкий язык разумеешь?

— Не первый год веду с ними торговлю — вот и научился.

— А у других купцов ты в уважении или нет?

— Они уважают меня и даже побаиваются.

— Отчего так?

— Слаб я на воздержание от рукоприкладства. Чуть что не по мне — бью в морду. А одного саблей изувечил.

Борятинский задумался, осмысливая услышанное.

— Вот что, Микитка, — сказал он после раздумья, — прощу я тебе все вины, если честно послужишь у меня целовальником. Ты согласен?

— Согласен, согласен! Богом клянусь служить честно! Век буду молиться за твое здравие, Яков Петрович.

— Вот и ладно. Теперь иди к подьячему Ерошке и подготовь с ним нужную книгу. Принимать соболей и брать пошлины начинай с сего дня. Ходи по слободе да посматривай, чтобы не было воровства. А ежели что заметишь, сразу мне доноси. Ступай!

В конце июля из Тобольска прибыло судно. Приятной неожиданностью было то, что без запроса Сургута высшее начальство прислало вино, мед, солод и хмель для пивоварения.

В отписке тобольского воеводы излагалось указание Москвы о предстоящем сборе ясака: «И как к вам ся наша грамота придет, и вы тотчас послали во все ясачные волости и в остроги, и велели быти к себе князькам и лутчим людям. А как они в Сургут будут, и вы бы им велели бытии у себя в съезжей избе, а сами и служивые люди в те поры были в цветном платье, и сказали им наше царское жалованье: что мы, великий государь царь князь Борис Федорович всеа Русии, велели князю Якову Борятинскому да Володимиру Пивову их во всем беречь... и ясак с них имать, как кому мочно заплатить, смотря по вотчинам и промыслом. А которые люди почаюют шатости, на кого какое воровство и измена сыщетца, над теми ясачными людьми промышлять, чтоб их повоевать и ясак собрать сполна...

А ясатчиков посылати по ясак стрельцов и казаков, выбирая лутчих, добрых и присужих, и которые душою прямы; и, посылаючи их, товаров у них продажных осматривати, чтобы с ними продажных никаких товаров не было; и как ясатчики поедут из городков и из волостей назад в Сургут, и им посылати навстречю, и велети ясатчиков обыскивать посульные и продажные мяхкие всякие рухляди. Да что у ясатчиков сыщут, то вся рухлядь взятии на государя, а тех ясатчиков велеть бити и метати в тюрьму на неделю и на две, чтоб на то смотря, иным неповадно было воровати...

А которые князьки и ясачные татарове учнут приезжати в Сургут с ясаком и вестьми об изменниках, тех поить и кормить гораз-

до, и ласку и береженье к ним держать великое, и отпускать их к себе, не задержав»

— Что скажете, други? — спросил Борятинский помощников, когда те пришли в приказную избу и ознакомились с отпиской.

— Все ясно, — сказал Пивов, — будем следовать указу. А коли станем пиво варить, то в самый раз поставить на слободе кружечную. Хороший доход соберем.

— Да погоди ты с этим! — возмутился Борятинский. — Другое важнее. Как можно собрать в одночасье лучших людей из инородцев, которые за десятки и сотни верст живут?

— До этой зимы не собрать — времени недостаточно, — сказал Оничков. — А в лето у нас другие важные дела. Зубакина с казаками на Пур пошлем. Тугарину предстоит заниматься заменой годовальщиков на Нарыме и обеспечением их всякими запасами на год. Сразу по весне отправим в Москву государеву соболиную казну. Еще придется посылать ясатчиков в места, откуда зимою не привезут в Сургут ясак. Хорошо если на все эти дела стругов хватит да людей.

— По уму рассудил, — одобрил Борятинский. — Общее собрание отменяем. Кого попутно призовем — и они приедут, с теми раздельно и проведем беседы. Одних приласкаем, других — пострашаем, если понадобится. Все у вас?

— Нет, не все, — сказал Оничков. — Я думаю, что не следует обижать сыском казаков, которым поручим сбор ясака. Мы ведь на это дело отберем самых надежных и честных ребят. А чтобы не было искушения, ознакомим их с отпиской.

— Согласен, — сказал Борятинский. — Дьяки в Москве считают, что у нас тут сборище одних воров. Однако, Володимир, ты уверен, что не будет воровства?

— Не сомневаюсь. Хотя, моя бы власть, разрешил бы казачкам в награду за тяжкий труд делать мены и покупки. Не обеднела бы от этого царская казна, а может быть, и приумножилась из-за усердия.

— Поостерегись, друже, говорить такое на людях. Вмиг доносчик найдется.

— А я, Яков Петрович, не боюсь. Дальше Сургута уже не сошлют.

Борятинский захохотал, схватившись обеими руками за живот, и сказал сквозь смех:

— А вдруг в Москву заберут, чтобы не смущал сибирский народ? Вот это будет наказание! Однако вернемся к нашим делам... Кстати, нашли кого-нибудь, кто чинит поруху в остяцких городках?

— Ищет Зубакин, и украдом посадил дозорщиков на тропе.

— Это хорошо! Как только выловит кого — сразу пусть ко мне ведет. А теперь, други-товарищи, давайте посмотрим — как работают плотники на гостином дворе.

Строительство близилось к завершению, здание уже было под крышей, углы пестрели свежими срубами, а изнутри доносились стуки и повизгивание пил. Там велась отделка.

Борятинский от удовольствия потер руки и сказал:

— Хороша избенка!

5

В конце августа гостиный двор был полностью завершен и начал принимать первых посетителей. Оничков чувствовал удовлетворение от результатов своего вклада в нужное дело, но не мог подавить в себе какую-то неясную тревогу, неприятное чувство ожидания. Однако время шло, а ничего ужасного не происходило.

Наступил сентябрь — не дождливый и не холодный. Не в первый раз желая уединения, Оничков вышел к берегу Оби на излюбленное место и уселся на ствол упавшей сосны. Рядом росли другие гиганты, ожидая своей очереди подмыва и падения. На шершавой коже ближайшего дерева были видны сгустки янтарной смолы — прозрачной, как слезы. Полюбовавшись на них, он стал обозревать знакомые речные просторы. Но не над ним ли хохочут халеи? Не его ли освистывают проносящиеся стаи уток? Нет...— это всего-навсего обычные звуки живой природы. Всякая божья тварь занята своими делами и дает об этом знать другим.

Наблюдая, как над гладью реки, будто заколдованные, зависают трепещущие чайки и затем камнем падают вниз, Оничков не сразу увидел то, чего более всего желал. Когда же он бросил взгляд в сторону верховья Оби, его сердце радостно затрепетало. Оттуда, словно белые лебеди, неслись на раздутых парусах долгожданные струги.

Возвращение Тугарина с Енисея вызвало и ликование жителей Сургута, и печаль. Не вернулось восемь человек, погибших в стычках с аборигенами и умерших от болезней. Пятерых пленников, сыновей князьцов, захваченных в качестве аманатов, поселили в тюрьму, а кули с пушниной немедля отнесли в приказную избу.

Борятинский пребывал в радостном изумлении. Оничков ему сказал, что столь богатая соболиная казна собрана впервые за шесть лет, и что Тугарин и его казаки заслужили награды — следует каждому выдать хотя бы по рублю денег и по чети хлеба. Воевода согласился с этим предложением и, кроме того, призвав попа Илинарха, велел провести молебен во славу геройства казаков, помянув тех, кто на чужбине лежит в сырой земле. Затем он устроил праздничное пиршество на площади острога, пригласив всех участников дальней посылки на Енисей. Этим он снискал уважение и почитание служилых людей, безоговорочно готовых пойти на новые испытания.

Казалось, уже ничто не омрачит хорошего настроения людей, но тут Зубакину все-таки удалось выловить двух стрельцов, налетчиков на остяцкие городки. Было решено всенародно подвергнуть их наказанию на слободской площади, посадив предварительно в тюрьму.

К назначенному дню привезли остяков князя Барса, чтобы они увидели, какой каре подвергнуты их обидчики.

В полдень стрельцов привязали к позорным столбам, обнажив им спины. По сигналу Зубакина палач, ловко орудуя кнутом, стал поочередно хлестать одного и другого преступника, сопровождая каждый удар громким гортанным звуком. Отсчитав по тридцать ударов, он протер кнут от крови и сунул его за пояс.

— Такое наказание ожидает всякого, кто нарушит закон, кто замарает честное имя то-

варищества, — громогласно заявил Зубакин, обращаясь к многоликой толпе.

Горожане расходились молча, понуро опустив головы, а родственники освободили от веревок окровавленных стрельцов и, поддерживая под руки, повели домой.

После этого события в городе потекла обычная жизнь...

Зима не принесла ничего нового, кроме хлопот по подготовке к предстоящим походам. Но и это было обычным делом.

Весна наступила ранняя, дождливая. В первых числах мая Обь и ее притоки сбросили ледяные оковы, затопили пойменные луга, превратив их в моря, по которым загуляли штормовые волны. Но отчаянных пловцов это не пугало. Просмоленные, оснащенные парусами струги дожидались своего часа, чтобы устремиться по неизведанным путям в Мангазейскую страну.

Прежде всего, было решено посетить городище князя Бардака. На двух двадцативесельных стругах Оничков и Зубакин отправились к устью Тром-егана.

Князь Бардак, узнав о цели приезда сургутских начальников, сказал раздраженно, скривив лицо:

— Каждое лето я посылаю своих людей на Пур-реку и собираю ясак для себя. Я не хочу этого лишаться.

— Не хочешь, но придется, — сказал Оничков и извлек из сумки царскую грамоту. — Я зачитаю из царского указа то, что в нем касается тебя, князь. Слушай:

«...В Сургутском уезде вверх Пур реки живут кунная и асицкая самоедь человек триста и больше, а государева ясаку не платят и в город Сургут не приходят, а емлет де с них ясак Бардак себе. И воеводе говорити Бардаку: то люди государевы вольные, а он с них емлет ясак себе напрасно, полно Бардаку и тово, что ему своими людьми владети. И он бы Бардак однолично государю тем послужил, тое кунную и асицкую самоедь под государеву под царскую руку привел и ясак с них собрал по государеву указу сполна и заклады у них поимел и в город Сургут привел, и государь за его службу пожалует своим великим жалованьем...»

Бардак задумался, опустив голову. Оничков воспользовался его молчанием и сказал:

— Конечно, однолично ты не будешь этим заниматься. Привести к шерти самоедь, взять с них клятву нужными словами можем только мы, русские. Поэтому на Пур пойдет большой отряд казаков, а ты в добавку выделишь сорок человек и сына Кинему. Сам же будешь дожидаться возвращения людей в Сургуте.

— В аманатах хотите меня держать? — спросил Бардак с нескрываемой злобой.

— Ты раздражен, князь, и это мешает нашему взаимному пониманию. Летом в городе будет мало служилых, так как многие разъедутся по всяким делам. Нужно же кому-то остаться, чтобы оберечь Сургут от возможного вражеского набега. При таком случае мы рассчитываем на твою помощь.

Поводив скулами, словно что-то пережевывая, Бардак сказал:

— Сначала я узнаю, что думают об этом духи предков, и тогда дам ответ.

Зубакину и Оничкову ничего не оставалось, как согласиться.

Бардак сделал какие-то распоряжения слугам, позвал шамана, после чего толпа остяков и казаков направилась вслед за начальниками к святому месту. Здесь многое напоминало то, что Зубакин и Оничков видели прошлым летом на горе князя Барса. Такая же древняя осина, украшенная цветными кусочками материи, такой же деревянный идол с губами, обмазанными кровью, и большой плоский жертвенный камень, к которому привели для заклания молодого оленя. На незначительном расстоянии от этого места уже полыхал костер, готовый превратить жертву в пахучие куски обжаренного мяса. Для удобства участников камлания — вокруг кострища размещались узкие столы и лавки, бревенчатые ноги которых были вкопаны в землю. На эти лавки князь Бардак усадил гостей и уселся сам, дав шаману знак — приступить к священнодействию.

За шесть лет Оничков неоднократно присутствовал на подобных ритуалах и поэтому, в отличие от Зубакина, без особого любопытства наблюдал за происходящим.

Шаман бил в бубен деревянной колотушкой, приплясывал, простирал руки к небу, издавая гортанные звуки и выкрикивая непонятные слова, затем, внезапно обмякнув, громко произнес:

— Духи предков призывают пойти с русичами на Пур-реку. Они обещают удачу.

— Их духи не лишены ума, — сказал Зубакин Оничкову, усмехнувшись. — Они знают, что опасно нам воспротивиться.

Теперь беседа приобрела миролюбивый характер. Остяки подобрели, поедая куски молодой оленины. Согласившись на посылку своих людей под предводительством Кинемы, Бардак посоветовал как можно скорее выступить в поход, ссылаясь на дальний и трудный путь. При этом он предложил наиболее удобный маршрут на легких стругах — выйдя из его городища, перейти с Тром-егана на Ингу ягун, а с него на Высь ягун и далее через реку Пяку пур на Пур-реку, по которой можно дойти до моря.

В тот же день, вернувшись в Сургут, Оничков занялся просмотром всех указов и отписок в поисках каких-либо сведений о Мангазее, поступавших из Тобольска и Москвы, но мало чего добился. Удалось только узнать, что два года назад для проведывания Мангазейской страны был отправлен из Москвы некто Федор Дъяков, который с двумя отправленными с ним из Тобольска целовальниками был в тамошних местах и собрал ясак в государеву казну, с чем воротился в Москву в прошлое лето. Этим же летом туда были направлены воеводы Шаховский и Хрипунов с отрядом в сто пятьдесят человек. Однако их суда затерло льдами в Обской губе и служилым пришлось идти по суше на оленях в сопровождении местных жителей юраков, которые, воспользовавшись доверием воевод, не подозревающих злого умысла, перебили большую часть отряда.

Пожалуй, это была очень ценная информация, чтобы не допустить подобной потери бдительности и быть всегда на чеку. Несмотря на опасность стычек с местным населением, Зубакин все же считал, что не следует впадать в крайность и посылать слишком большой отряд, достаточно будет и семи десятков казаков. «Чем больше людей, тем больше хлопот и медленнее продвижение», — говорил он.

После проводов Зубакина, Оничков целиком включился в помощь Тугарину, подбирая смену годовальщиков и их снаряжение. Чтобы не перегружать струги, отобрали у одного из купцов каюк с

крышей над грузом и каютой в кормовой части, самое маленькое судно — длиною в восемь сажень и шириною в три. В него погрузили две тысячи пудов съестных запасов, житейскую рухлядь и инструменты, а пушку, ядра и порох разместили на стругах. Уже к концу мая все было подготовлено к отплытию, уже утром двадцать пятого числа казаки должны были покинуть родной берег, но накануне вечером произошло событие, нарушившее планы дальней посылки — из Нарыма на долбленке прибыл в Сургут соль-куп...

Выскочив на песчаную косу, где возле стругов хлопотали казаки, соль-куп, подергавшись по-собачьи, стряхнул брызги с мокрой шубы и на русском языке сказал:

— Ой, устал. Ой, есть хочу! Совсем ослабел. Отведите меня к главному князю.

Казаки обступили его, разглядывая с любопытством, а Первуша Колпашник спросил:

— Для чего тебе нужен наш воевода и кто ты таков?

— Наяк я, Наяк! Друг казака Осипа из острога в Нарыме. Я с важной вестью приплыл. Дни и ночи плыл. Спешил очень. Ой, устал! — извернувшись, соль-куп умудрился проскочить между казаками.

— Глянь-ко, братушки, да он проворен, как рыба! — воскликнул Первуша Колпашник. — Отведу его к воеводе.

Представ перед Борятинским и его помощниками, Наяк без промедления изложил причину своего появления:

— В Нарыме бунт! Басарга, брат сбежавшего князя Кичея, спустился по первой воде реки Кеть и захватил несколько городков. Он убил двух русских ясатчиков и склоняет жителей напасть на острог. Осип говорит, что нужна помощь.

— Кто такой Осип?

— А ты разве не знаешь? Это мой друг, казак из острога. Он меня и вашему языку обучил.

— Молодец твой друг. Заслуживает награды. А какой награды желаешь ты за важную весть?

— Хочу стать казаком и служить в Нарыме.

— Похвально! — одобрил Борятинский. — Только для этого ты должен признать нашего Бога и принять крещение.

— Мне об этом и Осип говорил. Я согласен.

— Вот и хорошо. Будешь у нас первым новокрещеным, — подвел итог воевода и сказал Первуше Колпашнику: — Накорми его, братец, да напои медом, а потом отведи к Илинарху. Пусть он на завтра готовит крещение Наяка и наречет его Осиповым, а имя сам придумает. А Тугарин пусть поверстает его в казаки и возьмет с собой как толмача. Ступайте!

Оничкову и Пивову Борятинский сказал, когда они остались одни:

— Только бунта нам и не хватало для веселой жизни. Какова может быть причина?

— Причина прежняя, — сказал Оничков, — князь Кичей не хочет покориться и желает вернуть свои земли. Хорошо, что Тугарин не успел уйти с годовальщиками.

— Да, вовремя получено известие. Оно полностью меняет дело. Сколько же теперь потребуется людей, чтобы подавить бунт? — спросил Борятинский.

— Думаю, что не меньше сотни, включая казаков из острога. У нас служилых всего двести восемьдесят человек, в Сургуте следует оставить также не меньше сотни. Поэтому Тугарину можем дать дополнительно не более пятидесяти человек. Когда он управится с изменниками в Нарыме, ему следует сразу подняться по реке Кети и поставить острог, чтобы преградить путь Кичею. Там придется оставить не менее двух десятков годовальщиков и пушку. Наверное, в эту посылку полезно отправить и меня.

Борятинский почесал в затылке и сказал Пивову:

— Сходи, друже, к Треньке Дееву и посоветуйся, с какой башни снимем пушку.

Когда Пивов ушел, Борятинский сказал:

— Не хотел при нем возражать тебе, Володимир. Не отпущу я тебя в Нарым.

— Это почему?

— Ты сам знаешь, что Тугарин и без начальства управится. Он уже на деле доказал свою способность. А ты нужен мне здесь.

— Зачем? У тебя и так помощник есть.

— Заскучаю я с ним. Не с кем будет по душам поговорить да кости перемыть московским дьякам. А если серьезно, то никто

лучше тебя не даст мне нужного совета и не соберет соболиную казну. А пока займись снаряжением казаков для войны в Нарыме.

В начале июня, провожая казаков в дальнюю посылку, Борятинский напутствовал Тугарина:

— К изменникам прояви великую жесточь. Отъявленных бунтовщиков, убийц наших людей, казни, повесив на глазах инородцев. Поставив острог на Кети, останься до следующего лета приказным там и в Нарыме и собери ясак — по одиннадцать соболей с дыма. Новокрещеного Микитку Осипова используй для выявления заговорщиков среди жителей городков.

6

Через две недели после ухода Тугарина, от него в Сургут прибыл казак на долбленке, управляемой остяком с реки Аган, который известил, что жители на реке Вах отказываются платить ясак, ссылаясь на льготу государеву, и не признают ее отмену. Не имея возможности там задержаться для наведения порядка, Тугарин вынужден продолжить путь в Нарым для выполнения основной задачи.

Из-за незначительного количества людей, оставшихся в Сургуте, Борятинский направил в Тобольск гонца с отпиской, в которой изложил все последние события и попросил оказать помощь, направив отряд на Вах. В результате через месяц в Сургут из Березова прибыло семьдесят казаков с двумя атаманами — Иваном Пешим и Истомой Аргуновым да князем Игичеем Алачевым с пятью десятками остяков. Отдохнув сутки, они поплыли к упомянутой реке. Вместе с ними Борятинский отправил трех своих ясатчиков.

Отпиской из Тобольска, помимо прочего, главный воевода предписывал Борятинскому экономно расходовать хлеб и крупы, так как ожидается неурожай по причине проливных дождей на Руси, которые длятся уже шесть недель. Он высказывал надежду, что царь заставит купцов Строгановых дать недостающее количество зерна к собственному сибирскому, которое можно будет молоть уже в этом году на мельницах в Тюмени, Тобольске и Пелыме, построенных мастерами из Москвы. Кроме того, есть указ, которым Та-

13 Заказ 462

гильские юрты посажены на пашню, и вместо ясака велено брать с них хлебом. Когда-то все наладится, а пока следует экономить.

— Беда не приходит одна, — отозвался Оничков. — Хорошо бы свои пашни иметь. Пригодные для этого земли есть на Нарыме, у реки Парабель. Но как приучить соль-купов к земледелию?

— Приучить можно, если послать туда русских землепашцев, — сказал Борятинский. — Но на это уйдет много времени, которого на наш с тобой сибирский век, Володимир, никак не хватит. Давай, пока лето на дворе, займемся более посильными делами. Например, ублажим Пивова, построив пивоварню и открыв кружечную. Поставим ее рядом с баней на слободе. Пусть честной люд банится и пиво попивает.

Скучать Оничкову не приходилось — дел хватало с избытком. Он присматривал за новым строительством, за соблюдением правил торговли в гостином дворе, занимался заготовкой дров и организацией сбора ясака по остяцким городкам. Когда же соболиная казна стала велика, он отправил ее с казаками в Москву. Но при всей занятости, Оничков находил время и для своего любимого занятия — охоты. Для этого он подобрал себе двух казаков — любителей такого промысла, и ходил с ними добывать зайцев, пернатую дичь и уток.

Борятинский всякий раз, усаживаясь за стол, говорил:

— Чем сегодня нас порадовал, Володимир? Хорошо, друг мой, что не отпустил я тебя в Нарым! Питались бы мы с Пивовым только рыбою да полбой.

В июле с большим опозданием пришел в Сургут царский указ об отмене льготы, и вслед за ним последовали разные отписки, в которых давались наказы:

«...смотреть и беречь накрепко, чтобы проезжие торговые и промышленные всякие люди ... с ясачными людьми преж великого государя ясаку украдом не торговали, а остяки к торговым и ко всяким людям на дорогу не выходили и не продавали... а приносили б они соболи и соболиную рухлядь, и лисицы черные и объявляли в приказной палате <...> а кто будет торговать мимо приказных палат и гостиных дворов, тех нещадно бить кнутом <...> а ясачные люди должны приносить ясак, соболи с пупки и с хвосты, а лисицы с лапы... и пусть

ясачные люди не бьют челом, чтобы с них пупков, хвостов и лап не имывали, от которых они кормятся, меняя их на хлеб...»

Кроме того, Москва извещала о лихоимстве Пелымского воеводы Троханиотова, которому предписывалось: «...ясак собирать по ясачным книгам и корысти себе не чинить».

А таможенному голове Верхотурья, в осмотре уезжающих из Сибири в Москву, предписывалось, где следует поискать мягкую рухлядь: «...в возех, сундуках, в коробьях, в сумках, в чемоданех и в платье, и в постелях, и в подушках, и в бочках винных, и в запасех во всяких, и в печеных хлебах... в санных постелишках и в полозах...обыскивать всех, и воевод до их людей обоих полов — обыскивать... накрепко, нестрашась, в пазухах и штанах, и в зашитом платье».

— Вот так-то, братцы! Как волков, обложили нас дьяки. В задницу засунешь соболиный хвост — так и там найдут! — сказал с возмущением Борятинский. — Не разбогатеем мы тут!

В ответ на эти слова Оничков загадочно улыбнулся.

— Ты знаешь, как обмануть дьяков? — встрепенулся Борятинский.

Оничков ему подмигнул, бросив взгляд в сторону Пивова, и сказал:

— Откуда же мне знать? Просто рассмешил ты меня.

Оставшись наедине с Оничковым, Борятинский нетерпеливо дернул его за рукав и сказал:

— Ну, говори!

— Все очень просто, — ответил Оничков. — Ты только что сам читал о лихоимстве Троханиотова. Знать, Лозвинская тропа еще не заросла.

— Ну, ты и голова! — восхитился Борятинский. — Покажем мы кукиш государю-татарину за издевательства над нами. И заживем лихо!

В октябре, перед ледоставом, в Сургут вернулись казаки, отвозившие в Москву соболиную казну. Они привезли письмо Борятинскому от брата Федора Петровича и свою сказку о том, что происходит в Москве. То, что они рассказали, такого не помнили ни деды, ни прадеды...

Большое несчастье постигло отечество. Если весною длительные проливные дожди не позволили сельским жителям косить и жать, то пятнадцатого августа внезапно случились ранние заморозки, погубив зеленые хлеба и все недозрелые плоды. Началось бедствие, и не только гумна в селах, но и рынки в Москве опустели. Цена хлеба дошла до пяти рублей за четверть. Царь Борис отворил свои житницы во всех городах, велел владельцам поместий продавать хлебные запасы по низкой цене, отворил казну и рядом с деревянной московской стеной выложил кучи серебра для бедных. Но это благодеяние обратилось во зло. Из всех мест люди толпами устремились в Москву за царскою милостью, умножая число нищих и свирепствующий голод. Бедняки ели собак, кошек, мышей, сено и даже в припадке умопомрачения пожирали друг друга. Вареное человечье мясо продавалось на московских рынках. Дорожному человеку опасно было заехать на постоялый двор, где его могли зарезать и съесть.

Подобную картину описал в письме и Федор Борятинский, но еще известил о том, чего не узнали казаки — к Золотой и Грановитой палатам дворца Борис стал пристраивать Столовую и Панихидную, якобы для того, чтобы доставить работу и пропитание бедным людям. Затем он рассказал о жестоких деяниях Годунова. В июне он осуществил приговор боярский всем братьям Романовым. Федора насильно постригли в монахи, нарекли Филаретом, и сослали в Сийскую Антониеву обитель. А его жену, Ксению Ивановну, также постриженную и названною Марфою, сослали в один из Заонежских погостов. А их шестилетнего сына Михаила* и дочь отправили на Белоозеро с сестрою Федора Никитича. Остальных четырех братьев сослали в разные дальние места: Александра — к Белому морю, Михаила — в Великую Пермь, Ивана — в Пелым, Василия в Яренск. Затем сослали всех свойственников и приятелей Романовых: Черкасского, Сицкого, Репниных, Карповых, Шестуновых, Пушкиных и даже думного дьяка Щелкалова, который не так уж давно выпроводил Оничкова из Москвы. Пушкина Евстафия Михайловича сослали в Тобольск, назначив его вторым воеводою. Не обошел Годунов и князей Борятинских

* Будущий царь Михаил Федорович, с 1613 года.

— Ивана Михайловича, двоюродного брата Федора и Якова, он отправил в Березов.

Выслушав казаков и зачитав письмо Федора, Борятинский сказал:

— Беды по всей Руси и в Москве не обошли и нас стороной. Отписки: об жесточи в сборе ясака, о постыдных сысках — склоняют меня к думке, что скудеет царская казна. Насыпав кучи серебра за оградой, Борис хочет возместить потери. Притесняя родовитых бояр и князей, удаляя их и отбирая поместья, он сыскивает любовь челяди. Но попомни мое слово, Володимир, — очень скоро он обретет ненависть народную как чужеродный царь. Наверное, покойный Никита Романович Юрьев, брат царицы Анастасии*, перевернулся в гробу. Ведь Борис, в последний час жизни Никиты, обещал быть вместо отца его детям.

7

Атаман Тугарин Федоров был полон решимости — навсегда установить порядок в Нарыме, покарав не только бунтовщиков, но и взяв под контроль всю реку Кеть. Его беспокоило только одно — уложится ли он в короткое сибирское лето? Главным препятствием он считал не неизбежность военных действий, а медлительность продвижения по многоверстному водному пути. Для того, чтобы пройти двести верст до устья реки Вах, преодолевая встречное течение, потребовалось около двух недель. Особенно сдерживал ход неуклюжий каюк, обремененный тяжестью груза. Поэтому, миновав Вах и отослав в Сургут гонца, он решил оставшиеся четыреста верст одолеть удвоенным темпом.

Тугарин разделил свой флот на две части. Команде каюка и десяти казакам одного струга он велел идти обычным ходом, не надрываясь и используя паруса. Сам же он, с ударным отрядом, устремился вперед, сделав казаков сменными. Пока одни гребли — другие отдыхали. Таким образом, можно было идти без остановок почти круглые сутки, делая кратковременные привалы на берегу только для того, чтобы поесть горячую пищу.

Тугарин не сразу направил суда к острогу, остерегаясь быть замеченным неприятелем. В его план входило застать Басаргу врас-

* Первая жена Ивана Грозного, мать царя Федора Иоанновича.

плох и отрезать ему пути отступления. Поэтому, достигнув нижнего устья Кети, он отправил вверх по реке один струг, чтобы преградить путь соль-купам у развилки русла, а в сторону среднего устья послал в разведку Первушу Колпашника, новокрещеного Микитку Осипова и десятерых казаков.

Затратив три дня на обследование береговой линии и островков до среднего русла Кети, Колпашник ничего подозрительного не обнаружил и вернулся к острогу, отправив навстречу Тугарину гонца на легкой ладье.

Видимо, бунтовщики не ожидали столь скорого появления русских, раз не выставили дозорных.

Для годовальщиков появление товарищей из Сургута означало праздник. Десятник Якуша Матфеев заключил в объятия Колпашника и хриплым голосам сказал:

— Ох, и рад я тебе, Первуша, хотя знаю, что не скоро попаду домой со своими ребятами из-за Басарги.

— Правильно понимаешь, но отчего скрипишь, как старое дерево?

— Простыл я, братец, во время баталии окунувшись в воду. Идем — покажу из-за кого.

Матфеев привел Колпашника в тюремную избу, где на лавке лежал раненый соль-куп.

— Вот из-за этого чучела я искупался, — сказал Якуша. — Он хоть и ранен был свинцом, но пытался убежать на своей долбленке, а я подхватил другую ладью и погнался за ним. Догнал, стал с ним бороться, и мы оба упали в воду. И все же я его одолел и приволок сюда.

— Дознание провел?

— Сразу дознаваться стал, намучился с ним. Только под пыткой все и выведал.

— Хорошо. Скоро появится Тугарин — тогда и расскажешь. А пока поесть надо бы, а то недосуг было.

Как только прибыл Тугарин, Матфеев, похрипывая и покашливая, приступил к докладу.

О появлении Басарги и убийстве ясатчиков известил соль-куп Наяк, прибежав ночью в острог. Его тут же снабдили хлебом на три недели и отправили в Сургут, а казаки стали готовиться к войне —

и не напрасно, так как на пятый день с воды и с суши соль-купы начали штурм. Как выяснилось из дознания пленника, в нападении участвовало семьдесят человек. Тридцать из них Басарга привел с собой с верховьев Кети, а сорок — набрал из местных жителей. Когда через крепостные стены полетели зажженные стрелы, возник пожар. Но его потушили. Затем казаки обстреляли нападающих из пищалей и пушки. Соль-купы в панике бросились к реке, оставив убитых. Раненые сами, без помощи, добирались до своих ладей. А тот, которого захватил Матфеев, был ранен в ногу и отстал от других. Через три дня Басарга вновь объявился, но уже затем, чтобы забрать убитых. Ему не стали мешать.

— Правильно сделали, — сказал Тугарин, — живые окладники ясака лучше мертвых. А удалось узнать, где он теперь?

— Где-то за Тогурским устьем, в одном из городков, которые он захватил. Может быть, в каком-то из трех на правом берегу. Но, сдается мне, что он в самом большом городке на реке Чая, где живут его родственники.

— Не думаю, что волк сам себе устроил западню, — возразил Тугарин. — Та река впадает в Обь с другой, левой, стороны, а городок отстоит от устья в пяти верстах. А между берегами Оби в том месте тоже пять верст. Скорее всего, он осел вблизи Тогурского устья, откуда можно быстро убежать на Кеть. Брать Басаргу нужно живьем. Поэтому к городку будем подбираться не видно не слышно.

Вдруг Матфеева осенило. Он хлопнул себя ладонью по лбу и сказал:

— У нас же подбитый ясырь сидит в тюрьме. Может, у него дознаемся?

— Тащи его сюда! — встрепенулся Тугарин.

— Да не может он ходить. Ногу насквозь пробило свинцом.

— Тогда веди к нему.

Ясырь, боясь новых пыток, с готовностью стал отвечать на все вопросы. Он подтвердил предположение Тугарина о месте пребывания Басарги и сказал, что жители недовольны его приходом и войной с русскими, но князь пригрозил им расправой и силой погнал на штурм острога.

Пока шло дознание, казак Осип отвел в сторону Наяка и засыпал вопросами.

— Теперь я крещеный и имя мне дали Микитка Осипов. Так решил воевода, узнав о нашей дружбе, — сказал Наяк.

Осип был восхищен.

— Ну, надо же, надо же! — воскликнул он, изумляясь. — Мы стали вроде родственниками.

Их беседу прервал Тугарин, позвав новокрещеного. Он спросил:

— Скажи, братец, мог ли Басарга узнать, что ты ездил с доносом?

— Никак не мог, — ответил за него Осип. — Когда он прибежал в острог и все мне поведал, я привел его к Якушке, и он тут же отплыл в Сургут.

— Это хорошо... — есть у меня одна задумка... На всякую зверушку — своя приманка... Дойти до места мы можем только за три дня. Чтобы соль-купы не обнаружили нас в долгом пути, мы пустим вперед Микитку Осипова. Он, в любом случае, не вызовет подозрений у своих соплеменников и найдет возможность вовремя нас предупредить. А когда мы окажемся у городка, Микитка пойдет к Басарге...

Тугарин не успел договорить о своем плане, так как в эту минуту прибежал дозорщик и сообщил, что с нижней стороны плывут к острогу десять долбленок. Матфеев пошел выяснить, кто прибыл и зачем?

— Главного приведи сюда, — велел Тугарин.

Перед казаками предстал соль-куп в праздничной русской однорядке, расшитой узорами. С чувством собственного достоинства он сказал:

— Я, Тайбохта, сын князя Вони, пришел с миром. Ты знаешь, атаман, что воевода Оничков назначил меня главным князем на Нарыме и я честно служил русским. Но Басарга, брат князя Кичея, сыскивался со мной, смущал моих людей, предлагая войну с белым царем. Я сказал, что хочу подумать об этом. Мы собрали совет, говорили с огнем, ветром и духами. Они сказали, что уже много пролито крови, что нельзя нарушать клятву царю, который

наградил нас льготой, что для спокойной жизни в Нарыме следует усмирить бунтовщиков. Мои люди готовы вместе с вами выступить против Басарги.

— Скажи честно, князь, чем тебе неугоден Басарга? — спросил Тугарин.

Тайбохта помялся под пристальным взглядом атамана и ответил:

— Все, что я сказал, — правда. Но, кроме того, я и мои люди не хотим попасть под власть человека, который задумал править всем Нарымом и собирать ясак только для себя, как было раньше. Я знаю, что сила на вашей стороне, и вы этого не допустите. Я не хочу рядом с ним висеть на виселице.

— Лихонько складывается дело. По уму — нужно менять планы, — сказал Тугарин своим товарищам и обратился к Тайбохте:

— Ты прав, князь, говоря о пролитой крови. Не гоже снова ее проливать, затевая войну. Теряя мужей, кормильцев, жены и дети остаются сиротами. Если мы станем воевать, то пострадают жители, которых Басарга силою заставляет идти против нас. Мы поступим иначе — заманим бунтовщиков на твою землю и там повяжем их живьем. Согласен?

— Мой народ, атаман, прослышал о твоих подвигах, о походах на Чулым-реку и Томь. Ты великий воин. А теперь я вижу, что ты и мудр. Я с радостью принимаю твое предложение.

— Тогда слушайте все о наших действиях, — сказал Тугарин. — Теперь к Басарге мы отправим только Наяка, то есть Микитку, будто бы посланника Тайбохты. Он скажет, что нижние городки пришли к согласию выступить против русских и победить их, но для этого нужно общими усилиями напасть и убить казаков, идущих на смену годовальщикам острога, и захватить годовой запас хлеба и прочего. Мол, те, кто в остроге, будут в осаде обречены на голодную смерть. От такого соблазна трудно будет Басарге отказаться. А мы устроим засаду, выбрав подходящее место, чтобы учинить им тесноту.

Теперь, вместо того, чтобы идти вверх, Тугарин направил струги вниз по течению, а Наяк, в сопровождении двух людей Тайбохты, отправился на поиск Басарги. Заранее было обусловлено, что засада будет не на берегу Оби, а на реке Парабель, выход из

которой перекроют казаки. Бунтовщиков следовало привести в городок, где ранее проживал князь Воня.

Ожидание продлилось десять дней. В это время каюк и струг казаки перехватили на Оби и спрятали в устье Парабели, где был оставлен заслон. Остальные струги разместили рядом с городком в укромном уголке, скрытом от глаз.

Басарга, не имея подозрений о западне, шумно высадился на берег и сразу направился в городок к Тайбохте. Его и воинов вел за собой дозорщик, избравший путь по улице, где в домах затаились казаки. Сигналом к захвату мятежников послужил выстрел из пищали, произведенный Тугариным в тот момент, когда сам Басарга оказался в пяти шагах от атамана. Выскочив из укрытия, он свалил его мощным ударом в челюсть и подмял под себя. Казаки так же молниеносно врезались в толпу соль-купов, и завязался рукопашный бой. Те, кто яростно сопротивлялся, успев применить оружие, были убиты, а остальных связали веревками. Среди них жителей верхних городков оказалось тридцать человек, а воинов, пришедших с Кети, двадцать.

Дознание пленных Тугарин стал проводить на городской площади, призвав все население. Жители из городков за Тогурским устьем ссылались на то, что их силою заставили бунтовать, угрожая убийством родных. Указав на Басаргу и десятерых его воинов, они говорили об их злобности и жестокости, о надругательстве их над женами и дочерьми. Возмущение и слова были настолько убедительны, что Тугарин принял решение о немедленном освобождении пострадавших. Он сказал:

— Вы убедили меня в своей невинности, и я освобождаю вас от пут и наказания. Но вернетесь домой только тогда, когда я разрешу.

В ответ на эти слова — одобрительный гул и крики людей Тайбохты пронеслись над площадью. Когда они затихли, Тугарин спросил:

— А что будем делать со злодеями, насильниками чужих жен и дочерей, убийцами казаков? Помилуем их или они заслуживают смерти?

— Они должны умереть! — громко выкрикнул Якушка Матфеев, и хор казачьих голосов поддержал его: — Смерть злодеям! Смерть за убитых товарищей! Смерть! Смерть!

Однако со стороны соль-купов прошел только легкий шумок и затих.

Тугарин велел Тайбохте развязать помилованных узников, взять из каждого городка людей и отправиться к острогу, где состоится казнь. После этого Басаргу и его воинов засунули в кули и свалили на дно стругов. Обратный путь с помощью уже испытанного ускорения хода удалось пройти за три дня вместо обычных пяти. Тугарин выигрывал время для предстоящего похода в верховья Кети.

На открытой береговой площадке, орудуя топорами, казаки установили виселицы. Не только люди окружили место свершения правосудия, но и на ближайшие вершины деревьев слетелись черные птицы смерти.

Бунтовщиков раздели догола, разделив на две группы. Злостных насильников с Басаргой, десять человек, связали, поставили на лавки, накинули на шеи петли и выбили из-под ног опоры. Когда повешенные перестали дергаться, остальных наказали кнутами.

Тугарин громогласно обратился к толпе:

— Люди земли нарымской! Духи ваших предков и наш Преблагой Бог не допустили большой кровавой войны и покарали окаянных! Лиходеи уже никому не нанесут обиды и порухи. Пусть их тела клюют черные вороны, пусть они тлеют на виду идущих и проплывающих мимо. Такая судьба ожидает всякого изменника и насильника! Благодарствую тем, кто оказал нам послугу! Отныне Тайбохте я отдаю самый большой городок и угодья у озера и нижнего устья реки Кети. Люди! Не забывайте о милости царя всея Руси, освободившего вас на год от ясака. Однако уже настало время снова его платить. Везите пушных зверей в острог. Теперь же разъезжайтесь по домам.

Оставив на всякий случай стражу рядом с висельниками, Тугарин поспешил в острог, чтобы заняться неотложными делами. Пора было отпустить годовальщиков в Сургут и подготовиться к дальнейшему походу.

В первую очередь он распределил съестные запасы, оставив в коче месячную норму на обратный путь, и вручил Якушке Матфееву отписку для воеводы с изложением всех событий. Колпашнику он сказал:

— Тебе, Первуша, на время моего отсутствия быть приказным. Главное — проследи за сбором ясака. Неизвестно, как обернутся дела на Кети. Возможно, там придется зимовать. С собою я возьму Микитку Осипова и еще одного толмача, а двух оставлю тебе. Микитка и Кеть знает, так что других вожей не надо. Знаешь, не терпится мне закрыть путь-дорогу вражьему племени. Воевать мы не воевали, но весь июль проездили туда-сюда.

Продвижение вверх по Кети происходило не так быстро, как хотелось. Дело было не в том, что шли против течения, а в задержках при встрече поселений. В каждом из них проживало не менее двадцати пяти мужчин, не считая жен и детей, так что городки были достаточно велики.

Не все жители встречали казаков доброжелательно. В ряде случаев приходилось применять оружие и брать не обычный оклад соболей, а погромную рухлядь. С такими приключениями было пройдено более двухсот верст и приведены к шерти люди шести городков. В следующем, седьмом, к удивлению Тугарина, княжил старый знакомый — бывший аманат Урунк, сын князя Вони. Он сразу узнал атамана и встретил его как дорогого гостя, велев зарезать и зажарить на костре молодого оленя.

Вечер прошел в приятных воспоминаниях, без толмача, так как Урунк еще не успел забыть русский язык. Тугарин поведал ему о том, как его брат Тайбохта помог поймать Басаргу, как изменники были казнены по приговору всех людей Нарыма, рассказал и о назначении Тайбохты главным князем, заметив, что последнее вызвало у Урунка зависть. Это навело Тугарина на удачную мысль, и он спросил:

— А ты не желаешь помочь мне держать в повиновении жителей на Кети, если я отдам их под твою власть?

Урунк глубоко задумался, а Тугарин ждал, не торопил с ответом. Наконец, Урунк едва слышно произнес:

— Боюсь я...

— Чего? — удивился Тугарин.

— Мести князя Кичея. Когда была в Нарыме война и убили моего отца, я убежал на Кеть. Кичей разрешил мне поселиться здесь.

— А где он теперь?

— Точно не знаю. Бывает он на реке Таз, у тунгусов. Или ближе — на Енисее. Весною оттуда пришел Басарга. Он ночевал у меня, но не сказал, где его брат.

— А выше есть еще городки?

— Дальше река очень мелкая и на ней никто не живет. С Енисея сюда добираются только весною и осенью по большой воде. Быть может, скоро и Кичей придет.

Теперь задумался Тугарин, решая, как поступить. Не было смысла идти далее. Здесь можно разом отсечь и путь с севера, и с Енисея. Да и место доброе — сухое и лесистое, и зима не за горами — сентябрь на носу.

— Буду ставить острог на твоей землице, — сказал он Урунку. — А ты поможешь мне своими людьми, будешь лес валить и таскать.

На следующий день закипела работа, а через неделю появился посланник от князя Кичея, который, увидев со стороны происходящее, просил встречи для переговоров с русскими.

— Сколько человек вместе с князем? — спросил Тугарин у сольку́па.

— Двенадцать, — был ответ.

— Не густо. Передай Кичею, что он может без боязни прийти сюда с людьми. Никакого вреда я ему не причиню.

На время работы были прекращены, и все семьдесят служилых выстроились на поляне, где намечалась встреча. Казаки выглядели празднично, переодевшись, по указанию атамана, в новые одежды. На них были синие однорядки и зеленые шаровары, перевязанные красными кушаками. Каждый держал в руке заряженную пищаль. Впереди стоял Тугарин, а рядом с ним толмач, Микитка Осипов.

Уверенной походкой Кичей направился к атаману, дав знак своим воинам остановиться за его спиной в тридцати шагах. Приблизившись, он сказал:

— Я устал бегать. Русские всюду наступают на пятки. Они уже ходят и по реке Пур, и реке Таз, а прошлым летом были на Енисее. Я знаю, что это ты, Тугарин, вел там войну и собирал ясак. А уходить на реку Лену, к чужим людям, я не хочу.

— Раз так, то идем в мой шатер и поговорим, — сказал Тугарин и спросил: — Ты, наверное, голоден?

— Да, я очень хочу есть.

— Тогда не будем терять время.

Усадив гостя за тесовый стол, Тугарин сказал казаку, который готовил еду для атамана:

— А ну-ка, братец, на стол мечи все, что есть в печи!

Блюд не было изысканных. Но свежие хлебцы и ячменная похлебка с потрохами диких уток — вызвали невольный восторг у смирившегося князя.

Тугарин наполнил брагою кружки и сказал:

— Выпьем за здравый ум и удачу! От этого способнее будет и беседы вести.

Прежде всего, Тугарин рассказал о злодействах Басарги и постигшей его каре.

— А я ведь его уговаривал не затевать войны. Но он меня не послушал, — грустно сказал Кичей. — У хана Кучума очень большое было войско, а русские и его побили. Но Басарга меня не послушал. Мне говорили, что к детям Кучума белый царь отнесся милостиво, наделил их землями. Я хочу пойти в Москву к царю и заявить, что готов быть под его рукою в управе своими людьми. Как думаешь, поверит он мне?

— Поверит, если это будет идти от сердца, и ты поклянешься своими богами и духами предков.

— Однако как добраться до Москвы?

— А в этом я тебе помогу — напишу воеводе Сургута, что ты собираешься бить челом нашему государю, и попрошу содействия. По моей бумаге тебя везде пропустят.

И все же Тугарин не полностью доверял Кичею. Поэтому, поразмыслив, он решил отправить его с двадцатью служилыми, которые вскоре должны отбыть в Сургут. Он рассчитал, что удерживать их на строительстве можно не более недели, чтобы до ледостава они поспели домой.

— У меня есть просьба, — сказал Тугарин Кичею, — Останься тут на время и помоги ставить острог. В Сургут пойдешь с казаками, которые будут туда возвращаться. И еще — мне потребуются олени. Где их взять?

Кичей согласился оказать помощь в строительстве, а по пово-

ду оленей сказал, что за ними пошлет своих людей Урунк. Такое обещание навело Тугарина на мысль — не всю правду поведал ему сынок покойного князя Вони, не безлюдна северная часть Кети, где-то есть городок, в котором до сего времени скрывался Кичей. Но он не стал пока дознаваться.

Благодаря общим усилиям девяти десятков человек, острог быстро приобретал очертания основных строений. Вертикально установленные бревна крепостной стены, высотою три сажени, образовали контур площадки размером пятнадцать на семь саженей. По углам были сооружены две казацкие и одна схожая изба. Остальное пространство вдоль стен заполнили амбары и погреба. На втором уровне проделали бойницы и установили пушку. Баню решили поставить за стенами острога, на берегу, но уже теми людьми, которые останутся годовать. Задумали также построить зимою в центре площадки церковь и испросить для нее образа и другое церковное строение, и, конечно, попа.

Накануне отбытия казаков, вечером устроили проводы на поляне у большого костра, над которым подвесили целую тушу оленя. Тугарин велел выкатить бочку с медом и сказал:

— Только, братцы, не обжираться и не опиваться. Помните, что утром одни сядут за весла, а другие вернутся к своим топорам.

На следующий день вместе с двумя стругами отбыл на дощанике и князь Кичей. Казаки увозили в Сургут богатую казну из пушных зверей — шестьдесят сороков соболей, более сотни бобров, несколько десятков лисиц и три собольи шубы.

«Царская награда»

1

В новый, 7110* год, 1 сентября, в Сургут, после подавления бунта на реке Вах, прибыли люди Березова — казаки с атаманами Иваном Пешим и Истомой Аргуновым, и остяки с князем Игичеем. Большая часть остяков осталась на Вахе, чтобы там жить и управлять городками. А казаки везли в Березов ясырей, считая их своей собственностью. На требование Борятинского оставить пленников в Сургуте — атаманы дали полный отказ.

Это взбесило воеводу и он, вместо проявления гостеприимства, пожелал березовским — поскорее скрыться с глаз долой, а Оничкову и Пивову сказал:

— Не могу простить себе, что я попросил помощи. Могли бы и сами управиться, послав на Вах князя Бардака. А теперь — там чинят управу люди из другой волости, и будут воровать наших соболей.

Однако посланные сургутские казаки ясак все же привезли.

Позже Борятинский вспомнил о царском указе — отпускать назад ясырей, которые являются добытчиками пушного зверя, отчего зависит количество собираемого ясака. Об этом он немедленно отправил отписку воеводе Березова, Василию Плещееву, которого не успел еще сменить брат Борятинского, и получил от него ответ, что ясырей он отобрал у казаков и распустил.

Каково же потом было изумление Якова Петровича, когда к нему поступила копия грамоты:

---

* 1601 год.

«От царя и Великого Князя Бориса Федоровича всея Русии, в Сибирь в Березов город, Воеводе Нашему Князю Ивану Михайловичу Борятинскому... били Нам челом Березова города Атаманы Казачьи, Иван Пеший, да Истома Аргунов, да Казаки Степанка Прохоров с товарищами своими семьдесят человек <...>, а сказали: были де они на Нашей службе в Пегой орде, и городок взяли, и Наших непослушников под Нашу Царскую высокую руку привели, а ясырь де, который они поимали, привели к себе на Березов. И по Нашему де указу Воевода Василий Плещеев тот ясырь взял у них и распустил на волю; и тот де их ясырь ныне волочится меж дворов, и Нам бы их пожаловати велети им тот ясырь отдать... и как к вам ся Наша грамота придет <...> и вы тот полон Атаманам Ивану Пешему да Истоме Аргунову и казакам, сыскав кто кого именем взял, отдали им назад».

— Что творится? А? — возмущенно спрашивал Борятинский Оничкова. — Что всем нельзя, то кому-то можно? Почему?

— Видно, неспроста царь Борис идет на уступки. Ты сам слышал об ужасах на Руси из-за голода.

— А ты прав, Володимир! Борис боится бояр и князей, загоняя их в ссылки или разоряя. Страх мести должен преследовать его, и потому он заискивает перед простым людом. Но и у черни он уже теряет доверие. Чего же нам еще ждать?

Усмехнувшись, Оничков ответил:

— Тебе, Яков Петрович, я советую не ждать великого жалованья. Моли Бога, чтобы уберег нас от неожиданной опалы.

— Поживем-увидим... — буркнул, нахмурившись, Борятинский.

Вслед за березовскими прибыли годовальщики из Нарыма. Их сказы об умелых деяниях Тугарина, о казни бунтовщиков и знатная соболиная казна поправили настроение воеводы. Теперь оставалось только ждать вестей о результатах похода в верховья реки Кеть.

Как всегда, осень была богата сюрпризами. На Руси снова случился неурожай, и голод нанес катастрофические последствия. В Москве умерло более ста тысяч человек, и по всему городу валялись трупы. В это время пришел запоздалый царский наказ — выдать хлебное жалованье семьям казаков, посланных на Енисей.

14 Заказ 462

Оничков сказал Борятинскому:

— Житницы у нас быстро скудеют. Дай Бог, чтобы хлеба хватило до лета. Последствия неурожая на Руси могут сказаться и на нас. Я предлагаю, как только весною уйдут льды, отправить тридцать казаков за государевым хлебом в Верхотурье на стругах и каюках. Кроме того, послать в Пермь к купцам Строгановым двух-трех человек с нашей просьбой об отгрузке муки и круп в Сургут. За такую услугу мы можем пообещать им, что построим для них торговый дом. Когда я ехал в Сибирь, Максим Строганов просил меня об этом.

— Так и поступим. Другого выхода у нас нет, — согласился Борятинский.

В середине октября прибыли казаки, ходившие на реку Кеть, а с ними и князь Кичей. Поскольку Обь еще не замерзла, воевода решил отправить князя в Тобольск, дабы избавить себя от лишней заботы зимою. Своим помощникам он сказал:

— Не нужны нам тут лишние рты. К тому же, сразу отпадает вопрос ранней посылки людей в Пермь. Терентий Деев, которому поручаем сопровождать Кичея, как только перевалит за Камень, тут же отправит к Строгановым послов. Еще мы попросим купцов привезти соль, порох, сукно, полотно, воск, сало, и что сочтут нужным.

Прочитав подробную отписку Тугарина, воевода решил расспросить Якушку Матфеева о гибели сборщиков ясака, о чем было написано вскользь.

Точно я не знаю, как это произошло, — сказал Якушка. — Слышал только, что сразили их лучными стрелами, когда они плыли на легких ладьях по Оби. Устроить поиск тел я не имел возможности из-за нападения на острог. Скажу к слову, мои казаки не только собирали ясак, а еще многих людей выгоняли на пушной промысел. Это, Яков Петрович, ленивый народ, который бежит от работы, как от чумы, даже когда совсем нечего есть. У них то лес оскудел зверем, то собаки сдохли, а сами где-то тайно торгуют соболями. Потому и противятся признать прибавку на одного зверя. Никогда с них не собрать ясак сполна.

— Значит, в этом году нам просто повезло, а на будущее что-нибудь придумаем...

Несмотря на мрачное предсказание, воевода все же был доволен нынешним сбором пушнины.

Радуясь присланным соболям, бобрам и лисицам, поглаживая их по нежному ворсу, Борятинский не утерпел и примерил соболью шубу.

— В самый раз пришлась, — сказал он умиленно помощникам. — Пожаловал бы государь эту шубу мне. Чай, не обеднял бы?

— А еще наградил бы боярским саном, — пошутил Оничков.

— А вдруг и наградит, — отшутился Борятинский.

Если не царь, то погода в Сибири в этом году проявляла милость, заморозки были незначительными, и Обь упорно сопротивлялась им.

24 ноября атаман Зубакин и Кинема вернулись с реки Пур. И вот с какой сказкой они явились: «Наехали де они в куняцкую самоедь к князьцам Акубе, Комге да к Салыму с государевым жалованным словом, чтобы привести их к шерти и собрать ясак. Но князьцы им отказали, сказав, что с них уже собирали ясак в новый Мангазейский острог тобольский казак Ондрюшка Архипов и березовский казак Федька Князев, посланные воеводой Мангазеи Василием Масальским да Савлуком Пушкиным. А собрали ясак по пять соболей с человека. А чтобы убедились в этом Зубакин и Кинема, князьцы отвели их к тем ясатчикам в Зырянский городок на реке Таз. И сказали они, что и впредь хотят платить ясак в Мангазейский острог». Поэтому Зубакин и Кинема соболей привезли мало. Собрали там, где не успели взять другие. А все поминки были даны только бобрами. На реках Пур и Таз этого зверя много.

— Этого я и ожидал, — посетовал Оничков. — Никто не захотел в свое время внять моему совету.

О результатах похода Борятинский отписал в Москву, высказав просьбу — поручить сбор ясака на реке Пур Сургуту.

2

Пока не выпал снег и не ударили крепкие сибирские морозы, Борятинский решил обойти все дворы на слободе, дабы убедиться, что население успело подготовиться к зиме и никакой нужды

иметь не будет. С собою он взял Оничкова и подьячего Ерошку, который вооружился приходно-расходной книгой и тетрадью для записей.

Общее впечатление от хозяйствования семейных казаков внушало уверенность, что им не грозит голод. Поработали они на славу, запасаясь дарами осени, и во всем наведя порядок. Огороды у всех были распаханы и подготовлены к весеннему севу, в каждом дворе стояли стога сена, а скотина укрыта в хлевах. А в житницах и погребах — тесными рядами стояли бочки с мукою и крупами, и всяких размеров кадки. В них были и соленые грузди, и моченая брусника, и рыба разных видов, и соленья овощей, и топленое сало. Те же овощи, которые хотели уберечь от мороза, хранили в избах под полом, например — репу, которую выращивали в большом количестве.

— Эх, люблю распаренную репу к зайцу, — сказал Ерошка, увидев корзину с этим овощем, и сглотнул слюну.

— А что еще ты любишь? — спросил, усмехнувшись, Борятинский.

— Уважаю гуся, начиненного гречневой кашей.

— У тебя губа не дура. Однако скажи, кто в это лето поработал на нужды острога?

Ерошка открыл книгу и стал перечислять:

— Сенька Степанов возил дрова на год, получив восемь рублей. У Ортюшки Ондреева куплен мот светилен на свечи за шесть денег. У Ивана Игнатьева куплен ларец в съезжую избу за три алтына и две деньги. Казачья жена Улька Торопчаниха делала свечи из говяжьего сала и светильни. Наська Леонтьева продавала говяжье сало на свечи. Девятко Яковлев починивал на государевом погребе бочки, обручи набивал. Он же, с Пятко Кривоногом, делал к бане колодезный сруб и водоливной желоб. Несколько служилых и промышленных людей продали для бани годовой запас веников — сто сороков. Ныне казачья артель строит три ладьи за двадцать один рубль. Некоторые из казаков, стрельцов и литвы ходят с промысловыми людьми за соболем.

— Стоп, Ерошка! Назови кого-нибудь, — сказал Борятинский.

— Ефимко Торопчанинов, муж Ульки. Я о ней уже сказывал.

— Веди к ним!

Во дворе у Ефимки какой-то остяк подросток рубил дрова. Когда вошли начальники, он воткнул колун в колоду и цикнул на собаку, которая заливалась лаем. На шум из избы вышел хозяин.

— Это что у тебя за батрак? — спросил Борятинский.

Торопчанинов не растерялся и смело ответил:

— Я взял его в залог за соболей. Ко мне приходил отец мальца, которому нечем было платить ясак.

— А откуда у тебя вдруг появились соболи?

— Часть выменял у промысловиков на говяжье мясо, когда забил бычка, а несколько зверушек добыл сам, ходил за гарь в свободное от службы время.

— А ты не спрашивал у остяка — почему у него не оказалось своих соболей?

— Зачем спрашивать? Я и так знаю — либо лень в лес ходить, либо с купцами вел торговлю. Меня это не касается.

— А разве ты сам не нарушил закон? Или не разумеешь?

Торопчанинов помрачнел лицом и, злобясь, ответил:

— Да все я разумею! Только управляться с хозяйством тяжко, а потребно. Даром, что ли, в Сибири живем, а не на черноземье? Али оскудеет царская казна от моих десяти соболей?

Оничков ткнул в бок Борятинского и шепнул ему в ухо:

— Ну, впрямь, казак твоими устами сказал.

Борятинский сначала опешил, а потом рассмеялся.

— Ладно, Ефимка, хозяйствуй. Если казак сыт, то и служит справно. А я ничего не видел и не слышал.

Когда вышли со двора, Борятинский спросил Ерошку:

— Много еще таких?

— Не-е, мало. У Сидорко Юдина в залоге остяцкая жена с двумя детишками. Тоже помогают по хозяйству — корову доят, в хлеву убирают и прочее... И еще у троих заложники есть.

— На все это можно и глаза закрыть, но ведь они хлебушек наш проедают.

— Не проедают! — уверил Ерошка. — Для них служилые подкупают муку и крупы у торговых людей.

— Тогда ладно — пускай живут!

У Борятинского пропала охота обходить остальные дворы.

— Ничего нового мы уже не узнаем, Володимир, — сказал он. — Лучше пойдем в нашу горницу, пока я не велел кого-нибудь выпороть. Скажем повару, чтобы приготовил зайца и распарил к нему репу. И бражку попьем, чтобы злость унять и душу успокоить. Ну, посоветуй мне, как инородцев отлучить от воровства?

— Если бы знал, то давно уже сказал бы. Дьяки государевы учат то ласковому обхождению, то жесточи. Но, как бы мы ни поступили, все равно остяки будут жить своими интересами, а нас будут обвинять в недоборе ясака.

— Вот, вот! Поэтому, говоря ласково, нужно всегда держать в руках кнут.

— Не поможет, Яков Петрович! И то, что повешены бунтовщики в Нарыме, — тоже не поможет. Причина не лень, а другая, более важная. Тут Якушка Матфеев не прав. Понял я это не сразу, а со временем, прожив здесь долгое время. Ведь промысловики, придя в Сибирь, умудряются на тех же угодьях, не имея опыта, добывать по сотне соболей, потому что пока его много в лесу. А местные люди уверяют, что лес оскудел, а ясак велик. Почему они врут? Да потому, что на самом деле боятся оскудения угодий, от которых кормятся. Вот и добывают столько, чтобы хватило только на оплату ясака и свои нужды. Да и князья не позволяют им богатеть, отбирая лишнее. Их не пороть, а жалеть надо.

— Экое — выдумал! — удивился Борятинский. — Сейчас я слезу пущу! Якушка Матфеев правильно сказал — лодыри! Ты и сам сейчас убедился, что они отдают в залог своих родных за соболей.

— Таких не много сыщется, — возразил Оничков. — Рядом с хорошими людьми любят уживаться и твари.

— А я их должен жалеть?

— Да не о них речь... Однако я уже не прочь поспешить к столу. От такого разговора в горле пересохло и выпить хочется. И, если не возражаешь, пригласи Ерошку насладиться зайцем с распаренной репой.

3

Как только первый снег припорошил землю, Оничков собрался посетить ближайший городок князя Барса, в котором побывал летом с Борятинским во время объезда. С собою на охоту он взял атамана Зубакина, десятника стрельцов Герасима Петрова, двух казаков и толмача. Казаки и Герасим вооружились пищалями, а толмач и Оничков луками.

Путь был недалек, около пяти верст. Бодрые скакуны быстро доставили охотников к назначенному месту. На этот раз их встретил не только старик, а и его взрослые сыновья. Они приняли у приезжих коней и отвели их в угол двора к стогу сена, после чего все вошли в дом.

Толмач объяснил цель приезда. Остяки осклабились и одобрительно закивали головами. Оничков сказал:

— При первом покрове хорошо походить по урману.

— Холосо, шибко холосо, — по-русски ответил старик и сразу перешел на свой язык: — Белка уже поспела, мех ее вычистился, соболь выходит из завалов, а лисица кончила воспитание деток. Теперь на снегу видно — куда ходила и что делала хитрая росомаха, как бежали олени, спасаясь от волков, где лось объедал березовые ветки и осинник, в каком месте в глухую чащу прошел медведь на зимнюю спячку.

На этот раз от котла, который висел над центральным кострищем, исходил приятный аромат, а не те рыбные испарения, вызвавшие гримасу Борятинского летом при посещении этого дома. Оничков принюхался, раздув ноздри, а старик, заметив это, предложил попить отвар из чаги и луговых трав.

Во время чаепития обсудили предстоящую охоту на лося. Остяки предложили гостям ехать на лошадях, а сами они станут на лыжи и возьмут нарты с собачьей упряжкой, без которой зверя не вывезти из леса. Там, куда предстоит идти, есть зайцы и куропатки. По пути можно и их подстрелить, но только из лука, чтобы не было шума.

Охотиться начали сразу, выйдя за ворота городка. Для этого выстроились следующим образом — один остяк управлял упряжкой, второй — шел впереди, шагах в тридцати, а от него с

боков, с интервалом в десять шагов, в виде подковы растянулись остальные. Оничков был крайним, справа от Зубакина, а толмач крайним в левом ряду, так как стрелять в мелкую дичь могли только лучники, которые держали свое оружие наизготовку.

Как только вошли в редколесье из березняка, с лежанок стали выскакивать зайцы. Одни стремглав бросались наутек, другие становились столбиком, как бы оценивая степень опасности и определяя направление для побега. В таких почти одновременно выпустили стрелы толмач и Оничков, сразив зайцев меткими попаданиями.

Зубакин ахнул от удивления.

— Князь, Володимир, да ты настоящий остяцкий вождь! Когда научился так стрелять?

— Поживешь с мое в Сибири — и тоже сможешь! — откликнулся Оничков, довольный первым успехом.

Прошли версты три, набросав в нарты полтора десятка зайцев, но не встретили куропаток. Часто встречались цепочки лисьих следов, но самих лис не видели. Нашли только растерзанного лисою зайца. А лосиных следов не было.

Оничков, чтобы развеять сомнения, подъехал к остяку, подозвал толмача и спросил:

— Ты уверен, что мы найдем лося?

— Тут их мало, но мы найдем, — заверил остяк. — В это время лоси собрались в другом месте, там их много, но осенью и зимою туда ходить запрещено. Можно только весною, когда начинают таять снега. Тогда сходятся мужчины из всех городков, и мы убиваем пятьдесят, а то и сто лосей.

— Кто же запрещает идти туда сейчас и почему?

— Наши предки установили такой обычай, чтобы оберечь потомство всякого зверя. Если мы нарушим запрет, то духи рассердятся и обрекут нас на голод. Поэтому мы не нарушаем обычай, за что духи были к нам благосклонны и позволили убить этой весною семьдесят лосей.

— Хороший обычай, — согласился Оничков. — Но я надеюсь, что ты все же выведешь нас на рогатого зверя.

Вскоре после этого разговора издали заметили трех лосей. Судя по всему, встреча состоялась с семейством — самцом, лосихой и уже взрослым детенышем. Остяк посоветовал охотникам выставить заслоны в тылу и по бокам, затаиться и ждать крика, означающего, что лоси ударились в бег. Оничков распределил — кому куда ехать, взяв с собою Зубакина и толмача. Он заметил, что справа есть просвет среди деревьев — наиболее подходящий путь для зверей, и поэтому повел туда свою группу. Расчет оказался верным — лоси выбрали это направление. Самец, рослый красавец, бежал впереди, как и ожидалось, и был одновременно сражен двумя лучными стрелами и пулей. От грохота выстрела из пищали самка метнулась в сторону и ускорила бег, а детеныш на мгновение замер. Этого времени оказалось достаточно, чтобы стрелы толмача и Оничкова уложили его рядом с отцом.

Протрубил рожок, и все сошлись к добыче. Лосей погрузили в нарты, двух лошадей впрягли в помощь собакам — и отправились обратно.

Сразу по прибытии остяки стали разделывать туши, аккуратно снимая шкуры. За воротами, на полянке, казаки развели костер, чтобы поесть свежего поджаренного мяса. Все охотники уселись на обрубки стволов деревьев, пригласив хозяев городка, сыновей и старика, которые женам и детям велели сидеть в доме.

На радость компании, о чем никто не позаботился, десятник Герасим Петров вытащил из переметной сумы большой медный сосуд с брагой — и началось пиршество. Для хороших зубов вкусная лосятина не казалась жесткой. Но служилых передергивало от того, как едят остяки. Они поставили перед собою деревянное корыто, наполненное вырезками свежих мускул, чаши с еще дымящейся кровью убитых животных, и в них помакивали куски мяса, запивая той же горячей кровью.

От пития все немного захмелели, особенно старик. Насытившись, он сказал:

— Ой, как холосо! Не было бы лося — чем сыты были бы? Мне отец рассказывал, что раньше лоси не такими были, как теперь. Было у них шесть ног, и они так быстро бегали, что догнать их

было невозможно. Тогда один Остяк стал просить Торума* сделать лося с четырьмя ногами, как у других зверей. Услышав просьбу, Торум сказал, чтобы Остяк взял собак и людей и сам отсек лосю задние ноги. Так и случилось. Остяк пошел с собаками и с семью человеками ловить лося. Долго пришлось гоняться за ним, много пришлось пройти урманов и рек и наконец догнали его только у Камня. Здесь удалось всадить стрелу в тело лося, и он остановился, но держался на ногах, не падал и был совсем живой. Тогда Остяк, помня слова Торума, отсек лосю задние ноги. С того времени у него стало четыре ноги, а хвоста не осталось.

Почавкав, сделав очередной глоток крови, старик снова с умилением произнес:

— Ой, как холосо!

Заинтересованный рассказом, Оничков спросил:

— А собаки помогают в охоте на лося?

— Еще как помогают! Собака — верный друг. Она думает и чувствует, как человек. Без нее не добудешь ни соболя, ни другого зверя. Торум, как и Остяка, послал ее на землю для труда и бедности. Торум сказал ей: «Вот тебе лук и стрелы, иди на землю, стреляй зверей и носи своим хозяевам их шкуры и мясо». Но старуха, мать Торума, сказала сыну, что напрасно он дал собаке лук и стрелы. Это будет худо: человек сделается очень богатым, а на земле скоро не станет никакого зверя. И старуха помутила собаку, и та забыла обо всем, что говорил ей Торум. Так повторялось три раза. Тогда Торум сказал собаке: «Ступай на землю, ешь там человечье дерьмо, кости зверей и рыб» — и отнял у нее лук и стрелы. С того времени собака сделалась такая, какая теперь есть: белковая, соболиная, оленья, лосевая и на всякого другого зверя.

Оничкову и товарищам по охоте интересно было бы послушать и другие россказни старика, но время короткого дня быстро убывало и следовало поторопиться, чтобы темнота не застала путников на лесной тропе.

Наскоро загрузив кули зайцами, мясом и внутренностями лосей, оставив часть добычи хозяевам городка, охотники отправи-

* Главный бог остяков.

лись в Сургут. Перед отъездом Оничков попросил остяков выделать лосиные шкуры и голову самца и привезти в острог.

— Холосо, сделаю, — пообещал старик. — Завтра провожу сыновей в урман за соболем и сразу стану выделывать.

Во время езды Оничков вспоминал все события дня, рассказы о месте, запретном для охоты осенью и зимой, о Торуме, который послал Остяка на землю для труда и бедности, и подумал: «Не зря я сказал Борятинскому, что их нужно жалеть».

4

В студенную зимнюю пору жизнь горожан протекала по привычному руслу. Казаки и стрельцы ходили в караул, меняясь через каждые четыре часа, а воевода и его помощники делали обходы по острогу, проверяя состояние оружия у служилых и целостность печатей на житницах и погребах, заглядывали в гостиный двор, чтобы лишний раз своим присутствием напомнить продавцам и покупателям о соблюдении закона. Поп Илинарх исправно вел церковные службы и исполнял людские требы — венчание, крещение младенцев, отпевание покойников, отпускал на исповедях грехи.

В морозные будничные дни люди предпочитали сидеть у очагов, но раз в неделю ходили попариться в баню, а в праздники, несмотря на непогоду, наряжались в яркие одежды, прогуливались по улице, забредали в гости, пели, плясали, боролись в снегу. Самым приятным провождением времени для мужчин были засидки в кружечной. Таким образом изгоняли тоску. Сибирская зима не лето красное, особенно не разгуляешься, да и вести редки. А как там, на Руси? Что нового, невеселого? Даже и посудачить не о чем.

Как всегда, весь городской люд с нетерпением ждал наступления весны. С ее приходом город сразу оживал. Казаки готовились к посылкам — конопатили и обмазывали дегтем днища судов, проверяли парусное снаряжение, таскали на берег бочки с продуктами, получали полугодовое жалованье муки и круп, чтобы в их отсутствие семьи не голодали, вспахивали огороды и прочее.

Стоило только на Оби сойти льду, как тридцать человек поплыли в Верхотурье за хлебом, а во все волости отбыли ясатчики для сбора пушнины.

Так в напряженной работе и хлопотах незаметно промчался май. Наступил июнь, и в Сургут стали прибывать струги, каюки и дощаники. Купцы завалили гостиный двор товарами, на городской площади торговали рогатым скотом и лошадьми. Тобольский воевода прислал всякую казенную рухлядь, а приказчик Максима Строганова доставил на каюке, имеющем отдельные каюты, хлеб, соль, коровье масло, мед, цветные материи, заморские вина и сахар для воевод.

Узнав о прибытии долгожданного судна, Борятинский, Пивов и Оничков тут же отправились на берег. Каково же было их удивление, когда по трапу, вслед за вертлявым человечком, сбежала молодая, красивая, крепкого телосложения, русоволосая женщина. На мгновение она замерла, окидывая взглядом людей, занятых разными делами, и вдруг, радостно вскрикнув, бросилась к рослому мужчине, стоящему спиной, и повисла на нем.

— Да это же Зубакин! — почти одновременно воскликнули все трое, и направились к счастливой паре.

— Вот, нежданно-негаданно женка приехала, Катерина, — растерянно сказал атаман.

— Смелая у тебя жена, раз не побоялась долгого и трудного пути. Любит, как видно, — сказал Борятинский.

— Люблю, — кокетливо ответила Катерина, — теперь он никуда от меня не убежит! Буду и в походы с ним ходить. Я ведь тоже умею стрелять и драться.

— А кто же будет детей рожать? — спросил, улыбнувшись, Оничков.

— Дети — не помеха. Когда появяться, сиделку заведем.

— Ну и женщина! С ней, Богдан, не пропадешь! — сказал Пивов, сбросив с себя обычную спесь.

Вертлявый мужичок оказался приказчиком Строгановых. Поговорив с ним, воевода и Оничков пришли к выводу, что не дурня прислал Максим. Проворно пробежав по острогу и слободе, осмотрев все закоулки, он сказал:

— Не вижу необходимости ставить у вас торговый дом. Сургут находится как бы в стороне от караванных путей, и торговать тут способнее наездами в летнее время. Нет смысла, да и дорого содержать людей круглый год, не получая хорошей прибыли.

Приказчик был приглашен отужинать в воеводских хоромах. И не зря! От него удалось узнать о некоторых событиях и слухах о судьбе опальных Романовых.

Оказалось, что сосланные Александр Никитич и Михаил уже мертвы и похоронены недалеко от владений Строгановых — первый в Усолье, а второй — вблизи с крепостью Чердынь. Ходят слухи, что они были удавлены по указке царя Бориса, который, желая опровергнуть это, проявил милость к Василию Романову, когда получил донос, что он, отягченный болезнью и цепями, не захотел славить царское милосердие, сказав: «Истинная добродетель не знает тщеславия». С Василия сняли цепи, объявив царский гнев приставу за излишнее угнетение опального, и перевели его в Пелым к брату Ивану Никитичу, у которого случился удар и за ним был необходим уход. Но в феврале, в день Сретения Господня, Василий скончался, и Иван остался без поддержки любимого брата. Все думали, что и он обречен на погибель, но тут заступился за него зять, Иван Иванович Годунов, и в марте Ивана отправили в Уфу на службу.

Особенно сетовал приказчик по поводу смерти Михаила, которого сам видел в темнице и наблюдал за проявлением любви к сему стойкому душою мужу окрестных жителей. Их дети, сквозь отверстия землянки подавали узнику, что имели, для утоления голода и жажды и играли ему на свирелях.

Затем он поведал, что и в этом году на Руси голод продолжает косить людей, что цена на хлеб значительно возросла и, если ранее его покупали в основном бочками и четвертями, то теперь затрудняются заплатить даже за осьмину, и потому введена новая мера — четверик.

— Надеюсь — нас ты не станешь грабить, предъявив за хлеб непотребную цену? — спросил Борятинский.

Приказчик заерзал по лавке и сказал:

— Не стану, если расплатитесь мягкой рухлядью.

— Это невозможно, так как она вписана в цареву книгу.

— А ты поминочными соболями заплати, забыв их записать.

— Ну, и хитер ты, однако. Ладно, так и сделаем.

Напоследок, когда застолье подошло к концу и приказчик захмелел, он шепотом произнес:

— Ходят слухи, что убиенный царевич Дмитрий на самом деле жив. Его, мол, спас дьяк Щелканов, увезя к полякам на Украину.

5

В конце лета из Нарыма прибыл Тугарин с десятью казаками, и привез соболиную казну. Он сказал, что только Тайбохта Вонин сдал ясак сполна, а остальные городки недодали четверть оклада, ссылаясь на болезни и оскудение угодий. Особенно это касается сбора по реке Кети, где в прошлом году, во многих местах, пришлось брать погромную рухлядь. Но ныне там, где люди еще не устоялись, и чтобы избежать бунта, пришлось действовать не жесточью, а лаской. В этом и вся причина.

Борятинский слушал, покручивая ус, что было признаком размышления и недовольства, но упрекать Тугарина не стал. Он принял неожиданное решение:

— Мы поступим так, — сказал он, — весь ясак этого года отправим в Тобольск. В Москве сейчас худое время, на дорогах орудуют шайки разбойников. Зачем рисковать своими людьми? Ко всему, это согласуется с царским указом — действовать через главного воеводу.

Провожая казаков в Тобольск, Борятинский вручил им отписку царю Борису, в которой писал:

«Посылали мы, государь, служилых людей по остяцким волостям выгонять остяков на зверовые промыслы для твоего государева ясака и поминков, но промышлять ходили немногие, да и те, которые ходили, полного оклада не заплатили, потому что лучших зверей тайно продали торговцам и всяким людям. А наказанье им чинить я, холоп твой, не смею, так как, государь, в указе у меня, холопа твоего, писано: к ясачным людям держать ласку и

береженье и твой ясак собирать ласкою, а не жесточью, и не правежом».

В это же время пришла отписка от тобольского воеводы, Федора Шереметьева, который извещал, что прибыл князь Голицын ему на замену, и поэтому все дела теперь следует согласовывать с ним. Кроме того, он прислал копию своего обращения к воеводе Туринска, в котором была изложена следующая просьба:

«Господину Федору Константиновичу, Федор Шереметьев челом бъет. Отпущены, господине, из Тобольска к Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всея Руси к Москве, Сургутского уезда Пегие орды Нарымского острогу Князец Кичей с товарищи двенадцать человек, а с ним Сургутский пятидесятник Тренька Деев с товарищи. И как они в Туринский острог прибудут, и ты им велел бы подводы дать по подорожной, да и корм Татарам велел дать до Верхотурья, как им мочно сытыми быти.

110 году, апреля в 1 день».

— Сегодня, наверное, Деев уже в Москве, — сказал Борятинский. — Вернется, должно быть, к зиме, и вести нам привезет свежие. Чую, что скоро отзовут меня из Сургута, и полезно знать, к каким неприятностям нужно готовиться.

— Вижу, что ты уже не надеешься на великое жалованье, — сочувственно сказал Оничков.

— Ты, Володимир, сам слышал, что творится в Москве. Сносить бы голову. Спрячусь на время в поместье. А тут еще прислали Голицина, с которым у меня была вражда. Не навредил бы он.

Не напрасно встревожился Яков Петрович. Вскоре дошел до Сургута слух, что Голицын упорно дознается о бунте в Нарыме и казни Басарги. Оничков его успокаивал:

— Пускай дознается. Выбрось это из головы. Ведь всем известна причина — воли захотелось соль-купам. И тут нашей вины нет.

Шло время, на пороге была зима, нового воеводу в Сургут не прислали.

— Видешь, Яков Петрович, Москве сейчас не до нас, — сделал заключение Оничков. — У царя Бориса есть более серьезные дела. Считай, что до лета поживем в покое. А то, быть может, и еще на год оставят тебя.

Словно в подтверждение этих слов, пришла царская грамота:

«От царя и великого князя Бориса Федоровича всея Руси в Сибирь в Сургуцкой город воеводе нашему Якову Петровичу Борятинскому да голове Володимиру Васильевичу Пивову. Писали есте к нам, что посылали вы в кузнецкую самоедь на Пурюган реку атамана Богдана Зубакина да Бордокова сына князя Кинему к сомоедским князькам к Акубе да Комге да Салыме с нашим жалованным словом и приводити их к шерти, чтоб они были вперед под нашею царскою рукою неотступно и ясак с себя и с своих людей сполна платили и приезжали в город Сургут. И ноября 24 день приехал из кузнецкой самоеди атаман Богдан Зубакин с товарищи, а в расспросе вам сказали: наехали де они <...> к Акубе князю с товарищи на Пур-югане реке и наше царское жалованное слово сказывали и ясаку на 110 год прошали и в город их Сургут звали. И Акуба с товарищи им отказали, что емлют де в новый в Мангазейский острог ясатчики нашего ясаку по 5 соболей с человека и они де хотят платить наш ясак в новый Монгазейской острог. И водили де они Богдана Зубакина с товарищи в Зырянский городок к ясатчикам на Таз реку и в том деи Зырянском городке из Монгазейского острога от князя Василья Масальского да от Савлука Пушкина были ясатчики — тобольской казак Андрюшка Архипов да березовский казак Федька Князев. И те деи князьцы Акуба да Комга да Салым дали наш ясак Ондрюшке Архипову с товарищи, да и впредь де они хотят платить ясак в Монгазейский острог.

И как к вам ся наша грамота придет, и вы б с кунемской самоеди с князьцов Акубы да с Комги да с Салыма с товарищи имали нашего ясаку по пять соболей лутчих ценою против 11 соболей и велели им наш ясак платить в Сургут по-прежнему. А буде им ясак платить ближе в Мангазейский острог, и вы б им велели

платить туда и о том в Мангазею отписали, чтоб нашего ясаку имали по 5 соболей с человека ценою против 11 соболей. И береженье б есте к дальним волостям держали, чтоб им нужи и тесноты никоторые не было.

Писан на Москве лета 7111* сентября в 6 день».

От удовольствия, Борятинский потер руки и сказал:

— Не зазря была наша посылка на Пур-реку. В том твоя правда, Володимир. Теперь я не отдам сбор ясака Мангазее.

— А ты обратил внимание, Яков Петрович, на важную для нас оговорку в грамоте? — спросил Оничков.

— На какую?

— Относительно цены против одиннадцати соболей. Можно судить, что твое самоуправство по окладу Москвою признано.

— Это хорошо! Все у нас налаживается. Плохо только в одном — деньги на исходе. А срок пришел и жалованье выдавать служилым, и производить закупку соболей у купцов и промышленных людей.

— Время еще есть до ледостава. Привезут нам деньги, — уверенно сказал Оничков.

Через неделю после этого разговора деньги поступили. Судно из Тобольска привезло тридцать семь мешков, в которых были копейки, алтыны и деньги на общую сумму 1400 рублей. А для воевод жалованье прислали серебряными рублями.

6

Миновала еще одна зима, которую люди Сургута прожили в достатке и без нужды в хлебе. Весною, как было заведено, ушли в разных направлениях каюки и струги с казаками: в Нарым и на реку Кеть — с годовальщиками, в Верхотурье — за хлебом, по всем волостям Сургутского уезда — с ясатчиками.

Отправлять царскую соболиную казну Борятинский не спешил, ожидая, что этим летом ему могут прислать замену, и тогда будет надежнее ехать в Москву не с пустыми руками. Так оно и случилось.

* 1602 год.

15 Заказ 462

В июле, когда до нового 7112 года оставалось меньше двух месяцев, в Сургут прибыл новый воевода, Федор Васильевич Головин, а с ним в помощники — казацкий голова Гаврила Иванов, который при встрече с бывшим сослуживцем Тугариным — сжал его могучим объятьем и сказал:

— А что-то я тебе сейчас поведаю. Ведь это ты наказывал бунтовщиков в Нарыме?

— Мне было поручено. Воли захотелось Басарге, мутил людей. Пришлось его казнить.

— Тебе я верю, — сказал Гаврила, — но тобольский воевода Голицын в доносе на Борятинского отписал в Москву, что причиной бунта послужила жесточь при взимании ясака в одиннадцать соболей.

— Ложь! — возмущенно воскликнул Тугарин. — Бунт был во время действия царской льготы, а брать оклад по одиннадцать соболей стали позже. Не изменили же люди нижних волостей!

— Это так, но Голицын ссылается на дознание князьков — Кичея, брата Басарги, Сегея, сына Вони, и на лучших людей нижних волостей, которые, будто бы, ездили в Нарым, чтобы примкнуть к изменникам.

— И это ложь! Басарга силою сумел понудить к бунту только бывших своих поданных на Кети, а Тайбохта, сын Вони, как и Сегей, выступили на нашей стороне и помогли изловить зачинщиков. К тому же, сам Кичей не одобрял действия брата. Он сказал мне об этом. Если понадобится, я поеду в Москву с челобитной к царю Борису, чтобы победила правда.

— А ты так и сделай следующим летом, но пока никому ничего не говори, — посоветовал Гаврила. — А Головина я постараюсь убедить, чтобы послал тебя с царской соболиной казной к государю.

На этот раз Оничков отбыл в Москву вместе с Яковом Петровичем Борятинским, не имея царского указа на то, чтобы его отпустили. Он надеялся навсегда распрощаться с Сибирью, учитывая почти десятилетний срок службы в Сургуте.

Уезжая, Борятинский и Пивов не подозревали, какую пагубную славу вместо царской благодарности и награды великим жалованьем принесет им донос Голицына.

В грамоте от 29 ноября 7112* года Федору Головину и Гавриле Ивановичу предписывалось:

«...И те князцы и лучшие люди и остяки вам сказывали, что измена де в верхних землях учинилась от нашего ясака, имали де Яков Борятинский да Володимер Пивов с них наш ясак тяжол, по 11 соболей с человека <...> лисицы и бобры имал черные, и сажали де их в тюрьму и они де ясак платили, жен и детей продавая. А прежние де воеводы таких ясаков с них не имали.

И как к вам ся наша грамота придет, и вы б тотчас послали во все ясачные волости и остроги, а велели бытии к себе князькам и лучшим людям из волости человека по два и по три. А как они в Сургут будут, и вы б им велели быти в съезжей избе, а сами и служилые люди в те поры были в цветном платье, и сказали им наше царское жалованье: что мы, великий государь царь и великий князь Борис Федорович всея Руси, велели князю Якову Борятинскому да Володимиру Пивову, будучи на нашей службе в Сургуте, их во всем беречь и насильства и убытков и продажи никоторые ни от кого не было, и ясаков лишних с них имать не велели, а велели имать, как кому мочно заплатить, смотря по вотчинам и промыслам <...> И ныне <...> учинилось, что князь Яков Борятинский и Володимир Пивов <...> воровали и чинили им насильства и продажи великие и ясак с них имали тяжол мимо нашего царского указу, и от того у сибирских людей в земле оскудение великое... А в которых будет людях почаюют в шатости, и они б воров не укрывали и тем нам службу свою и правду <...> сказывали про них, имая привозили к <...> Федору и Гаврилу <...> и мы тех людей велели пожаловать своим царским жалованьем <...>

А сказав им наше царское жалованье и напоя и накормя отпустить по домам, а впредь <...> к ним ласку и береженье держали великое и поили и кормили нашими запасами. А буде кому за службу доведется дать наше жалованье, платья и сукна, и вы б давали, смотря по службе и по тамошнему делу <...> а лишнего ясаку не накладывали, чтоб им в том нужи и тесноты никоторые не было и шатости на них в том не навести.

* 1603 год.

Не так бы учинили, как воровали князь Яков Борятинский да Володимир Пивов, для своего воровства и бездельные корысти на ясачных людей ясак накладывали и тех сибирских людей от нас отгоняли».

— Все ложь! — гаркнул басом Гаврила. — Яков Петрович наказывал тех, кто заслужил. Голицын не только оговорил Борятинского, но и нам навредил. Сможем ли теперь собрать полный оклад соболей?

— Правда твоя, — согласился расстроенный Головин. — Что делать будем? Если свое дознание проведем да челобитную царю отправим, то сомневаюсь, что дело поправим.

— Надо, чтобы бил челом атаман Тугарин, который подавил бунт и знает, как снять вину с Якова Петровича. Надо хотя бы ему помочь, а для этого послать его в Москву с мягкой рухлядью.

Головин согласился, и летом Тугарин поехал бить челом государю царю Борису Федоровичу. В это же время по царскому указу Гаврила Иванов покинул Сургут и отправился ставить город Томск.

На этом завершилась десятилетняя эпопея великих походов и деяний славного города Сургута.

Барас Сахуана. Василий Шуйский

Эпилог

Наступало время Смуты. В 7113* году, 16 октября, на границе Руси появился с войском Самозванец, называющий себя царевичем Дмитрием, сыном Ивана Грозного.

В период 1604–1614 годов русский народ пережил целую эпоху тяжелых и кровавых испытаний. Гражданская война в центре Руси породила волнения и в далекой Сибири. Прокатилась волна бунтов. Местное население, вогулы, остяки и соль-купы, предпринимали попытки сбросить с себя ясачное ярмо.

В 1605 году повторился бунт кетских соль-купов. Было убито десять казаков ясатчиков, после чего изменники убежали на север. С помощью новокрещеного Микитки Осипова их удалось склонить к покаянию и вернуть в свои городки. Поэтому воевода Постник Бельский применил к знатнейшим из них мягкую меру наказания. Он велел выпороть их кнутом.

В следующем, 1606 году, вдова кодского князя Игичея Анна Алачева приезжала к остякам Сургутского уезда и уговаривала оказать поддержку в нападении на Березовский острог. В результате в 1607 году объединенные силы пелымских вогулов, кодских, ляпинских и сургутских остяков подняли восстание, возглавляемое князьями Василием Обдорским, Шатровом Лугуевым, кодским наследным «принцем» Онжей Юрьевым и Анной Алачевой. В свое время все они приняли православие с христианскими именами, чтобы заручиться поддержкой русских властей, но, воспользовавшись неурядицами на Руси, призвали свой народ к борьбе за свободу.

*** 1604 год.**

После двухмесячной попытки взятия Березова, осада была сорвана подоспевшими на помощь казаками. Основную роль в этом сыграло предательство Мамрука, сына Василия Обдорского.

Начались допросы и казни. Повесили 30 бунтовщиков, в том числе зачинщиков — Василия Обдорского и Шатрова Лугуева. А княгиню Анну посадили в тюрьму.

Казненные провисели три года. Лишь в 1610 году разрешили родственникам снять тела и похоронить. Однако, когда Анну Алачеву выпустили из тюрьмы, она вновь пыталась поднять восстание. Об этом узнали, когда на реке Сосьва поймали остяка с «изменной» стрелой, на которой было вырезано 11 шайтанов. На допросе остяк показал, что княгиня Анна со своим деверем ездила к сургутским остякам и на Иртыш к татарам, чтобы договориться вместе идти войной на Тобольск. Анну снова взяли под караул, но из-за ее упорства и непризнания своей вины вынуждены были отпустить. Она умерла в 1649 году. Как известно из воеводских грамот, с ее смертью «роду и племени Алачевых никого не осталось», «Кодский городок стал впусте, и церковь божия стоит без пения».

Но род Алачевых все же не исчез совсем с лица земли. Его история весьма любопытна. В 1599 году один из сыновей Игичея, будучи в Москве, принял христианскую веру и был наречен Петром. После возвращения его в Коду, сам Игичей отправился в Москву и там крестился, а в 1602 году построил в Коде церковь во имя святых Зосимы и Савватия. В 1603 году крестился и другой его сын, Михаил. Он остался жить в Москве, был произведен в стольники, и женился на русской девице из знатного рода. А в Коде его жена остячка родила ему сына Дмитрия, который вырос и стал княжить в Сибири. Однако в 1636 году кодские остяки князя Дмитрия Алачева отказались ему подчиняться и платить ясак. Они попросили русское правительство перевести их на обычное ясачное положение с уплатой в государеву казну, мотивируя просьбу «насильством и налогами» со стороны Дмитрия, что означало как уплату поминков в государственную казну, так и содержание князя с его ближайшими воинами-дружинниками. Произошел конфликт, схожий с тем, который был у Кинемы с остя-

ками. Желая забрать права Алачевых в руки государства, Дмитрий был вызван в Москву и произведен в стольники. Впоследствии ему была дана в поместье волость Лена, на реке Вычегде, Вологодской губернии.

Теперь наступила очередь рассказать о судьбе нашего сургутского героя, атамана казаков Тугарина Федорова.

Прибыв в Москву с соболиной казною, он был полон решимости доказать невиновность Якова Борятинского. Но приказные дьяки от него отмахнулись. В эти дни всех одолевали иные заботы. Помыслы и дела были направены на сбор полков для отражения войска Самозванца, захватывающего без сопротивления один за другим города по всем областям до Новгорода-Северского.

Борис Годунов видел погибель свою в беспрестанных изменах, о которых доносили ему, чувствовал ее в каждом упреке совести и, будучи не в состоянии переносить страдания, скоропостижно скончался 13 апреля 1605 года, после чего Тугарин поспешил отбыть в Сургут, чтобы в трудные дни быть рядом со своими товарищами. Но он уезжал не один. Он успел жениться и увозил с собою жену. А в следующем, 1606 году, у него родился сын, которого нарекли Петром.

Сибирских воевод теперь мало беспокоила Москва, но они были в растерянности. Не зная, что предпринять в связи с захватом власти Самозванцем, большинство избрало выжидательную политику и вершило дела в собственных интересах. Однако были и такие, которые поспешили угодить так называемому царю Дмитрию Ивановичу. Кетский воевода Постник Бельский не замедлил послать в Москву 70 сороков соболей, более сотни бобров, несколько десятков лисиц и даже шубы.

Но недолго длилось гнусное царствование. 17 мая 1606 года князь Василий Шуйский с мечом в одной руке и крестом в другой ворвался с толпой сподвижников в Кремль через Спасские ворота — и Лжедмитрий был убит.

Народ, всегда любивший Шуйских, происходивших от князя Андрея Ярославича, брата Александра Невского, уже на третий день после восстания единодушно избрал царем Руси Василия Ивановича Шуйского.

Весть об этом быстро долетела до Сибири, и воеводская управа вошла в свое прежнее русло. В Сургут стали поступать указы нового царя. Вот один из них, дающий представление о состоянии дел в Нарыме и влиянии на них соль-купского князя Тайбохты, уже знакомого нам по поимке бунтовщика Басарги:

«От Царя и Великого Князя Василия Ивановича всея Руси в Сибирь в Сургутский город, Воеводам Нашим Федору Васильевичу Волынскому, Ивану Володимировичу Благову: бил Нам челом Сургутского уезду Пегие орды князьки Тайбохта Вонин, да Вангай Кичеев <...> а сказали: емлют де с них Нашего ясаку по одиннадцати соболей с человека, и поминки, и им де от того <...> нужда великая, и впредь по такому окладу платить ясак невозможно <...>

<...> а сказывал: послан де он был с Нашими служилыми людьми на Наших изменников на Менлея, да на Чулымских и Кетских князьков не в одну пору, и он де тех изменников князьков под Нашу Царскую руку привел; а будучи де на наших службах голод и всякую нужду терпел, и нам служил...

И мы Пегие орды князя Тайбохту Вонина пожаловали ясаку с него имать не велели, а велели ему Нашу службу служить, и житии велели в Нарымском остроге, а Нашего годового жалованья ему давати по три рубли денег, да хлеба по четыре чети муки, по чети круп, по чети толокна, по пуду соли на год <...> Писан на Москве лета 7118 году, мая 15 день».

Понятно, что походы Тайбохты на изменников не могли осуществляться без участия приказного Нарыма, то есть Тугарина.

Приведенная выше грамота была одной из последних от царя Василия Ивановича. Новые самозванцы стали появляться в самом начале его царствования. Поляки, наши непримиримые враги, мстя за убитых в Москве соотечественников, вместе с самозванцем Лжедмитрием II поклялись отнять престол.

Объявивший себя царевичем Дмитрием в короткое время возмутил всю землю Северскую и Рязанскую, и составил войско из жителей изменивших городов — из стрельцов, казаков, детей боярских и даже обманутых крестьян, толпами приходивших под знамена самозванца.

Уже в июне 1608 года Самозванец был в 12 верстах от Москвы, в селе Тушино.

Верными царю в это время оставались только отдаленная Сибирь и города — Казань, Саратов, Нижний, Коломна и Переяславль-Рязанский. Все прочее принадлежало мятежникам.

Московские бояре отправили в Сибирь грамоту с воззванием о защите государства, разоряемого самозванцами и поляками.

Сургут откликнулся на это воззвание.

Атаман Тугарин Федоров отправился в Москву, чтобы стать в ряды спасателей отечества.

Перед его прибытием, племянник царя — двадцатилетний князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, обладающий превосходным умом и талантом полководца, уже успел совершить ряд побед и изгнал Самозванца из Тушино, который бежал в Калугу и там собирал новые полки из безрассудных жителей, добродушно веривших его рассказам. В это время и влился Тугарин в войско Скопина, о чем в дальнейшем писал в челобитной царю Михаилу Федоровичу Романову, перечислив свои службы в Сургуте и на арене защиты отечества:

«...и служил тебе, государю, многие службы: был в полку с твоим государевым боярином и воеводою со князем Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйским под Калугою и с твоими государевы изменниками бился явственно и языки многие имал. Да из-под Калуги, государь, был послан под Лихвинскую засеку твой государев стольник и воевода Василий Иванович Бутурлин, а у него был в полку голова Гаврило Посевьев, и я, холоп твой, был у Гаврила в сотне под Лихвинскою засекою и тебе, государю, служил и языки многие имал и был ранен <...> и Лихвинскую засеку взяли и твоих государевых изменников всех побили, а достальных переимали и привели к Москве».

Но, как оказалось, все эти усилия были напрасны. Русские изменники захватили Москву и впустили в нее поляков. Тугарин попал в новый водоворот событий.

В апреле 1610 года Михаил Скопин-Шуйский, которого народ в восторге признательности уже называл не иначе, как отцом оте-

чества, был отравлен на обеде у Дмитрия Шуйского, брата царя, мечтающего о престоле.

Его смерть повергла в ужас Москву. Появились злодеи, которые уверяли народ, что в гибели его любимца виноват сам царь. Такое ложное обвинение погубило Шуйского. Не прошло и трех месяцев, как 17 апреля 1610 года Василий Иванович был силой вывезен из дворца вместе с молодой супругой и на другой день пострижен в монахи. Затем неблагодарные подданные выдали его как пленника полякам. Увезенный в Варшаву, Шуйский там и скончался 12 сентября 1612 года.

Так с 1610 по 1613 год пролегло время междуцарствия, время польского бесчинства в Москве.

Из священного жилища Сергия Троицкого монастыря блеснул первый луч надежды для русских. Архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицин первыми начали великое дело спасения отечества. Они создали небольшой отряд стрельцов и монастырских слуг, разослали грамоты во все города, призывая идти против врагов. И тогда нашелся избавитель Руси от страданий. Это был простой мещанин Нижнего Новгорада, Козьма Минич Сухорукий. Он тут же на площади, где читали грамоту, сказал народу:

«Вера и отечество наше погибают, но мы можем спасти их. Не пощадим жизни и имущества для избавления Москвы, продадим свои дома, заложим жен и детей своих и выкупим из беды отечество! Бог благословит наше предприятие».

Благодаря усердию Минина появилось войско, но недоставало полководца. Выбор пал на князя Дмитрия Пожарского, который за год перед тем был опасно ранен, защищая москвитян от поляков с небольшим отрядом.

Его Минин умолял именем всех русских спасти Русь.

И вот настал день победы. 24 августа более 15 тысяч поляков было убито, остальные ушли с гетманом в Польшу. А 22 октября 1612 года сдались поляки, умирающие от голода за стенами Кремля.

А 4 марта 1613 года царем был избран шестнадцатилетний Михаил Федорович Романов.

Тугарин Федоров участвовал в событиях под Москвою, писал о том в челобитной государю, и просил пожаловать его на старости лет за службу и пролитую кровь:

«...Да я ж, холоп твой, был под Москвою с твоими государевы бояры без съезду, как сидели в Москве литовские люди, и с твоими государевы изменниками и с поляками и с литовскими людьми и с русскими воры бился явственно и многижды был ранен.

А твоего царского жалованья денежново мне, холопу твоему, за мое службишка идет по пятнадцати рублев денег да хлеба по пятнадцать четвертей. И ныне я, холоп твой, ото многих служб и ран увечен и твоей царской службы служить не смогу.

Милостивый государь царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси, пожалуй меня, холопа своего, за мои службишки и за кровь вели поверстать во свою государеву царскую службу сынишка моего Петрушку. А сынишко мое, государь, двадцати лет, пожалуй его своим царским жалованьем денежным и хлебным из моего окладу, как тебе государю Бог известит, чтобы я, холоп твой, з женишкой и з детишками, бродя меж дворов, голодною смертью не умер. Царь, государь, смилуйся, пожалуй».

Помета: «135*год февраля в 7 день».

Итак, 35 лет прослужил доблестный атаман, не щадя себя ради становления Сибири и защиты Руси от иноземцев и изменников. Сургут не может не гордиться своим сыном — Тугариным Федоровым!

Продолжительной была служба в Сургуте и атамана Богдана Сидоровича Зубакина. Еще в 1626 году он значился в «Книге окладного жалованья сургутским служилым людям, ружникам и оброчникам». Известно также и о его походе против восставшего в 1616 году Бардакова сына, князя Кинемы, бывшего соратника Зубакина по посылке к самоедам на реку Пур.

Некоторые исторические документы трактуют выступление Кинемы против русских, как восстание нижнеобских остяков, но это не совсем так. Остяки Сургутского уезда отказали Кинеме в поддержке, так как они сами пожелали платить ясак не князю, а русскому царю. Кинема, его брат Суета и их родствен-

ники были отторгнуты собственным народом, в результате чего превратились в малочисленную, всего в тридцать человек, шайку разбойников.

Осенью 1616 года сургутские воеводы Вельяминов и Зубатой отправили в Кетский острог сообщение, что 17 августа «Бардаковы волости Кинема с товарищи 30 человек государю изменили и приходили на обских остяков тое же Бардаковы волости, на аганских и на аслыпских и на юганских ясашных остяков, хотели их воевать».

Поскольку остяки «остереглись», то есть дали отпор, то Кинема Бардаков начал громить проходившие по Оби русские суда. В устье Тром-егана он напал на дощаник сургутского Третьяка Огородника и убил 9 человек. На реке Вах подверглись нападению 6 каюков промышленных людей, и было убито 17 человек. Помимо них, погибли два казака сургутского гарнизона и два холопа воеводы Ивана Зубатова.

После этого воеводы послали против Кинемы отряд казаков и верных русской власти остяков, всего 50 человек, возглавляемых атаманом Богданом Зубакиным. Однако преследование не принесло успеха, так как Кинема и его соучастники «побежали безвестно». Зато были захвачены семьи повстанцев.

В 1618 году Кинема убил несколько томских казаков, везущих 400 рублей жалованья для служилых людей Томска.

Наконец, воевода Иван Зубатой принял решительные действия в 1619 году. Из Сургута вышел отряд казаков под предводительством Ивана Афанасьева и толмача Ивана Парабельского. На этот раз местонахождение Кинемы было известно. В результате шайка была истреблена, и даже найдены 400 рублей. Жена Кинемы и его старший сын были взяты в плен, а самому главарю удалось бежать. Но есть косвенные сведения, что вскоре он был убит своими же остяками.

Со временем антирусское восстание Кинемы обрело ореол славы и породило много легенд, дошедших до наших дней, в которых герой выступает под именем Тоньи.

Теперь — несколько слов о сургутской церкви Живоначальной Троицы.

Много десятилетий она стояла без колоколов, а священнослужители содержались за счет жалованья служилых. В июле 1654 года казачий и стрелецкий голова Первой Самойлов, атаман Евдоким Алексеев и все служилые люди обратились к царю Алексею Михайловичу с просьбой дать указание о присылке к приходской церкви колоколов и о государственном содержании причта церкви. В своей челобитной они мотивировали просьбу следующими словами:

«Государь, мы, холопы твои, в твоем государеве Сургуцком беспашенном городе оскудали, стали бедны и нужны, и семьянисты».

А какова дальнейшая судьба воевод?

На этот вопрос ответить не представляется возможным. Они, в отличие от атаманов, рядовых служилых и местного населения с его правящей верхушкой, были временщиками. Каждые два-три года правительство их меняло, чтобы не «проворовались», да и родовые поместья ждали их возврата. Сыграв определенную роль в присоединении к России новых земель и сбору пушнины в царскую казну, они без сожаления покидали Сибирь. Что же касается Владимира Оничкова или, как именуется он теперь, Аничкова, то можно предположить, что ему выпало пребывать в Сургуте довольно продолжительное время. Сначала сменщику Федора Борятинского воеводе Плещееву предписывалось использовать Оничкова в дальних посылках, а затем его имя упоминается в наказе следующему воеводе — Лобанову-Ростовскому, на предмет сыска, и ничего не говорится об его отпуске. То ли он был из людей опальных, то ли его приравнивали к категории детей боярских, а может быть, о нем просто забыли из-за смены приказного ведомства и чиновников.

На первых порах город Сургут, как ни один другой, сыграл немаловажную роль в распространении русского владычества в Сибири, в результате чего возникли города Нарым, Кетск и Томск. Люди Сургута проложили пути к Енисею и северным рекам Пур и Таз.

Сургутяне не могут не гордиться героическим прошлым своего города и его доблестными первопроходцами.

Оглавление

Олег Рихтер. От автора 5

Царский указ, или Три тысячи трудных верст 9
Дела городовые 47
Дальняя посылка 75
Перемены 100
Великие события и будни сибирские 133
Жесточь 164
«Царская награда» 208

Эпилог 230

РИХТЕР Олег Борисович

Повесть о Сургуте,
историческая

Корректор М. Кремлева
Художник В. Тугаев

Подписано в печать 14.03.2006 г.
Формат 70x100/16. Гарнитура ВХИ.
Печать офсетная. Бумага ВХИ.
Уч.-изд. л. 11,46. Усл.-печ. л. 19,35. Тираж 300. Заказ №462.

ООО «Издательство Юрия Мандрики»
Лицензия ИД №06344 от 28.11.01 г.

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел. (345-2) 25-12-84.
e-mail: mandrika@tmn.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
на полиграфическом комбинате «Зауралье» (ОАО).
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

4641662006
Библиотека Югры